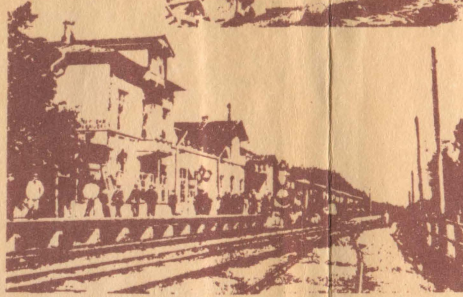
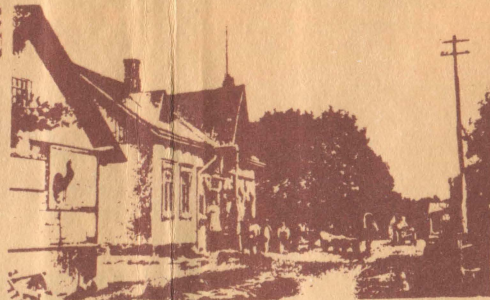

Григорий Усыскин

Поиск доверен юным

Выборг

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО

ФИНСКИЙ

ЗАЛИВ

Ленинград

р. Нева

⑤

Григорий Усыскин

Поиск доверен ЮНЫМ

Научно-художественная книга

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

ЗК (092)
У82

Рецензент
доктор исторических наук
Т. П. Бондаревская

Рисунки и оформление Л. Бирули

4802010000—123
у М101(03)—83 402—83

© Издательство «Детская литература», 1983 г.

Притяжени е истории

Все начинается с книги

Был день как день, обычная пятница. К четырем часам ребята собираются во Дворце пионеров. Каждую неделю занятия туристского кружка, а по воскресеньям — походы. На улице февраль, то тепло, то холодно. За толстыми зеркальными стеклами окон, больше похожими на огромные картины в рамах из красного дерева, лохматые хлопья снега в лиловом свете уличных ламп-фонарей.

В природе все обычно. За февралем наступит март, потом апрель. Но АПРЕЛЬ особенный. Вся страна готовилась к встрече 90-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Ленинградский Дворец пионеров имени А. А. Жданова тоже жил приближением юбилея. Нам, туристам-краеоведам, поручили разработать лыжный маршрут от Разлива до Дибун. Да так, чтобы потом и другие отряды школьников смогли пройти.

Поначалу некоторые из ребят всерьез задание не приняли: «Какой, мол, новый маршрут, если туда каждый день идут вереницы автобусов. А многих там и в пионеры принимали». Пришлось объяснить «скептикам» — не об автобусной экскурсии речь идет. Предстояло проложить туристский маршрут от станции Разлив по скованному морозом озеру, через прибрежные заросли камыша к «Шалашу» В. И. Ленина. Потом еще дальше, по пути В. И. Ленина и его провожатых, к станции Дибун. Дорожек в лесу много, а указателей никто не расставил. Речка петляет, ивняк по берегам вроде живой изгороди, чернолесье на пути сплошным частоколом. Заблудиться в этих местах ничего не стоит. Вот тебе и экскурсия!

Описания маршрута в путеводителях не нашли. Выходит, мы первые. Первопроходцев могут подстерегать всякие неожиданности. Не сбиться с маршрута — половина дела. Значительно сложнее восстановить или, как говорят ученые, реконструировать путь В. И. Ленина в ту памятную ночь 1917 года. И придерживаться именно его.

Первым делом взяли воспоминания Н. А. Емельянова «Ильич в Разливе». Книга небольшая — всего 32 страницы.

«Жил я под Петербургом, на станции Разлив, вблизи Сестрорецкого завода, на котором работал, — начинает рассказывать Николай Александрович. — Мой дом стоял на берегу небольшого озера,

которое соединялось с озером Разлив. Одна калитка вела с улицы в сад, вторая выходила прямо к озерку. У этой калитки были привязаны лодки. Отсюда дорога вела к озеру, а за ним на противоположной стороне был глухой лес, покосные участки. Часть этих участков принадлежала рабочим. Места безлюдные, и дорог там почти не было...»

Некоторые из ребят успели прочесть эту и другие книги о последнем ленинском подполье. Но сейчас требовалось разобраться во всех деталях маршрута. Даже второстепенные факты могли послужить «вешками» для нашего перехода. Каждую страницу книги Н. А. Емельянова старательно изучали, цеплялись за строчки, искали «особые приметы» пути.

...В августе 1917 года слабое знание дороги провожатыми чуть не погубило дело. Ленин и сопровождавшие его товарищи вышли от шалаша в темноте. Был одиннадцатый час ночи. Долго искали нужную дорогу. Не заметили, как попали на болото, обходя его, оказались на торфяном пожарище. Тлели кустарники, дым разъедал глаза. Каждый шаг грозил ловушкой — путников подстерегали ямы с горящим торфяником.

Удалось выйти на лесную дорожку. Вдруг путь преградила речка. Пришлось переправляться вброд. Студеная вода обожгла тело. В кромешной тьме шли на звук паровозного гудка. Не без риска удалось Владимиру Ильичу попасть на последний поезд. Он отходил от станции Дибун на Петроград в час тридцать ночи. Емельянов, прикрывая отъезд Ленина, вступил в спор с патрульными Временного правительства. Его задержали.

В ту тревожную ночь путь от шалаша до станции Дибун занял три часа. Ленин тогда не на шутку рассердился на своих проводников. «Ругал он нас, — как вспоминал А. Шотман, — за плохую организацию пресвирепо: нужно-де было приобрести карту-трехверстку; почему предварительно не изучили дороги и прочее».

Мы сделали для себя вывод из этой истории: нельзя надеяться на «авось», к серьезному делу необходимо и относиться серьезно. «Штурманская группа», такая перед каждым походом назначается, больше всех старалась. Юра, Эрик и Женя успели схему маршрута вычертить. Отдельные точки пути соединили прямыми линиями, на всех отрезках поместили направления — азимуты, чтобы по компасу двигаться. Вроде все данные собрали и маршрут проложили. Хоть сейчас садись в электричку — и в Разлив.

В тот момент, когда «штурманская группа», довольная собой и проделанной работой, скромно ждала общего одобрения, встал Леша и с невозмутимым видом спросил:

— Мне лично не ясно: где Оллила находится?

Ребята переглянулись: подшутить решил, не иначе. Только поздно, домой пора, уроки делать.

— Откуда свалилась эта Оллила? — вскипела Лариса. — Зачем она нам? Выдумываешь всякое. У нас маршрут от Разлива в Дибун, а там нет никакой Оллилы.

— Ничего не выдумываю, — обиделся Леша. — Кто виноват, что

вы пропускаете важные факты? Я на это место еще дома обратил внимание. Передайте книгу. Вот, черным по белому написано:

«Я очень хорошо помнил Владимира Ильича, так как дважды видел его близко. Первый раз осенью 1905 года в Финляндии. Повел меня товарищ Ордын, руководивший боевыми дружинами, на какую-то дачу за нелегальной литературой. Было это в Оллиле».

Последнее слово Леша выговорил так, будто в нем было не три, а десять «л» и столько же «о». В самом деле, читали-читали, а на этот эпизод внимания не обратили. Проглотили первые страницы, торопились, поскольку прямого отношения, как справедливо заметила Лариса, к разработке маршрута они не имели.

— Далась тебе эта Оллила, — все еще пыталась отбиться Лариса, — сколько еще дел, а ты свеженькие шарады подкидываешь. Если тебе без Оллилы жить невозможно, пожалуйста, займись ею сам, потом нам расскажешь.

Короткая перепалка имела далеко идущие последствия.

Первый исторический ребус

Прошел месяц. Успешно завершился наш поход из Разлива в Дибуну. Подробный отчет о маршруте обещали поместить в газете. Оставалось радоваться успеху, но уже одолевали заботы о новых походах.

С той поры ленинские места на Карельском перешейке стали нашим главным делом. И первым «орешком», который мы попытались самостоятельно раскусить, была Оллила.

Леша через неделю доложил, что «загадочная Оллила» не что иное, как хорошо всем знакомое Солнечное. Сколько раз в электричке проезжали мимо. Станцию и поселок переименовали в 1948 году.

В книге «Ленин в Петербурге — Петрограде», где указаны ленинские адреса в Ленинграде и пригородах, даже упоминания об Оллила-Солнечном не нашли. Но ведь писал же об этом Емельянов! Как же дознаться? Найти Емельяновых!

Если бы нам пришла такая мысль год назад, когда был еще жив Николай Александрович! А теперь у кого спросить? Может, обратиться к его жене — Надежде Кондратьевне? Она живет в Разливе, в том самом доме, где в 1917 году скрывали дорогого гостя, Владимира Ильича Ленина.

Позвонили в Разлив. К телефону позвали Надежду Кондратьевну. Объяснили, что ищем. Оказалось, ей мало известно о событиях 1905 года и поселке Оллила. Надежда Кондратьевна посоветовала обратиться в музей Сестрорецкого завода:

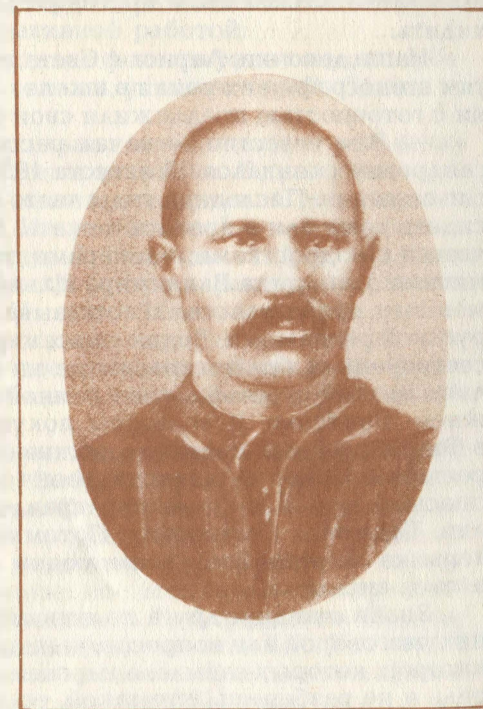
— Найдите Леонида Николаевича Шилова, главного хранителя фондов и директора музея, объясните, что я просила помочь. Он и сам позвонить днями обещал, расскажу про вас...

В заводском музее

К четырем часам дня нас ждали у проходной прославленного на всю страну бывшего Сестрорецкого оружейного, а ныне Инструментального завода имени С. П. Воскова. Справа и слева вдоль центральной заводской магистрали, по которой нас вели, выстроились цеха. С виду — не слишком грандиозные: темно-красного кирпича — двухэтажные, желто-белые — одноэтажные здания сохранились чуть ли не с петровских времен.

Заводской музей разместился в клубе. Витрины и стенды — в фойе и зрительном зале. Мальчишки как переступили порог музея, так и забыли, зачем пришли. Попробуйте остаться спокойным, если стены увешаны клинками и саблями, сверкающими кирасами. В витринах — пистолеты петровских времен, а рядом — кремневые мушкетеры и кавалерийские штуцера. Ружья украшены инкрустацией и чернью по серебру, больше похожи на дорогие игрушки. На самом почетном месте знаменитая «мосинская» винтовка образца 1891 года. Скромная «трехлинейка» верно служила солдатам России две мировые войны.

На столах и стендах фотографии, документы, реликвии. В музее бережно собрано все, что помогает понять богатейшую историю сестрорецких оружейников и инструментальщиков почти за два с половиной века.

Н. А. Емельянов —
большевик, рабочий
Сестрорецкого завода.

Первая русская революция. В эти годы рабочие тайно выносили с завода отдельные детали и собирали оружие для большевистских боевых дружин. В октябрьские дни 1917 года завод дал отрядам Красной гвардии революционного Петрограда уже тысячи винтовок. Их выстрелы гремели при штурме Зимнего дворца.

На одном из стендов знакомая фотография — Николай Александрович Емельянов. Рядом помещена ленинская записка: «Я лично знаю... всю семью Емельяновых (из лучших питерских рабочих-большевиков «старой гвардии»)...».

Леонид Николаевич Шилов, сопровождавший нас по музею, не был о цели нашего посещения. Он обратил внимание на перешептывание девочек за его спиной и нетерпеливые взгляды мальчишек. Как бы между прочим заметил:

— Нельзя давать человеку винтовку для стрельбы, если он не научился как следует разбирать и собирать ее, не понял, для чего нужен каждый винтик. Так и в истории, — добавил Леонид Николаевич, — вырви из эпохи кусок, ерунда получится. Обязательно надо знать, что перед этим было, как все потом стало.

Шилов, сам неутомимый исследователь истории Сестрорецкого завода, хорошо знал семью Емельяновых и дружил со многими ветеранами партии.

— Расскажу вам о Николае Александровиче Емельянове все, что знаю, — сказал он, собрав ребят в кружок. — Запомните, а лучше записывайте, может что и пригодится. Дальше придется своим умом доходить...

Наши девочки, Лариса и Света, взялись за карандаши. Премудростям стенографии их учили в школе, лучше практики не найти. Мальчишки с готовностью предложили свои спины вместо письменных столов.

— Вам известно, — начал рассказ Шилов, — что Николай Александрович скончался 13 августа 1958 года, когда ему было семьдесят семь лет. Последние годы часто болел, но не в его характере было сидеть дома или в кровати лежать. Все рвался к людям. Любил встречаться с подростками, пионерами, такими вот, как вы. Вспоминал памятные дни, когда Владимира Ильича в Разливе прятал от ищеек Временного правительства. Рассказывал и о незабываемых днях первой русской революции. Водил своих юных друзей к местам тайных встреч сестрорецких большевиков, где на укромных лесных полянках учились меткой стрельбе, куда темной ночью причаливали лодки с оружием. Винтовки, револьверы покупали за границей и переправляли в Финляндию, на железнодорожные станции и хутора Карельского перешейка. Николай Александрович и его товарищи-боевики забирали опасный груз и частями переправляли через финскую границу в Разлив, Тарховку, Сестрорецк. Потом за «товаром» приезжали транспортеры из Питера. Всем этим людям ежечасно грозили арест, тюрьма, а то и виселица.

Знали они друг друга по конспиративным кличкам. Никаких лишних разговоров или вопросов, каждый делал свое дело. Боялись провокаторов, которых засылала царская охранка к революционерам. Сразу ведь и не разберешь, кто такой, если проникнет хоть один предатель,

Сестрорецкий оружейный завод. Общий вид. С открытки начала XX века.

то провалит всю организацию. Боевая техническая группа, созданная при Центральном Комитете партии, через специальных агентов руководила всей особо важной конспиративной работой.

Леонид Николаевич показал на стенде фотографии молодых чубатых мужчин и групповой портрет пожилых, усталых людей. Одни и те же фамилии.

— Не удивляйтесь, что они сильно изменились, — разъяснил Шилов, — много лет прошло между этими снимками. В душе они молодыми остались, до последнего дня жизни молодыми. С некоторыми познакомитесь, если поторопитесь. Не утомил вас? — забеспокоился Леонид Николаевич. — Не признаетесь? Похвально! Для будущих историков и следопытов непременно требуется характер и терпение. Всяких трудностей впереди хватит. Но если взялись за доброе дело — старайтесь довести до конца. На прощание сюрприз вам приготовил. В фондах нашего музея хранятся воспоминания Василия и Ивана Емельяновых, родных братьев Николая Александровича. Там и про Оллилу кое-что есть.

На столик перед нами легла довольно толстая кипа машинописных листов. Читать все — хватит до ночи. Выбрали нужную часть. В шесть рук переписали некоторые страницы. Копируем первый подлинный документ, счастливо попавший нам в руки. Обратили внимание на список членов большевистского комитета Сестрорецкого завода в 1905 году — 13 человек. Есть знакомые по рассказам и фотографиям фамилии: Н. А. Емельянов, Т. И. Поваляев, В. Г. Ахрапотков. Последним в списке — Иустин, он же Ордын, представитель ЦК. Тот самый «загадочный» Ордын, который, по воспоминаниям Емельянова, привел его с товарищами в Оллилу к Ленину осенью 1905 года.

Похоже, нам повезло. Нашлось и описание оллиловской истории. Вместо семнадцати строк в книжке — две с половиной страницы текста на машинке. Оказывается, в операции участвовало десять человек: три брата Емельяновых — Николай, Василий, Иван, еще четверо сестро-репцких рабочих-боевиков, два товарища из Петербурга и представитель ЦК — Ордын, он же Иустин. Вот как об этом написали Емельяновы:

«...В Оллилу пришли в темноте. Остановились в лесочке, недалеко от дороги. Ордын и Николай Емельянов отправились к ближайшей даче. В этом-то доме впервые и встретил Николай Александрович Ленина. Были там еще Крупская и Горький. Надежда Константиновна позаботилась, чтобы товарищи подкрепились в дорогу. Вынесли горячий чай, корзинку с бутербродами. Скоро появился и «товар» — два тяжелых мешка нелегальной литературы. Быстро все разобрали: спрятали по карманам, рассовали за пазуху, в голенища сапог. В обратную дорогу двинулись не через Дюны, а вдоль берега Финского залива.

Границу через реку Сестру перешли вброд у самого устья. Немного обсушились в рыбацкой будке старика Емельянова — отца братьев, и по два-три человека подались к Разливу. Через несколько дней весь груз благополучно переправили в Петербург».

Что же нового дали нам странички воспоминаний? Описание переезда, некоторые подробности событий, имена участников. И все. На вопрос: где эта улица, где этот дом — мы так и не получили ответа, даже приблизительного. В музее больше ничем помочь не могли. Цепь обрывалась.

Леонид Николаевич посоветовал обратиться к Василию Александровичу Емельянову, родному брату Николая Александровича. Он был среди тех десяти в Оллиле, как видно из воспоминаний. Ему, правда, не пришлось зайти в дом, где находился В. И. Ленин. Шилов дал нам адрес Василия Александровича в Сестрорецке и пообещал «составить протекцию».

Рыцари большевистского подполья

Снова Сестрорецкий вокзал. Деревянное здание сохранилось с революционных времен. Отсюда начинается указанное в адресе Дубковское шоссе. Идти недалеко. Вот и дом 35. Аккуратная дача за зеленым забором из штакетника. Нас приехало пятеро, и мы не без труда умещаемся в маленькой квадратной комнатке. Василий Александрович приготовился к встрече. Черный костюм, светлая рубашка с расстегнутым воротом. Он сидит за столом и вопросительно смотрит на нас.

Поздоровались, представились, как могли коротко объяснили суть дела. Всего один вопрос: не может ли он вспомнить, где находилась дача в Оллиле, и возможно ли найти это место сейчас?

Василий Александрович сосредоточенно, пристально вглядывается в окно, где ветер раскачивает мокрые ветки старой березы. Вероятно, вспоминает далекие-далекие годы.

Пятнадцатилетним мальчишкой, по примеру старшего брата Николая, работавшего на Сестрорецком заводе, в 1903 году он поступил туда учеником слесаря. Не прошло двух лет, и Василий Емельянов вступает в партию большевиков. Это был памятный 1905-й. С тех пор прошло пятьдесят пять лет. Из них десять он провел в царской тюрьме, на каторге и в ссылке. В дни Октября устанавливал Советскую власть в Сестрорецке. Гражданская война и первые пятилетки, блокадный Ленинград и восстановление послевоенного хозяйства. Его биография — героическая история страны. Сколько серий фильма получилось бы, задумай кто экранизировать пережитое.

Кажется, задали мы задачу Василию Александровичу. Может ли человек на склоне лет отыскать в хранилище своей памяти один ночной эпизод, промелькнувший кадр из многосерийного фильма жизни? Этот вопрос еще не раз задавали себе и другим. Но никогда не удается получить на него однозначный ответ. К секретам человеческой памяти осторожно подбираются ученые.

— Знаете, мои юные друзья, — после длинной паузы сказал Емельянов, — определенно ничего ответить не могу. Привел нас Ордын в Оллилу затемно. Отсиделись в лесочке, забрали груз и обратно ушли. Скажи мне через неделю тот дом найти, и то вряд ли сумел бы.

Н. Е. Буренин —
один из руководителей
Боевой технической
группы ЦК РСДРП
в 1905—1907 гг.

Один раз был. Сколько вот таких явок навещать приходилось? Оружие, литературу переправляли.

Зацепка, правда, есть. Если память не изменяет, рядом с той дачей в Оллиле стоял дом Ценнера, где жил местный священник. Известный был на всю округу сквернослов. Как его только прихожане терпели? — Василий Александрович улыбнулся, лицо оживилось. — Понимаю, ребята, не оправдал я ваших ожиданий, — говорит он, как будто извиняясь. — Мой вам совет. Живет в Ленинграде Николай Евгеньевич Буренин. В ту пору, о которой меня пытаете, все нити конспирации он да Александр Михайлович Игнатъев в своих руках держали. Представитель ЦК нашей партии Ордын был с ними связан. Попробуйте с этого конца к делу подступиться.

Возвращались домой с каким-то неопределенным настроением. То ли радоваться, то ли огорчаться? Дороге, по которой с легким сердцем начали путь, не видно конца...

До празднования 90-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина оставалось чуть больше полутора месяцев, а мы все еще не сделали «запланированного» к юбилею открытия. Ведь все так поначалу казалось просто...

К тому времени в нашем личном архиве накопилось немало материалов, связанных с поселком Оллила и дачными местностями рядом с ним. Заинтересовались и биографией А. М. Горького. По воспоминаниям Емельяновых, он тоже присутствовал при встрече.

А жил ли Горький в это время на Карельском перешейке? В книгах написано определенно — жил в дачном поселке Куоккала на мызе Линтула. Мог ли бывать в Оллиле? А почему бы нет? Поселки расположены рядом.

Вся надежда на Николая Евгеньевича Буренина. В справочном бюро узнали его адрес и телефон. Трубку взял Федор Осипович, как потом узнали, приемный сын Буренина:

— Николая Евгеньевича? Ему нездоровится, лежит в постели и подойти не может. А кто спрашивает?

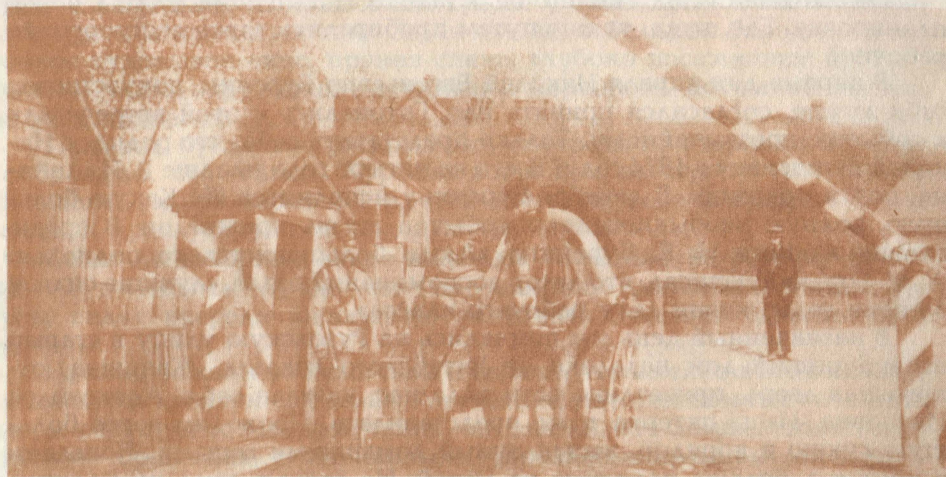
Попросили разрешения пока хоть написать письмо. Что оставалось делать? Сочиняли послание трудно. Как все объяснить?

«Г л у б о к о у в а ж а е м ы й Н и к о л а й Е в г е н ь е в и ч !

Мы, красные следопыты Дворца пионеров имени А. А. Жданова, очень сожалеем, что вы болеете, и мы не можем увидеть Вас. Не теряем надежды дождаться Вашего выздоровления. Нам крайне важно встретиться с Вами и задать несколько вопросов.

Сейчас, готовясь к празднованию 90-летия со дня рождения В. И. Ленина, мы уточняем некоторые памятные места, где он жил и работал. Из воспоминаний Н. А. Емельянова узнали, что Николай Александрович впервые познакомился с Владимиром Ильичем в ноябре 1905 года в поселке Оллила. Он и другие сестрорецкие рабочие пришли туда по заданию ЦК партии для транспортировки оружия и нелегальной литературы.

Нам известно из рассказа В. А. Емельянова, брата Николая Александровича, что на этой даче вместе с Лениным были тогда Н. К. Круп-

Таможенный досмотр на финляндской границе. С открытки начала XX века.

ская, М. Горький и еще несколько товарищей. По поручению известного Вам А. М. Игнатъева группу сестрорецких дружинников к дому в Оллиле сопровождал товарищ по кличке Ордын, он же Иустин. Нам бы хотелось знать, кто это?

Василий Александрович еще вспомнил, что эта дача стояла в лесу на отшибе недалеко от дома Ценнера, где жил священник, известный на всю округу своими хулиганскими выходками.

Дорогой Николай Евгеньевич, мы читали, что именно Вам доверили встретить Владимира Ильича Ленина после возвращения его из эмиграции в ноябре 1905 года. Вы были одним из руководителей боевой технической группы и хорошо знали Л. Б. Красина и А. М. Горького. Скажите, пожалуйста, возможно ли предположить, что дача, на которой был Емельянов, это мыза Линтула. Мы знаем из Вашей книги, что там находился и Алексей Максимович. Правда, мыза Линтула была в Куоккале, но это близко от Оллилы. Что Вы можете сказать по этому поводу?

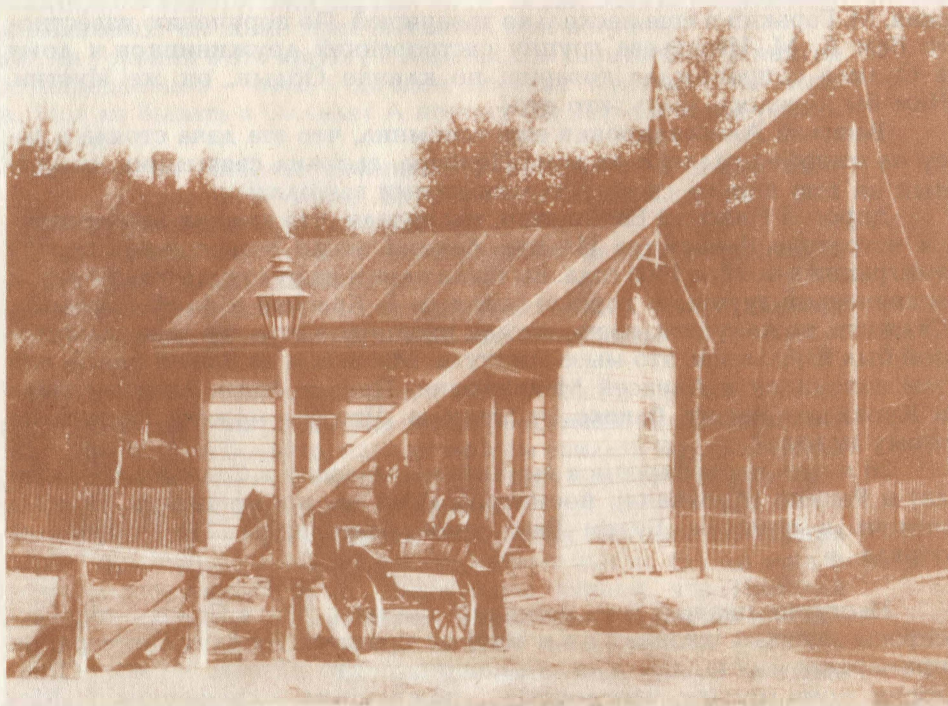
26 марта мы собираемся выехать на разведку в Солнечное (Оллила) и Репино (Куоккала), посмотрим сами на эту местность. Просим помочь в поисках. Будем Вам очень благодарны. По поручению отряда...»

Наступил первый день весенних каникул. Мы в Солнечном. Распросы местных жителей ни к чему не привели. Ни дачу Ценнера, ни примерного места, где жил священник, никто назвать не мог. Санатории, дома отдыха, пансионаты — пожалуйста, а священника?.. Можете представить, как на нас смотрели? Не будешь же объяснять каждому все с самого начала.

От бывшей Оллилы ничего не осталось. Новые дома, улицы, новая планировка. Где, куда, каким путем пробирались здесь сестрорецкие рабочие?

В первые дни апреля Николай Евгеньевич Буренин, почувствовав себя лучше, согласился принять нас. Готовились к этой встрече как к событию чрезвычайному. Только представить себе, что родился Николай Евгеньевич в 1874 году! Всего на четыре года младше В. И. Ленина, почти ровесник. В декабре Буренину исполнится 86! Какую большую, полную необыкновенных событий жизнь прожил он. В предисловии к книге Н. Е. Буренина «Люди большевистского подполья» А. М. Горький написал, что автор воспоминаний отдал «лучшие силы и лучшие годы жизни делу рабочего класса».

В назначенный день мы помчались на Рузовскую улицу в старый петербургский дом недалеко от Витебского вокзала. Женщина, открывшая дверь, приветливо встретила нас, назвала себя: Александра Ивановна. Наша пятерка тоже представилась. Проходим через большую кухню и коридор, заставленный домашними вещами. Попадаем в комнату, больше похожую на музей. На стенах, куда ни бросишь взгляд, картины и фотографии. Акварельные рисунки, портреты актеров, писателей. Есть знакомые лица: Горький, Красин, Шаляпин. Не

Русский пограничный пост. С открытки начала XX века.

сразу и заметили, что в высоком кресле у окна сидит и внимательно наблюдает за нами мужчина. Седая голова, небольшая бородка и усы, тонкое худощавое лицо, прямая спина, глубоко посаженные пронзительные глаза, окруженные лучинками морщинок. Вот какой он, Николай Евгеньевич.

Пока мы, буквально раскрыв рот, смотрели по сторонам, а потом соображали, что сказать, Буренин встал нам навстречу. Александра Ивановна, задержавшаяся в другой комнате, успела прийти на помощь. К креслу кружком пододвинула стулья...

Стоит ли говорить, какие надежды возлагали на встречу с «самим Бурениным». Вроде как на длинной дистанции, когда бегуны видят впереди финишную ленточку. Остается сделать один рывок и...

Не шли, бежали по Рузовской и верили, что именно в этой квартире хранится «волшебная лампа Алладина», которая поможет открыть дверь, ведущую к заветной тайне. Не она ли, эта лампа, стоит возле кресла — бронзовая, с затейливыми украшениями, на высокой ножке? Остается потерять ее и произнести заветные слова: «Сим-сим, откройся!»

Девочки приготовились записывать. Кажется, еще минута, и, не выдержав затянувшейся паузы, они дернут Буренина за полу его домашней куртки.

— Вы просто молодцы, что занялись поиском, — заговорил после некоторого размышления Буренин, — и ваш искательский зуд понимаю. Сам бы присоединился, да сил маловато. Поверите, та далекая для вас и близкая для меня пора и ныне мне покоя не дает. К сожалению, рассказать об интересующей вас истории ничего не могу. Сам в том деле я непосредственно не участвовал. Такие предприятия проходили по «департаменту» Александра Михайловича Игнатьева.

Буренин не мог не заметить, как огорчились ребята, как, в прямом смысле, опустили руки у девочек, только что крепко державших карандаши на раскрытых листках блокнотов.

— Что носы на квинту повесили? — с улыбкой спросил Николай Евгеньевич. — Разочаровал я вас? Думаю, как помочь следопытам. Один секрет определенно открою. Спрашивали в письме про Ордына-Иустина. Это подпольные псевдонимы, а звали его Лавр Яковлевич Рудановский. Это был исключительный подпольщик и удивительный человек.

В те времена настоящего его имени никто не знал. Сестрорецкие боевики шли за Ордыном в огонь и в воду, доверяли, как себе. Попробуйте его родственников разыскать. Жена, Елена Александровна, как будто жила на канале Грибоедова. Уже ниточка есть. Воспоминания о боевой работе он перед войной написал, если не ошибаюсь, хранятся в Институте истории партии. Найдите и прочтите.

Советую связаться с сыном Игнатьева, Михаилом Александровичем. В Москве живет, ко мне частенько заезжает. Давно собирает материал об отце и работе боевой технической группы. Попробуйте у него справки навести, адрес дам.

Буренин раскрыл большую записную книжку и довольно быстро нашел нужную страницу. Продиктовал адрес Игнатьева, чуть задумался и перелистал книжку дальше.

— Не исключено, — раздумывая, произнес он, — могла знать об Оллиле Елена Дмитриевна Стасова. Можно ее спросить. Придется в Москву ехать. Напишу письмо, попрошу принять и помочь... Ну как?..

— Когда можно за письмом прийти? — не раздумывая, спросил я. — Завтра. Лучше во второй половине дня. Не затруднит?..

На прощание Николай Евгеньевич подарил свою книгу воспоминаний «Люди большевистского подполья». Подписал четко, красиво: *«На добрую память от активного участника большевистского подполья с 1901-го года. Н. Буренин по кличке Герман Федорович. Апрель. 1960 г. Ленинград».*

Буренин дал еще один добрый совет, а именно: не связывать дачу Андреевой — Горького в Куоккале с разыскиваемым домом. Он определенно помнил, что в Оллиле имелась конспиративная дача, но затруднялся сказать, кто именно ее снимал.

— Ищите! — напутствовал он. — Не надейтесь только на нашу стариковскую память. Воспоминания желательнее документально проверять. Не стесняйтесь лишний раз стряхнуть пыль с архивных папок. Там найдете удивительные истории.

В гостях у «товарища Абсолюта»

Выехал в Москву один. Ребят могли отпустить только в каникулы. Улица Серафимовича. Из подъезда большого дома звоню Елене Дмитриевне. У телефона Стасова. Прошу разрешения подняться к ней в квартиру.

— Нет. Сегодня дома одна, никого не принимаю. — Голос категоричен и объяснять что-либо кажется бесполезным.

Успеваю скороговоркой объяснить, что приехал из Ленинграда от Буренина.

— От Евгеньича? — уже другим тоном переспрашивает Стасова.

— Да, да, от Николая Евгеньевича.

— Подымайтесь. Пятый этаж. Жду.

Не успел лифт остановиться, как дверь на площадке распахнулась. С порога меня внимательно рассматривала довольно высокая, подтянутая и тщательно причесанная женщина в длинном темном жакете.

Стасовой 86 лет, но походка твердая, спина прямая, никак не выдает ее возраст. Елена Дмитриевна идет впереди быстро, энергично. Приглашает в комнату, очевидно рабочий кабинет. На маленьком письменном столике стопка бумаг. За стеклом книжных шкафов сочинения Маркса, Энгельса, Ленина.

— Слушаю вас. — Елена Дмитриевна показывает на стул. Узкие, нервные пальцы протирают стекла пенсне.

Достаточно наслышанный о суровости хозяйки дома, еще в лифте попытался сосредоточиться: как поточнее и убедительнее изложить нашу историю. От волнения в гортани першит, а откашляться боязно. Как вести себя в подобных случаях?

Без слов передаю письмо Буренина. Стасова ножницами аккуратно обрезает край конверта, вынимает листок и внимательно читает. Ситуация почти «историческая», имея в виду мою функцию «курьера» и «агента» Германа Федоровича.

Буренин перед отъездом сообщил, что у него тоже есть дело к Стасовой. Он просил Елену Дмитриевну как можно скорее выслать предисловие к новому изданию его книги воспоминаний «Памятные годы». Издательство торопит.

С глазами у Елены Дмитриевны что-то неладно. Читает трудно и медленно. Успеваю оглядеться и как следует рассмотреть легендарного «товарища Абсолюта».

С юных лет Стасова участвовала в освободительном движении. Ее преследовала полиция: скитания под чужими именами, мелькание явок, конспиративных квартир, потом тюрьмы, допросы, голодовки, ссылка... Нет таких событий в истории нашей партии, к которым бы Стасова не имела самого непосредственного отношения. Настоящий мастер конспирации, человек чрезвычайно принципиальный, она получила партийный псевдоним «Абсолют». Елене Дмитриевне выпало огромное счастье работать рядом с В. И. Лениным, под его непосредственным руководством. В начале века познакомился Николай Евгеньевич с Еленой Стасовой, к тому времени активным деятелем Российской социал-демократической рабочей партии, агентом ленинской «Искры». Под ее влиянием вступил Буренин на путь революционера. Шестьдесят лет дружбы единомышленников, борцов — это многое значит.

Стасова называет старого товарища «Евгеньич», и теплеют ее глаза. За внешней строгостью и суровостью душа доброго и сердечного человека. Буренин перед отъездом предупредил меня, что Елена Дмитриевна бывает рада посещениям, но раздражается, ежели гости болтают не по существу, как она выражается, «заводят пустопорожние разговоры»...

Поэтому с первых минут встречи я молча ждал, когда она обратится ко мне.

— Как там Евгеньич? — наконец спрашивает Елена Дмитриевна, отложив письмо. — Небось храбрится. Все спешит, меня торопит!

Ладно, ладно. Через день-два вышлю предисловие, пусть не волнуется. Не подведу, раз обещала. Если про меня спросит... — Она разводит руками, как будто показывая: вот я тут вся перед вами.

...Держится старая гвардия и не жалуется. Скучать некогда — дня не хватает: письма, звонки, визитеры... Пионеры приезжали. Вот и молодею с ними. А вы что со своими следопытами надумали? Чего от меня хотите? Из письма не очень разобрала.

Е. Д. Стасова у себя дома в рабочем кабинете.

Коротко изложил просьбу. И опять, в который раз: Емельянов, Оллила, сколько порогов обили, с кем встречались. Теперь вся надежда на нее: как подступиться, где искать?

— Мое мнение, — произнесла Стасова после некоторой паузы, — что воспоминания Емельянова о встречах с Лениным в Оллиле вполне правдоподобны. Имеет смысл порыться и пощупать со всех сторон. Только я вам в этом плохая помощница, ведь сама не участвовала. У нас не принято было спрашивать друг друга о том, что тебя не касается. Я, конечно, знала товарищей, которые держали конспиративные дачи в Финляндии. Но точных мест этих встреч, кто будет, по какому поводу собираются — не знала. Не интересовалась, если меня непосредственно не касалось. Игнатьев конспиративными дачами занимался. Самого-то уж давно нет, а у сына спросить можно. Миша целый архив об отце собрал. Я и сама иногда к нему с вопросами обращаюсь...

Оставалось попрощаться с Еленой Дмитриевной, поблагодарить за прием, совет, набираться терпения и не терять надежды.

По возвращении из Москвы сразу отправился на Рузовскую с докладом. Николай Евгеньевич просил не опускать мелочей: как встретила, как разговаривала, как долго продолжалась бе-

седа? Очень сожалел, что Елена Дмитриевна не смогла ничего нового добавить.

— Не огорчайтесь, — по-отцовски утешал Буренин, — и пионерам растолкуйте, ваша настойчивость в поисках еще даст свои плоды. По себе знаю. Ведь в 20—30-х годах вроде вас тоже пришлось следопытом быть. Увлекательнейшее занятие.

Действительно, как мы узнали позже, Николай Евгеньевич был неутомимым и кропотливым собирателем ленинского наследия, документов героической революционной эпохи. Более 30 ленинских писем, обнаруженных Бурениным в 20—30-е годы, вошло в Полное собрание сочинений В. И. Ленина. А еще рукописи Н. К. Крупской, А. М. Горького, Л. Б. Красина и других.

Документы из архива Н. Е. Буренина, его переписка, даже отдельные листочки записной книжки оказались бесценным достоянием для исследователей-историков. И мы много раз вспоминали добрым словом его напутствие, обращаясь, как к палочке-выручалочке, к материалам фонда Николая Евгеньевича.

Послесловие к открытию, которое не произошло

Как же с продолжением поиска дачи в Оллиле? Воспользовались ли советами Буренина и Стасовой? Конечно! Отправили письмо Михаилу Александровичу Игнатьеву, в Москве не удалось его навестить. Написали и жене Ордына-Рудановского. К глубокому сожалению, ничего существенного узнать не удалось. Заколдованный круг...

Мудрые люди подметили, что познание, приближение к истине идет многоступенчато. Одну ступень преодолеваешь с ходу, на другой долго топчешься, а третью приходится брать трудным, иногда многолетним приступом.

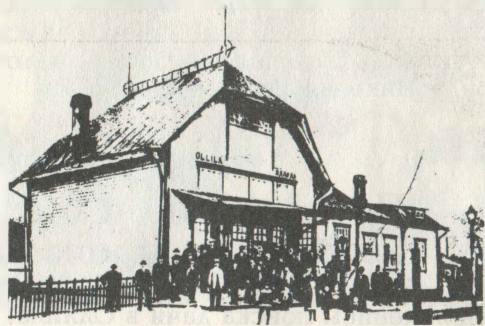
Так и с Оллилой. Задача, которую мы взялись решать, оказалась чрезвычайно сложной и запутанной. Мы искали памятное место, а следовало предварительно разобраться с другими вопросами: проверить и сопоставить дату события, рассказанного Емельяновым, узнать подробно об участниках встречи, уточнить повод, по которому они могли собраться и встретиться вместе именно в Оллиле.

Нам или другим исследователям возможно удастся отыскать недостающие звенья, обнаружить новые свидетельства, документы. По крайней мере, в это хочется верить.

Так что же, наше первое приобщение к истории было бесполезным? Мы никогда не согласимся с таким выводом. А знакомство с замечательными людьми, живыми свидетелями героических событий? Пускай не открытие, но даже прикосновение к загадкам истории, к неизвестным пока страницам обогатило нашу жизнь, многому научило.

Когда «Литературная газета» обратилась к читателям с вопросом, какими бы родители хотели видеть своих сыновей и дочерей в 2000 году, один папа ответил так: «Все думающие люди, по глубокому моему убеждению, должны быть историками».

На первый взгляд, чистая утопия! А кто будет сеять хлеб, варить сталь, строить дома, лечить людей? Историки? Совсем нет. Но все же папа рассуждал вполне логично, справедливо считая, что его сын и дочь помимо главного своего дела должны быть историками.

Открытка из коллекции

Неизвестная фотография

В июне 1961 года в Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина поступила неизвестная ранее фотография. Прислала ее из Москвы Елена Владимировна Бонч-Бруевич, дочь видного деятеля большевистской партии и Советского государства. В отделе фондов музея документ зарегистрировали и положили в черную ледериную папку. Наступит время, и снимок используют для оформления экспозиции.

Что же это за фотодокумент и чем он интересен? На первый взгляд, ничем: сельский пейзаж, дорога уходит вдаль, за стеной леса чуть проглядывает полоска озера. В правом углу виден дом. Ценность фотографии станет ясной, если прочесть на обороте короткую надпись: *«Это поселок Нейвола и дача В. Д. Бонч-Бруевича, где летом 1917 года жил В. И. Ленин».*

Казалось бы, о чем дальше говорить? Но не стоит торопиться. В семейном архиве Бонч-Бруевичей раньше такого снимка не было. В Москву фотографию прислали школьники Ленинграда, а уж потом она проделала обратный путь. О существовании ее никто не подозревал. Так и оставаться бы ей в неизвестности, если бы...

Об этом «если бы» и пойдет рассказ.

Историческая справка

Небольшому и внешне неприметному поселку Горьковское на Карельском перешейке невероятно повезло. Даже половины знаменитых людей, живших здесь или посетивших поселок, хватило бы для славы города средней величины.

Несколько лет жил здесь Алексей Максимович Горький, о чем говорит название станции «Горьковская» (бывшее Мустамяки) и сам поселок его имени (бывшие хутора Нейвола и Кирьявала).

В разные годы здесь отдыхали и работали В. Д. Бонч-Бруевич,

Ф. В. Ленгник, депутат Думы большевик А. Е. Бадаев, Демьян Бедный, А. И. Куприн, Леонид Андреев, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Ф. И. Шаляпин.

История поселка богата именами выдающихся людей. И самое первое среди заслуживающих памяти — имя Владимира Ильича Ленина. Короткое время жарким летом 1917 года он жил на даче В. Д. Бонч-Бруевича недалеко от живописных берегов озера Ваммель-ярви.

Наше знакомство с поселком Горьковское началось с книги В. Д. Бонч-Бруевича «Наш Ильич» и его же очерка, написанного по личным воспоминаниям, «Как отдыхал Ильич». Недолго думая, в ближайшее воскресенье собрались и поехали в Горьковское. Исходили поселок вдоль и поперек. Расспрашивали встречаемых, стучались в дома, но никто вразумительно ответить не мог — где же стояла дача Бонч-Бруевича? Так и вернулись в Ленинград ни с чем.

Хотели махнуть рукой, наученные неудачными поисками в Оллиле-Солнечном. Но тут пришла помощь. Прослышал о наших заботах старший инспектор по охране исторических памятников Ленинградской области В. И. Громов и пригласил к себе. Виктор Иванович — большой друг краеведов. Ходим мы к нему много лет, чаще весной, как только начнет припекать солнце. Все знают: если пошли к Громову получать задания, значит, скоро поход.

Мы не первые

В который раз приходилось убеждаться, что новые идеи озаряют не одних нас. Не мы первые заинтересовались дачей Бонч-Бруевича. Позднее узнали — не вторые и даже не третьи, но все шли своими путями.

Еще в 1952 году Виктор Иванович написал В. Д. Бонч-Бруевичу письмо с просьбой помочь найти место дачи в Нейволе. Владимир Дмитриевич ответил довольно подробно. Описание участка мы впоследствии выучили наизусть, особенно вот эти строки:

«Когда приедете в Нейволу, то будет место довольно высокое, с которого начинается понижение вниз, к озеру. Вот на этом месте стояла лавка некоего финна Вилли. Если от этого места начать спускаться вниз, то, пройдя немного по правой стороне дороги, начинается небольшое земельное владение, которое принадлежало мне. Оно было окружено забором, который теперь, вероятно, исчез. Рядом со мной жил член ЦК нашей партии Ф. В. Ленгник, ныне умерший. Против моей дачи стояла довольно красивая дача, в стиле виллы, принадлежавшая какому-то русскому небольшому писателю».

Владимир Дмитриевич обещал Громову посмотреть в старых фотографиях снимок дачи в Нейволе, а заканчивал письмо оптимистически: «Конечно, самое лучшее было бы, когда я буду в Ленинграде, поехать в эту местность, и я сразу Вам указал бы, где именно

находится та дача, где жил я с семьей и где гостили у меня Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична».

Прошло два года... Бонч-Бруевич оправился немного после тяжелой болезни и приехал весной 1955 года в Ленинград на празднование 85-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина.

Выступления, встречи, беседы с утра до вечера — ни минуты покоя. Можно было только удивляться энергии восьмидесятидвухлетнего ветерана партии. Однажды он просидел ночь, чтобы к сроку закончить обещанную статью для газеты «Ленинские искры».

Выехать в Нейволу, при всем желании, так и не удалось. Но еще один шаг к поискам был сделан. В один из вечеров в гостинице «Астория» к Бонч-Бруевичу пришла сотрудница инспекции по охране памятников. И Владимир Дмитриевич начертил схему расположения домов в поселках Нейвола и Кирьявала. Получился удивительно подробный план с указанием дорог, расстояний между дачами и даже еловой аллеи. Память сохранила все до мельчайших подробностей. Казалось, так просто, так ясно. Если бы он сам мог поехать... Через несколько месяцев Владимира Дмитриевича не стало.

Приходилось надеяться на собственные силы, используя описания, сделанные Бонч-Бруевичем. Виктор Иванович тоже не терял надежды найти историческое место, только выбраться в Горьковское все никак не удавалось.

Кто из нас ошибся?

Помог случай. Из Москвы приехал детский писатель собирать материалы о В. И. Ленине. Его давно интересовало Горьковское, и он пришел к Громову на консультацию.

Самое удивительное — писатель не воспользовался планом Бонч-Бруевича, а придумал нечто оригинальное. До сих пор никто не догадался использовать для поисков еще один общеизвестный документ — фотоснимок дачи Бонч-Бруевича в Нейволе, помещенный в журнале «Огонек» за 1928 год. Фотография нечеткая, туманная, да и снят только фасад дома. Но не это главное. На снимке с левой стороны дома виднеются высокие рябины, чуть ли не выше крыши. С трудом можно различить пять-шесть стволов.

Вот в этих-то рябинах, оказывается, и заключался ключ к разгадке. Писатель решил найти в поселке старые многоствольные рябины, рядом с которым, очевидно, и будет находиться фундамент исторической дачи.

Читаем составленный по всей форме акт после завершения этих поисков:

«...Сохранился фундамент дачи Бонч-Бруевича, который находится на усадьбе Батракова. Рядом с фундаментом имеются две очень

старые шестиствольные рябины, из них у одной отпилен ствол и образовался пенек при пятиствольной рябине. Изображение одной из двух рябин имеется на фотоснимке дачи Бонч-Бруевича, помещенном в журнале «Огонек».

Акт изучили подробно, в папке читали каждый документ, снимали копии. Что и говорить, конечно, обидно — самое интересное сделали до нас. Оставалось подробно описать участок, нарисовать план фундамента.

— Я на вас надеюсь, — наказывал Виктор Иванович. — Найдете усадьбу Батраковых — обмерьте, сфотографируйте и домой.

Снарядились как полагается: четыре компаса, два блокнота, миллиметровка, десять листов ватмана, коробка цветных карандашей, фанерные планшеты, три разборные лопаты, торчащие из рюкзаков мальчиков, как антенны, четыре фотоаппарата, папка с копиями всех документов и, наконец, книга Бонч-Бруевича «Наш Ильич».

Дом Батраковых нашли без труда. Хозяйка показала маленькую баньку у дороги и возле нее древнюю, чуть живую многоствольную рябину.

Сам исторический фундамент находился под банькой. Это несколько смутило, но чего не бывает в жизни. Попробовали мысленно пристроить рябины к другим фундаментам, но их поблизости не оказалось. Предупредили хозяев: баньку придется убрать.

Осталось сделать глазомерную съемку. Витя Верстаков, Женя

Предко и Саша Маслов рисуют план: дорога, дома, фундамент и рябины. Как будто все хорошо, задание Громова выполнили. Сравнили нашу съемку с планом Бонч-Бруевича — общего ничего нет. Кто-то из нас ошибся? Владимир Дмитриевич или мы.

Еще долго ходили по деревне, проверяли расстояния, азимуты, привязки. На занятиях специально постигали топографическую премудрость. И каждый раз, как от печки, начинали от многостольных рябин. Вернулись домой поздно. Родители порядком наволновались. Еще некоторое время мучили сомнения, но потом, надо честно признаться, о них забыли, увлеченные новыми поисками.

Ранней весной нас снова потянуло в знакомые места полюбоваться рябиной, узнать, стоит ли на месте злополучная банька. По пути зашли в клуб. Познакомились с завклубом Костей Фуриным. Ну и, конечно, трудно было удержаться от похвальбы. Вот, мол, мы какие, все знаем, все открываем. Про рябину не забыли.

Слушал Костя внимательно, не перебивал. А потом и заявил совершенно безапелляционным тоном:

— Никакого фундамента дачи Бонч-Бруевича на усадьбе Батраковых не было и нет.

— А рябины как же? — дружно возразили мы.

— При чем здесь рябины? На той неделе я с живым свидетелем разговаривал.

Нас словно громом поразило. Ничего себе новости.

— Какой еще свидетель?

— Фролова фамилия ее. Она здесь с тысяча девятьсот семнадцатого года жила, как раз рядом с домом Бонч-Бруевича. У нее документы есть...

Стройная теория «шестистольной рябины» закачалась... и окончательно рухнула через несколько дней, после встречи с Анастасией Михайловной Фроловой. По ее словам, фундамент исторической дачи оказался совсем на другом конце поселка...

Нам вообще не следовало ездить так далеко в поисках истины, да еще с двумя пересадками — с электрички на паровик. Все можно было сделать гораздо быстрее. Любым трамваем до улицы Халтурина и прямо в Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина. В 1956 году заведующая фондами А. А. Короткова вместе с дочерью Бонч-Бруевича, Еленой Владимировной, выезжали в Горьковское. Они уточнили место, где стояла дача, и составили акт.

И все-таки время поисков не было потрачено напрасно. Польза от нашего пристального внимания к Горьковскому оказалась самая неожиданная. Об этом расскажем чуть позже.

Как истинные краеведы, мы еще и еще раз считали необходимым посмотреть все своими глазами. Факты любят проверку и проверку. В этом нас убедил официальный акт о «шестистольной рябине» и еще один не столько смешной, сколько поучительный случай...

К нам во Дворец пионеров зачастили два пожилых человека, один из них отличался окладистой, благообразной бородой и проникновенной манерой говорить. Внешностью своей он напоминал классического старика-лесовика, тем более что никогда не выпускал из рук самодельной замысловатой палки, сработанной из коряги.

«Борода» рассказывал удивительные истории из революционных времен, свидетелем которых ему доводилось быть. Однажды, узнав от ребят, что мы часто выезжаем в Горьковское, предложил составить компанию. Обещал показать «тайное место» встречи Ленина и Горького. И не только показать, но и представить доказательства этого исторического свидания.

Ребята не могли дожидаться воскресенья. Мои скептические замечания о сомнительности рассказанного факта, об отсутствии документальных подтверждений в литературе не могли их убедить.

— Как можно от такого случая отказаться! — убеждал Миша Егоров. Его поддержали все единодушно, и мне ничего не оставалось делать. Гипноз старика-лесовика был сильнее голоса разума.

На перроне станции Горьковская «борода» ждал нас. Помахал корягой, чтобы заметили, и повел заброшенной дорогой в глубь леса. Шел он ходко, оглядываясь на отстающих.

— Вот это дед, — услышал я разговор Миши с Игорем, — ничего себе топает, девчонкам не угнаться. Можно его в настоящий поход брать.

Минут через пятьдесят остановились у края поляны. Заросшие кустарником и бурьяном, чуть виднелись остатки старых фундаментов. Грубо тесанные гранитные глыбы, притертые друг к другу, сцепились намертво.

— Пришли, ребятки, — с удовлетворением произнес «борода».

Он сбил палкой сучья на стволе поваленного дерева, удобно устроился.

— Теперь слушайте. На камни обратили внимание? Финский хутор тут был. В тысяча девятьсот пятом году приезжали сюда рабочие-дружинники, стрелять учились. В этих местах хоть из пушки пали, кто услышит.

Мои следопыты, как говорится, уши развесили, да и я старался ничего не упустить. Правдоподобно рассказывает. Вполне могли сюда дружинники добираться. Оружие пристреливали в таких вот глухих углах по всей Выборгской губернии.

— Ну, а в тысяча девятьсот седьмом году, когда реакция совсем революцию задавила, — продолжал дед-сказочник, показывая всем своим видом, что переходит к самому интересному, — и встретились здесь Владимир Ильич и Алексей Максимович.

«Что будет дальше, какие доказательства сможет привести «борода»? — гадал я, но получилась из всего сказанного удивительная вещь — посчастливилось деду быть очевидцем исторической встречи.

— Настроение у Горького плохое. Никаких перспектив на свободу, задавил царизм рабочий класс, революцию в крови потопил. — Дед хороший рассказчик, убедительно излагает свою совершенно невероятную историю. — Ленин слушал, слушал Горького, а потом неожиданно предложил заключить пари. «Какое пари?» — удивился Алексей Максимович. И Ленин объявил, что через десять лет наступит новая революция, точно в тысяча девятьсот семнадцатом году! Ударил по рукам...

«Доказательства, какие доказательства?» — хотелось крикнуть мне. И, как будто читая мысли, «борода» представил их.

— Ударил по рукам, решили закрепить уговор как-нибудь вещественно. Поблизости от хутора находился небольшой кирпичный завод. Там и попросил Горький обжечь особый кирпич, оттиснув предварительно цифру — тысяча девятьсот семнадцать. Взял он его и закопал под тем самым деревом, где с Лениным о будущем говорил... Такая вот история. И вышло все, как Владимир Ильич предсказывал. Про тысяча девятьсот семнадцатый год, думаю, вам рассказывать не надо?

Что там пауза в последнем акте «Ревизора»? У Гоголя на этом все заканчивалось, у нас — только начиналось. Ждали чуда. Молча, искренне, терпеливо. И «чудо»... произошло!

— Хотите знать, где это дерево? А вон, видите, старая сосна? Под ней и должно быть. Попробуйте поискать.

«Борода» глазом не моргнул, не встал с места. Его указующая трость-дубинка была направлена на древнюю, в два обхвата сосну. Огромные корни, как щупальца спрута, держали ствол, покрытый толстой, в глубоких морщинах корой.

Мальчишки, схватив кто сук, кто попавшуюся под руку палку, кинулись раскидывать опавшую хвою, мох, землю. Как будто под дерево пустили землеройную машину. Повезло Мише Егорову, недаром его прозвали «живчиком». Всегда успеет раньше других. В руках он держал кирпич. Старый, потемневший, в сеточке трещин.

Девочки носовыми платками очистили его от мусора. На одной плоскости четко читалось название финской фирмы, на другой, несколько хуже, цифра — «1917»!

Какова «шутка», а вернее, хорошо продуманная и тщательно подготовленная мистификация? Точно рассчитана на эффект зрителей. Но одно дело, когда на цирковой арене из пустого, как нам кажется, ящика вылетают голуби. Это не обман, а ловкость рук иллюзиониста. Мы аплодируем ему за это. Совсем другое, если речь идет о самом дорогом и святом для нас. Здесь большая, малая ли фальшь особенно кощунственна.

Как поступить? Сказать ребятам, что дед обманщик, что все это сплошной абсурд, трюк? Не могу. Они смотрят на «сказочника» влюбленными глазами. Язык не поворачивается, хотя готов закопать «бороду» вместе с кирпичом тут же под старой сосной.

Убеждаю мальчишек оставить кирпич до следующего нашего приезда. Но где там. Заворачивают его в чистую запасную рубашку и осторожно укладывают в рюкзак. Реликвия!

В поезде исподволь начинаю объяснять о возможной ошибке, мо-

жет и намеренной. Тем более «борода» остался в Горьковском. Он там, оказывается, уже три лета отдыхает на даче. Тогда понятно, откуда такая тщательность подготовки. Но кирпич, кирпич...

Опять уговариваю ребят освободить рюкзак от «сувенира». Куда он нужен?

— Как куда? — удивляется Миша. — Вы говорите — возможна ошибка, так мы с Игорем его в строительный институт отнесем на экспертизу.

Мне такая мысль в голову не пришла. Я бы его давно выбросил без научных исследований. Ребятам нужны доказательства. Они по-своему правы.

Прошло больше месяца. Миша принес на занятие результаты проверки «исторического» кирпича. Оказалось, что изготовлен он в 30—40-х годах, и финская фирма только тогда начала свое существование. Цифра «1917» означала просто-напросто номер серии выпуска.

«Борода» еще раз заходил во Дворец и разговаривал с ребятами без меня. Что они ему сказали — не знаю, только больше он не показывался. И кирпич пропал. Спустя годы я даже сожалел об исчезновении такого «сувенира». Подделки в истории тоже имеют свою ценность.

С «деятельностью» «борода» столкнулся случайно еще раз, просматривая в Москве вместе с Михаилом Александровичем Игнатьевым его личный архив. Встретил и попросил скопировать письмо Елены Дмитриевны Стасовой, отправленное Игнатьеву 9 декабря 1960 года. Приведу его полностью:

«Дорогой Михаил Александрович! Хочу Вас спросить, знали ли Вы лично или же в документах папы имеются какие-нибудь данные о некоем П. Он разыскал меня через кого-то, сказал, что является сыном известного художника П. и по сути дела рассказал мне кучу дел, в которых, якобы, принимал участие, и назвал дачу Вашего отца; так как я с Финляндией была тесно связана, то кое-что мне показалось неправдоподобным, и мне хотелось его проверить. Поэтому я пишу Вам. Горячий привет. Ваша Елена Стасова».

Игнатьев ответил Стасовой, что слыхом не слыхивал о таком «деятеле», и в документах он нигде не упоминается. Вот тебе и «борода», не постеснялся мистифицировать самого товарища «Абсолюта».

Спросите — отчего такое происходит? В разных случаях и причины разные.

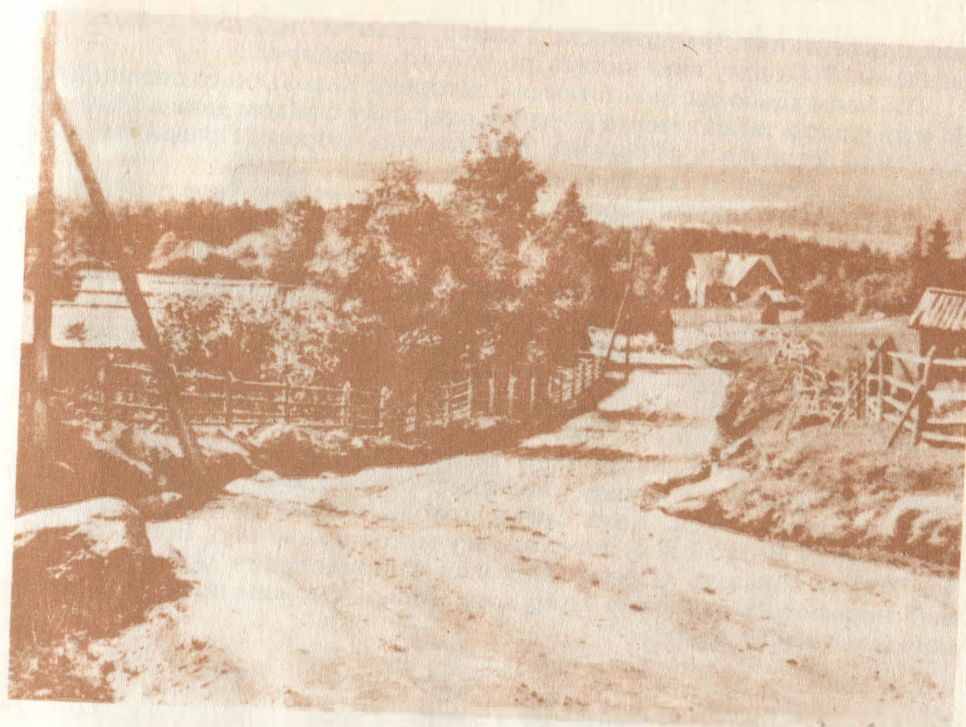
Бывают закономерные ошибки и просчеты как в любом исследовании, но бывает и намеренная фальсификация — подмена подлинного ложным. Мотивы? Прежде всего — погоня за сенсацией. Желание самому прославиться. Это может стать манией, своего рода болезнью. Следопытам, юным исследователям истории об этом надо знать.

Опыт учит осторожно относиться к некоторым «очевидцам», всегда убеждаться в степени достоверности, не терять чувства реальности и опираться непременно на факты.

В гостях у «чемпиона филокартистов»

Кто думает, что краоведам от похода до похода нечего делать, тот глубоко ошибается. Даже к самому небольшому путешествию, особенно с экспедиционным заданием, приходится серьезно готовиться, много читать, узнавать, многому учиться.

...Квартира в доме на 11-й линии Васильевского острова необыкновенная. Удивляться начали еще на лестничной площад-

Хутор Нейвола. Вдали виден дом В. Д. Бонч-Бруевича.
С открытки начала XX века.

ке, заметив на дверях табличку: «Квартира находится под охраной государства».

Живет в ней «чемпион филокартистов», или, проще говоря, собиратель открыток, Николай Спиридонович Тагрин. Коллекция его уникальная — около 700 тысяч открыток. Никакие рассказы, ни даже фотографии не могут дать полного представления об этой квартирномузее. Надо увидеть собственными глазами.

Стен в комнатах не видно — строгие, совершенно одинаковые шкафы до потолка и альбомы, альбомы, альбомы.

Увлечение коллекционированием открыток, такое пустячное, на первый взгляд, занятие, по словам Тагрина, оказывается исключительно полезным делом для истории, искусства и науки. Часто в эту квартиру приходят люди самых разных интересов и специальностей. Цель у них одна — найти среди открыток необходимый по теме иллюстративный материал.

Карельский перешеек. Десятки альбомов переходят из рук в руки. На каждом развороте четыре открытки: черно-белые и цветные, яркие и потускневшие, скромные и нарядные. Знакомые названия: Териоки, Куоккала, Оллила. Церкви, вокзалы, улицы с пролетками, магазины, гостиницы, богатые дачи с готическими башнями. Ничего похожего не

увидишь сегодня в Зеленогорске, Репино, Солнечном. Даже пейзаж неузнаваем. Выходит, изменились не только названия.

Листаем альбомы, знакомимся с историей Карельского перешейка. Но есть у нас и тайная мечта — найти открытку с видом дачи в Оллиле, где Ленин встречался с Горьким. Это было бы здорово. Правда, как она выглядела, никто не помнит, а вдруг...

Открытки с видами Териок, Оллилы и других поселков перешейка просмотрены все — ничего подходящего. Разве вот только эта... Уж очень вид знакомый, как будто много раз видели, даже читали. Ну да, конечно: «...место довольно высокое, с которого начинается понижение вниз, к озеру. Если от этого места начать спускаться вниз, то, пройдя немного по правой стороне дороги, начинается небольшое земельное владение...».

Все это есть на открытке: дорога, плавно изгибаясь, уходит вниз, вдалеке — полоска озера, чуть ниже, справа от дороги, земельный участок, огражденный забором, и дом. Сбоку надпись по-фински: Нейвола. Точное совпадение, недаром мы облазили вдоль и поперек поселок Горьковское. Хоть сейчас готовы показать, откуда сделана фотография. Безусловно, перед нами участок и дача В. Д. Бонч-Бруевича. Готовы доказать любому. Николай Спиридонович любезно разрешил перефотографировать открытку. Теперь сможем проверить нашу догадку на местности.

Следственный эксперимент

Снова мы шагаем по знакомому поселку. Середина мая, тепло, субботний вечер. За спинами горбятся раздутые рюкзаки со всем скарбом для полевого ночлега. Сверху привязаны резиновые ярко-оранжевые лодки. Сегодня наш лозунг — сочетать приятное с полезным.

Время позднее. Торопимся спуститься к озеру. Проходим мимо хорошо известного нам теперь фундамента — придем сюда завтра днем. Предстоит еще найти удобное место для ночлега. На берегу тихого когда-то озера, как в перенаселенном лагере, — непрерывный ряд палаток и костров. Расположившиеся по соседству группы могут не только переговориваться, но и петь дружно хором.

Поднялись рано. Разбудило солнце и открыло двери в утро. Гладышевское озеро как огромное выпуклое зеркало. Из палаток сразу в воду. Плот, найденный в кустах, и наши оранжевые лодки отправляются в каботажное плавание вдоль зарослей камыша.

Делу время — потехе час, говорит пословица. Пора снимать лагерь. Воскресные улицы поселка пусты. Некому удивляться нашему легкомысленному виду. Еще более странным могло бы показаться поведение. Ребята поочередно забираются на дерево, что растет возле фундамента дачи Бонч-Бруевича. Правда, это не многостовольная рябина, а здоровенная осина. В данном случае она нас вполне устраивает.

Панорама поселка Горьковское. Снято с той же точки, что и на дореволюционной открытке.

Внимание, внимание! Начинаем следственный эксперимент. Требуется сделать снимок, аналогичный изображению на открытке. Если удастся найти точку съемки, где стояла камера дореволюционного фотографа, и картинка совпадут, мы докажем, что на открытке дача Бонч-Бруевича.

В глазок видеоискателя отчетливо виден характерный поворот дороги и полоска озера за лесом. Совсем как на открытке. А вот дача...

Здание, как известно, не сохранилось. Фундамент плохо виден. Мешает густая поросль ольшаника. Поэтому и забрались на осину. Деревцо вроде маяка на месте дома.

Пленку проявили и отпечатали через несколько дней. Увы, осину на снимке разглядеть трудно, но результатом все равно довольны. Даже непосвященному совершенно ясно, что общее между открыткой и нашей фотографией есть. Мы-то в своей правоте не сомневались, но для других нужны более веские доказательства. Требуется свидетельства настоящего очевидца. Его необходимо найти.

Последний аргумент

Москва. Большая Дорогомилловская, 6/2 — Михаил Фридрихович Ленгник. Адрес случайно увидели на страницах «Известий». Как раньше не догадались, ведь Бонч-Бруевич указывал в письме к Громову: «Рядом со мной жил член ЦК нашей партии Ф. В. Ленгник».

Удивительным человеком был Фридрих Вильгельмович. К сожалению, о нем мало известно, мало написано. Один из его ближайших друзей и товарищей по большевистскому подполью Г. М. Кржижановский сказал про него так: «...он был и останется до последнего вздоха человеком исключительной самоотверженности, духовной чистоты, человеком исключительно высокой целеустремленности. Таким он был и в годы студенчества, в суровой школе Питера царского времени, таким он созрел на наших глазах в сибирской ссылке, таким он оставался в позднейшие времена подполья и... до седых волос... В его лице мы имели самое живое воплощение нашей большевистской совести, сотканной из нерушимой ткани — из чувства величайшей преданности лучшим интересам трудящихся».

Миша Ленгник, сын Фридриха Вильгельмовича, жил в 1917 году в Нейволе и должен многое помнить. Ему и отправили письмо, вложив туда репродукцию открытки.

Удивительно скоро получили ответ. Длинный узкий конверт из плотной серой бумаги. Обратный адрес — Москва, Ленгник. Михаил Фридрихович пообещал найти фотографию отца. Он написал, как сам в послевоенные годы сделал снимок озера, но с нижней точки. Посылает его нам. Наконец, главное, что так ждали: «На днях я встретился с дочерью Владимира Дмитриевича и показал ей ваш снимок, и мы пришли к выводу, что на снимке действительно видна дача В. Д. Бонч-Бруевича.

Где вам удалось достать этот снимок? Нельзя ли его получить в натуре?»

Елена Владимировна, не дожидаясь нашего ответа, поторопилась сделать фотокопии, надписала их и отправила в Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина. Так в фондах музея и появился новый документ.

Собственно, на этом можно было и закончить историю с фотографией. Но все ли мы сделали? Кто, кроме нас, знает о даче в поселке Горьковское? Таких людей можно сосчитать по пальцам. И так ли уж приятно видеть заросший сорняками фундамент?

Нет, прощаться с Горьковским рано. Первым делом решили собственными силами оформить для поселкового клуба выставку «Здесь жил Ленин». Поместили туда выдержки из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, фотографию, найденную нами, и, главное, подробную схему участка бывшей дачи с точным расположением фундаментов. Вот теперь завклубом Костя Фурин пожал нам руки.

— Это, — сказал он, — настоящее дело, а не пустое бахвальство.

Вскоре нас пригласили на радио рассказать о наших поисках и находках. После пробы ребят перед микрофоном «вещать» оставили

Сашу Маслова — дикция подходящая. Передача прозвучала в «Пионерской зорьке» по Всесоюзному радио накануне открытия XXII съезда партии.

Полезьа от выступления по радио оказалась неожиданной. В студию на наш адрес пришли письма. Одно из них от ленинградки Е. А. Епифановой. Девочкой она жила в Нейволе. Обещала поделиться воспоминаниями, показать старые открытки.

Невский проспект, 104. До революции — доходный дом. Его навивали жильцами, как подушку перьями. Долго искали во втором дворе нужную комнату с трехзначным номером. Планировка — головолмная.

Елена Александровна искренне рада нашему шумному нашествию. Теснимся вокруг хозяйки и слушаем про давние времена, когда эта пожилая женщина была девочкой. В альбоме она сохранила открытки с видами Мустамьяк и Нейволы. В памяти остались ее бабушка с лошадью Степкой, бедные финны-извозчики, соседи-дачники, сверстники.

Рассказ Елены Александровны — не цельная картина и вовсе не историческое полотно. Скорее, это разрозненные кусочки мозаики, детали быта, мелкие частности. Они встанут на свое место, когда придет пора воссоздать день приезда В. И. Ленина в Мустамьяки. Мы сможем увидеть этот эпизод как бы глазами девочки Лены, которая хотя и не присутствовала сама, но хорошо представляла, как это могло произойти. Для этого используем, конечно, и другие воспоминания.

Отступление в год 1917-й

...Пестрая дачная публика скуки ради встречала выборгский поезд из Петрограда. Выбирать развлечения в Мустамьяках не приходилось, поэтому довольствовались вокзальной сутолокой и встречей знакомых. Где еще узнать последние новости?

В этот июньский день скрыться от солнца было невозможно, мало помогали батистовые зонтики. От жары, казалось, съезживались и увядали даже искусственные цветы на дамских шляпах.

Поезд показался в легкой дымке дрожащего марева. Перед станцией машинист замедлил ход, загремели сцепления. Паровоз сделал последний выдох, и состав замер у невидимой черты. С удивительной точностью каждая из площадок вагонов оказалась как раз против нешироких ступенек, вроде двух скамеек, поставленных одна на другую.

Из второго вагона, минуя это импровизированное сооружение, заменяющее перрон, прыгнул мужчина среднего роста, плотный, немолодой, но, судя по энергичным движениям, очень подвижный. Он принял у дамы маленький чемодан и протянул ей руку, помогая сойти.

Слева от станции, если стоять к ней лицом, буквально в нескольких шагах, топтались запряженные в двуколки мохнатые финские лошади. Разомлевшие от жары, низко склонив головы, они лениво тянулись мордами к серым от пыли пучкам травы.

Давидка-безрукий и Матвейка, извозчики-финны из бедных, с любопытством посмотрели на мужчину, когда тот под руку с дамой подошел к ним и спросил, как добраться до Нейволы.

— Спросите Петровну, ей по пути, подвезет, — сказал Матвейка, указывая кнутовищем на шарабан, стоявший возле багажного сарая. — Она только что певца Джеральдони из Нейволы привезла, сейчас обратно поедет.

Договорились с Петровной быстро. Степка, так хозяйка называла свою лошадь, шла нешироким размеренным шагом, и шарабан, чуть поскрипывая на поворотах, мягко катился по лесной дороге. Мужчина сначала что-то тихо говорил соседке, а потом большую часть пути сидел молча, откинувшись на обитую сукном спинку сиденья.

У ручья, пересекающего дорогу, шарабан неожиданно остановился. Лошадь косила глазами на хозяйку, ожидая, когда та напоит ее. Мужчина, воспользовавшись остановкой, спрыгнул на землю. Он наклонился к ручью и зачерпнул в ладони чуть зеленоватую прозрачную воду. Но пить не стал, а только ополоснул лицо и намочил голову. Потом достал платок и насухо вытерся.

— Маняша, а ты не хочешь освежиться? — спросил он у своей спутницы. — Я тебе платок намочу.

Женщина отрицательно покачала головой.

— Ну что же, хозяйка, поедем дальше, — сказал мужчина немного оживившись. — Не заблудитесь, доставите нас к Демьяну Бедному?

— Да что вы, шутите, мил человек, — непритворно рассердилась Петровна. — Даже внучка моя знает, где они живут, чуть не каждый день к ним бегают черепашек смотреть. На горе их дом, кто его не знает. Да не волнуйтесь, скоро приедем.

Лесная чаща неожиданно расступилась. Из полумрака шарабан выкатил на залитые солнцем поля. На пути вырос высокий холм, и дорога, вздыбясь, круто пошла вверх.

Ленинский слет туристов

Ежегодно в двадцатых числах апреля выезжают туристы Ленинграда на свой традиционный ленинский слет. Каждый раз знакомятся с новым памятным ленинским местом — Ильичево, Разлив, Ленинское. В 1962 году 22 апреля выпало на воскресенье. 92-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина предложили отметить в поселке Горьковское. Нужно ли говорить почему? Уж очень хотелось, чтобы тысячи молодых, неутомимых путешественников увидели фундамент

Расчистка участка и фундамента бывшей дачи В. Д. Бонч-Бруевича.

и участок дачи В. Д. Бонч-Бруевича, узнали о событиях 1917 года и рассказали другим. Для участников слета приготовили сюрприз. Елена Владимировна Бонч-Бруевич и Михаил Фридрихович Ленгник дали согласие приехать в Ленинград и присутствовать на слете.

...Начальник штаба слета Владимир Петрович Матюшин с мегафоном в руках вышагивал впереди длинной нестройной колонны. Туристы направлялись к неприметному раньше участку. За несколько дней он изменился и похорошел. Вырублены сорняки, прочищен кустарник. Если раньше о фундаменте дачи можно было только догадываться, то теперь каменная кладка видна издали. Граница дома четко очерчена извесью. Вокруг поставили скамейки. Потрудились актив клуба туристов.

Все готово к торжественному открытию слета: стол накрыт кушачовым ситцем, большой портрет В. И. Ленина в деревянной раме, по краям корзины цветов. Апрельское солнце, как театральный прожектор, высвечивает действующих лиц и зрителей одновременно. Поселковые ребята облюбовали самые лучшие места на развесистых ветках старой осины и наблюдают за происходящим сверху.

Почетные гости М. Ф. Ленгник и Е. В. Бонч-Бруевич на Ленинском слете юных туристов.

Выступает Елена Владимировна, продолжает ее рассказ Михаил Фридрихович. Трибуной служит площадка фундамента. Они вспоминают о событиях сорокапятилетней давности, дополняют друг друга, показывают рукой, что где было. Волнуются, стараются не забыть самого важного, самого интересного.

Нам повезло, после торжественного открытия слета мы стали свидетелями как бы «второй серии» воспоминаний. Елена Владимировна и Михаил Фридрихович идут с нами по улицам поселка. Заброшенный колодец, полусгнивший сруб дома, гранитная глыба — все подталкивает их память, оживляет картины детства, вызывает ассоциации. Нас они, кажется, не замечают, и мы рады такому обстоятельству. Бегло записываем, перекидываемся репликами.

Через месяц Е. В. Бонч-Бруевич прислала нам письмо. Начиналось оно так: «Хочется поблагодарить за организацию нашей поездки в Ленинград, которая, как нам кажется, прошла хорошо. Эта поездка доставила нам радость, так как мы снова повидали дорогие нам места нашей юности и, по-видимому, были полезны для молодежи, которая нас слушала».

Рассказы Елены Владимировны, Михаила Фридриховича, их воспоминания, которые хранятся ныне в фондах Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина, опубликованные очерки Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича и ряд других материалов помогли с достаточной полнотой воссоздать живую картину июньских дней 1917 года.

Короткая передышка

...Дача, которую занимали Бонч-Бруевичи, была простой и удобной. Ее переделали из крестьянской избы-сруба и пристроили веранду. На втором этаже, типа мезонина, были две отдельные комнаты и одна проходная. Туда попадали прямо с лестницы и через нее — на маленький балкончик.

В пять часов пополудни в конце июня Владимир Дмитриевич и его жена Вера Михайловна сидели на балкончике, любясь красотой угасающего дня. Солнце еще не скрылось за лесом, но жара заметно спала.

Их созерцательное, безмятежное состояние нарушили шаги на лестнице. По ступенькам балкона шествовал Демьян Бедный, прикрывая собой кого-то. Бонч-Бруевич растерялся и не поверил глазам своим — за Демьяном стояли Владимир Ильич и Мария Ильинична.

Демьян Бедный шутил и каламбурил:

— Вот вам какого гостя веду... Нет, Вера Михайловна, вы врач, по этой причине без лекарства я не уйду... у меня и так живот болит, а теперь нет-с, по такому счастливому случаю пожалуйста капелек...

— Это от каких болезней капли заведены для Демьяна Бедного? — спросил Владимир Ильич, здороваясь с бросившейся ему навстречу Верой Михайловной.

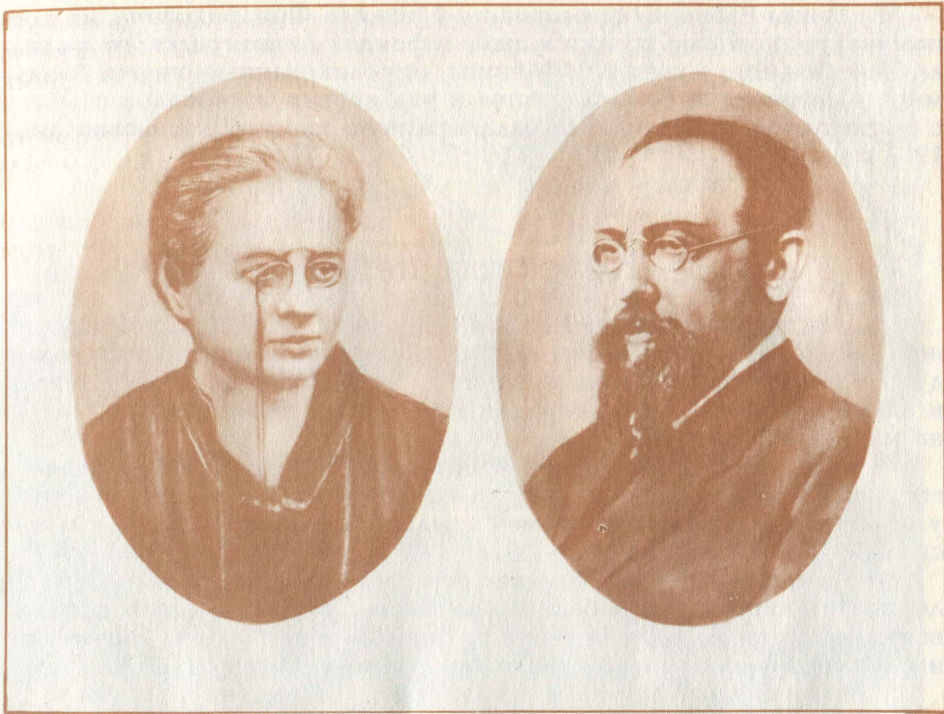
Демьян в лицах изобразил, как остановился у его дома шарабан с пассажирами. Владимир Ильич, по конспиративной привычке, направился сначала не туда, где собирался жить, а к Демьяну Бедному. От него они уже вместе пришли к Бонч-Бруевичам. Гостям сразу показали их комнаты.

В первый вечер они долго сидели вместе на веранде. Все молчали, занятые своими мыслями.

— Как хорошо... — чуть слышно сказал Ленин, погруженный в свои мысли.

Перед сном Вера Михайловна принесла Владимиру Ильичу снотворное. Он покорно взял рюмку с зеленой микстурой и залпом выпил, потом попрощался со всеми и тихонько пошел к себе наверх.

В доме все замерло, ходили на цыпочках, говорили шепотом. — Замечательно хорошо у вас здесь, — сказал Ленин, выйдя утром в сад. — А воздух-то какой... Здесь, я чувствую, вполне можно отдохнуть, — продолжал он, беря под руку Владимира Дмитриевича, — но только при одном условии: покорнейше прошу вас, записывайте все

В. М. Величина (Бонч-Бруевич) и В. Д. Бонч-Бруевич.

расходы, и мы по-товарищески их поделим. Пожалуйста, прошу вас, сделайте именно так, тогда я буду спокоен. Обещаете?

— Конечно, Владимир Ильич, конечно, раз вы этого хотите, я буду самым точным счетоводом нашего общежития. — Иначе Бонч-Бруевич ответить не мог.

Утром на дачу к Бонч-Бруевичам, как это бывало каждый день, пришел Миша Ленгник, четырнадцатилетний мальчик, приятель Лели. Семья Фридриха Вильгельмовича Ленгника давно дружила с семьей Бонч-Бруевича. Даже дачи их были почти рядом, всего через один дом.

В этот раз Миша удивился необычной хлопотливости хозяев дачи. В доме гости, собрались на террасе и с вниманием слушали его. Миша вызвал Лелю и стал допытываться о незнакомце.

— Кто это, с такой большой лысиной и никак спокойно сидеть не может?..

Леля сначала не хотела говорить — конспирация есть конспирация, но потом, по-дружески, взяв с Миши клятву молчать, открыла имя гостя.

О Владимире Ильиче в семье Ленгников говорили часто, и вот представился случай увидеть его самого.

Разговор на веранде кончился, и все вышли в сад. Демьян Бедный,

взяв Ленина под руку, уговаривал сыграть в шашки. Вид у Демьяна — так звали писателя все, даже дети — был решительный. Шашки не шахматы! Это в шахматы Ленин легко обыгрывает, а сейчас он, Демьян, заставит его сдаться.

Игроки расположились в саду, рядом с домом. Принесли три табуретки. На одну сел Демьян, на другую — Владимир Ильич, а между ними, на третью, поставили доску с шашками.

Игра началась. Вокруг них стояли немногочисленные зрители, с интересом наблюдая за сражением. Демьян играл с подъемом,

намереваясь обыграть противника. Он, казалось, придумывал тонкие, замысловатые ходы и был очень собой доволен.

— Да, а баснописец-то хитер! — приговаривал на каждый такой ход Владимир Ильич и улыбался.

Боевые схватки проходили одна за другой, а Демьяну так и не удалось выиграть хотя бы одну партию. Скоро у него и совсем пропал интерес к шашечному сражению.

— Жарко стало, — сказал Владимир Ильич, помогая убирать табуретки на веранду. — Вот бы сейчас искупаться и поплавать...

Миша набрался храбрости и предложил проводить гостя на озеро. А когда Владимир Ильич спросил, откуда он и как его звать, Миша замешкался.

— Это сын Фридриха Вильгельмовича, Миша Ленгник, — ответил за него Демьян. — Могу лично поручиться, хороший хлопец, да и Леля подтвердит.

Они направились к озеру. Дорога, поворачивая влево, постепенно уходила вниз. Последние деревья остались позади, слева и справа открылись луга, а впереди — сверкающая на солнце гладь Вамель-ярви.

Миша всю дорогу молчал и только сейчас, ободренный нескрываемым интересом Владимира Ильича ко всему вокруг, разговорился. Озеро было совсем рядом, невысокий кустарник отделял их от воды. Миша не выдержал и побежал. Все в порядке, их белая лодка на месте.

Быстро разделись. Миша представлял удивление Ленина, когда покажет свое искусство. Мало кто из мальчишек плавал и нырял, как он. Но Миша еще не успел войти в воду, а Владимир Ильич, дав ему брызгами, побежал по отлогому дну, нырнул и показался далеко впереди. Отфыркиваясь, он поплыл дальше, на середину озера.

Где было Мише угнаться за ним, а тем более хвастать своим умением. Он видел, как крепкое, ладно скроенное тело Владимира Ильича плавно переворачивалось с боку на бок, а ладони прихлопывали воду сверху — саженками. Вот где сказался настоящий волжанин!

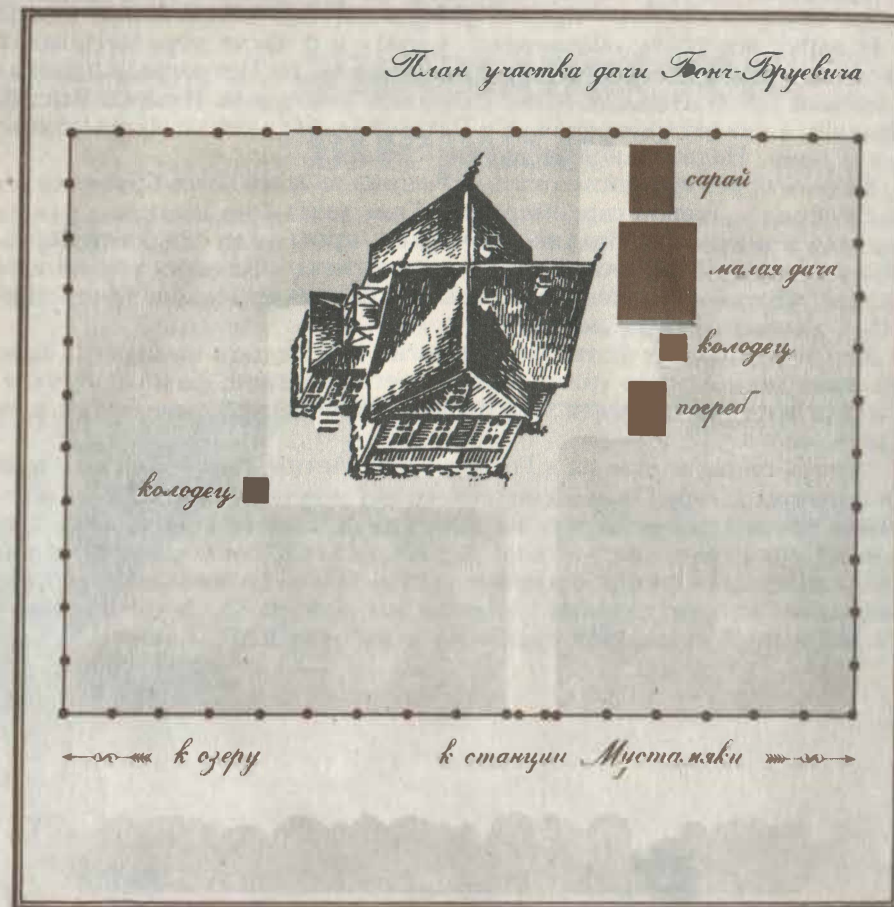
После купания Миша предложил покататься на лодке. Владимир Ильич сел на корму, Миша — на среднюю скамейку. Ребята в поселке считали свое озеро чуть ли не морем. В непогоду от берега к берегу гуляли большие волны. Вот и опять, только вышли на середину озера, свежий ветер погнал белые гребешки, лодку качало. Пришлось повернуть к берегу.

Гребли в две пары весел. Миша налегал изо всех сил, стараясь заносить весла как можно дальше. Лопасты, задевая за гребни волн, разбрызгивали воду, «ловили щук», обдавая мелким холодным душем Владимира Ильича. Неудачное вышло плавание, но Ленин был доволен.

На следующий день купаться с Владимиром Ильичем пошел Владимир Дмитриевич. Бонч-Бруевич не умел плавать. Ему было страшно смотреть на заплывы Ильича. Ведь он предупреждал же Ленина о водоворотах, холодных течениях, ямах. А ему все шутки.

— Тонут, говорите?.. — переспросил Владимир Ильич, аккуратно раздеваясь.

— Да, тонут, — вот еще недавно...

— Ну, мы не потонем... Холодные течения?.. Это неприятно. Ну ничего, мы на солнышке погреемся... Глубоко, говорите?

— Чего уж глубже!..

— Надо попробовать достать дно...

И так каждый раз. Владимир Дмитриевич не знал, что и придумать. Звать в компанию хороших пловцов? Нельзя, Ленин рассердится. Тогда Бонч-Бруевич взял лодку Ленгников и подогнал ее к месту купания.

Но и запрятанная в кустах лодка тоже не вполне устраивала Бонч-Бруевича. Нашелся неожиданный помощник и, главное, хороший пловец. Это был... Рекс, верный друг семьи, сильная и большая собака, помесь водолаза с сенбернаром. Теперь рядом с Владимиром Ильичем плыл Рекс. Уж если что и случится, он-то спасет, вытащит откуда угодно.

Прогулки, купания, отличный сон быстро восстановили силы Владимира Ильича. Он стал просматривать газеты, читал новые книги.

И вдруг все сразу оборвалось. 4 июля в 6 часов утра негромкий стук в окно разбудил Владимира Дмитриевича. Из Петрограда приехал посланный ЦК большевик Макс Савельев. Разбудили Ильича. Быстро собрались и без завтрака уехали в Петроград. На даче остались только Лея и няня. Надвигались июльские события.

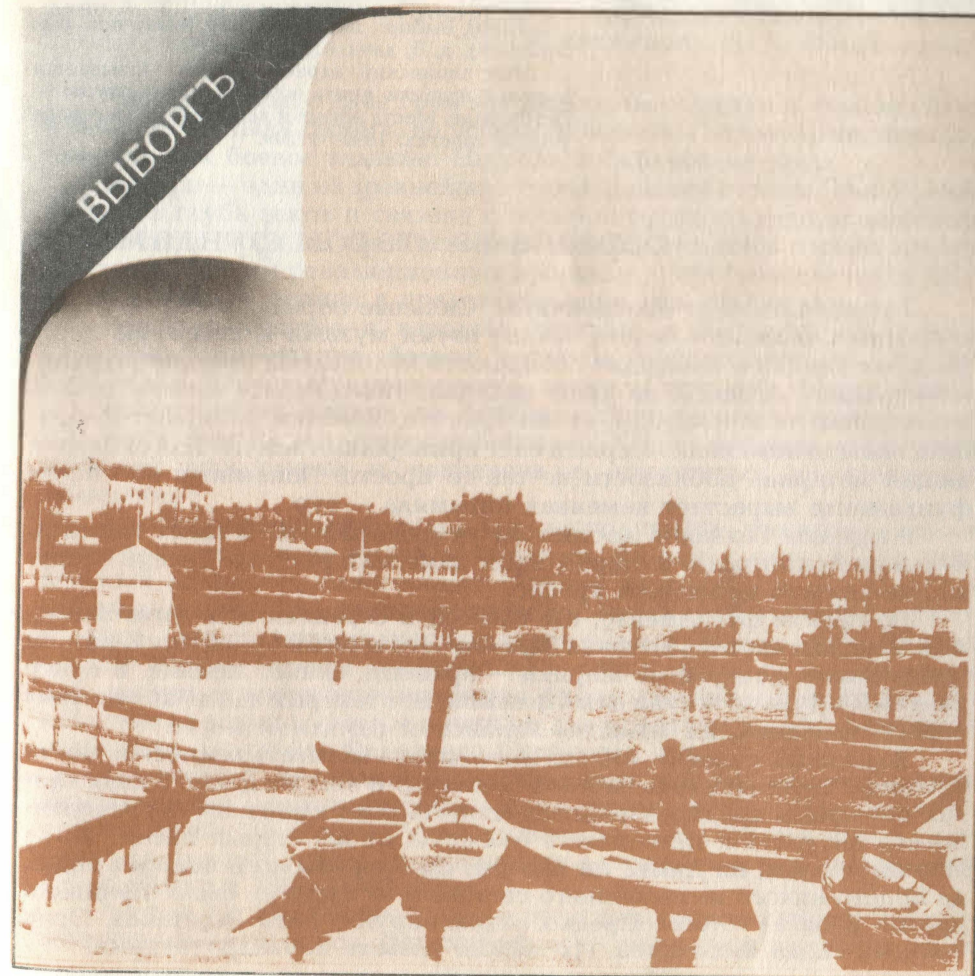
Недели через три после отъезда Ленина на дачу Бонч-Бруевича ворвался отряд юнкеров-гардемаринов. Они лазали по всем закоулкам, побывали в погребе, забрались на чердак, проткнули штыками картофельную яму и обнаружили там... осиное гнездо. Видимо, все же кто-то донес, что здесь, в Нейволе, отдыхал Владимир Ильич. К счастью, он был далеко от этих мест.

Кто знает, может быть, эти немногие дни отдыха на берегах Вамель-ярви дали Ленину силы, зарядили его энергией, физически укрепили для трудных месяцев подготовки Октябрьской революции и ее свершения.

Теперь снова вернемся в Горьковское. Летом 1963 года сюда пришли пионеры лагеря Политехнического института «Алые паруса» и поставили временный памятник на месте дачи Бонч-Бруевича. Они продолжали ухаживать за участком. А в канун столетия со дня рождения В. И. Ленина возле фундамента была установлена гранитная стела с высеченными на ней словами: «Здесь, на даче В. Д. Бонч-Бруевича, с 29 июня по 4 июля 1917 года жил и работал В. И. Ленин».

Адрес указывается впервые

«Город Выборг, пос. Пикируки (ныне пос. Выборгский), д. 5, дача Л. Х. Гоби».

Этот ленинский адрес впервые указывается в новом издании книги «Ленин в Петербурге — Петрограде. Места жизни и деятельности в городе и окрестностях. 1890—1920».

Березка на старом фундаменте

7 ноября. Выборг праздничный. Сильные порывы ветра приносят с противоположного берега залива звуки музыки и песен. На центральных улицах и площадях собираются колонны на праздничную демонстрацию. А здесь, на краю поселка, тихо. Ребята заняты делом. Мальчишки подтаскивают куски гранита, девочки собирают и приносят камни поменьше. Первый снег припорошил землю. Найти подходящий материал поблизости не так-то просто. Понемногу на старом фундаменте вырастает каменная пирамида — тур.

Андрюша Бахвалов достает из рюкзака большой пакет цемента. Везли из Ленинграда. В старом ведре замесили раствор. Теперь сооружение должно держаться крепче.

На старом фундаменте, где сложен и скреплен цементом памятный знак, вытянулась высокая березка. Это верный ориентир. К веткам привязываем воздушные шарики — красные, синие, желтые. В центр каменного тура воткнули алый флажок. Вот теперь и здесь, на «нашем» берегу, праздник, на «нашем» ленинском памятном месте.

Возможно, спросят: кто это имеет право называть ленинское место «своим»? Тоже нашлись частновладельцы! В чем же дело? В двух словах объяснить трудно. Придется вернуться ко временам пятнадцатилетней давности и перелистать большую пачку старых писем. Тогда еще ни Андрея, ни Димы, ни Валеры, ни трех Марин и четырех Ирин, да просто никого из нынешнего состава и на свете не было. Начинали другие ребята — Женя Предко, Леня Бируля, Витя Верстаков, Эрик Авидон, Люда Высоткина. Их можно назвать первопроходцами.

Мы получаем задание

Осенью 1961 года во Дворец пионеров пришло письмо: «От Михаила Александровича Игнатьева (сына известного революционера-подпольщика) мне известно, что юные следопыты-краеведы Ленинградского Дворца пионеров работают по теме «Ленин в Финляндии». Моя покойная мать Лидия Христофоровна Гоби-Шнитникова (подпольная кличка — Ирина) была членом боевой группы при ЦК РСДРП.

Весной 1906 года на ее даче под Выборгом в поселке Пикируки в течение нескольких дней находился В. И. Ленин. Об этом Лидия Христофоровна писала в статье «Мое заведывание складами бомб» в сборнике «Первая Боевая организация большевиков».

Прошу сообщить мне, имеется ли у Вас материал, касающийся дачи Л. Х. Гоби в поселке Пикируки и о пребывании там В. И. Ленина.
С уважением Л. В. Шнитникова».

Честно говоря, о даче Гоби мы раньше не слышали и, больше того, в Выборге, к стыду своему, не успели побывать. Письмо Шнитниковой приняли как боевое задание. Набрали в библиотеке книг.

Выборг — один из древнейших городов нашей страны. Его история уходит в глубь веков и связана с борьбой русского народа за берега Балтийского моря, за свои исконные земли. Летопись города хранит память о славном революционном прошлом, о пребывании здесь Владимира Ильича Ленина в предоктябрьские дни 1917 года.

Наше знакомство с городом началось с Выборгского архива. Строгих форм здание белым парусом возвышается на гранитной скале против средневекового замка. Световые проемы архива смотрят через пролив на бойницы-ниши главной башни замка. XX век пристально всматривается в XIII! История этих семи столетий спрессована и сохранена в документах на стеллажах хранилищ.

В архиве нам сразу повезло. Нет, не подумайте, что вдруг удалось напасть на «золотую жилу» и вытащить из папки совершенно уникальный документ. Любительские набеги на архивы редко дают результаты, а тем более приносят сенсации. Речь идет о «везении» другого рода — мы познакомились с удивительными людьми, работниками архива. Нашим верным помощником и «поводырем» по бесконечным лабиринтам исходящих и входящих бумаг, описям и переписям, рукописным планам и схемам с первых дней знакомства стала научный сотрудник Анастасия Федоровна Осейкова.

Двусветный читальный зал архива стал для нас родным домом. Три январских дня мы просидели там с утра до вечера. Анастасия Федоровна принесла толстые, так называемые монтальные книги с записями адресов выборжан, проживавших в северной и северо-западной части города в 1904—1907 годах.

Лист за листом просматриваем регистрационные списки. Выцветшие чернила скорописи, финский язык — не сразу и разберешь. Еще

Л. В. Шнитникова и М. А. Игнатьев работают над материалами в фондах Выборгского государственного архива.

хорошо — Пикируки поселок небольшой, всего два десятка участков. Под номером пять владелицей дома действительно значится Гоби.

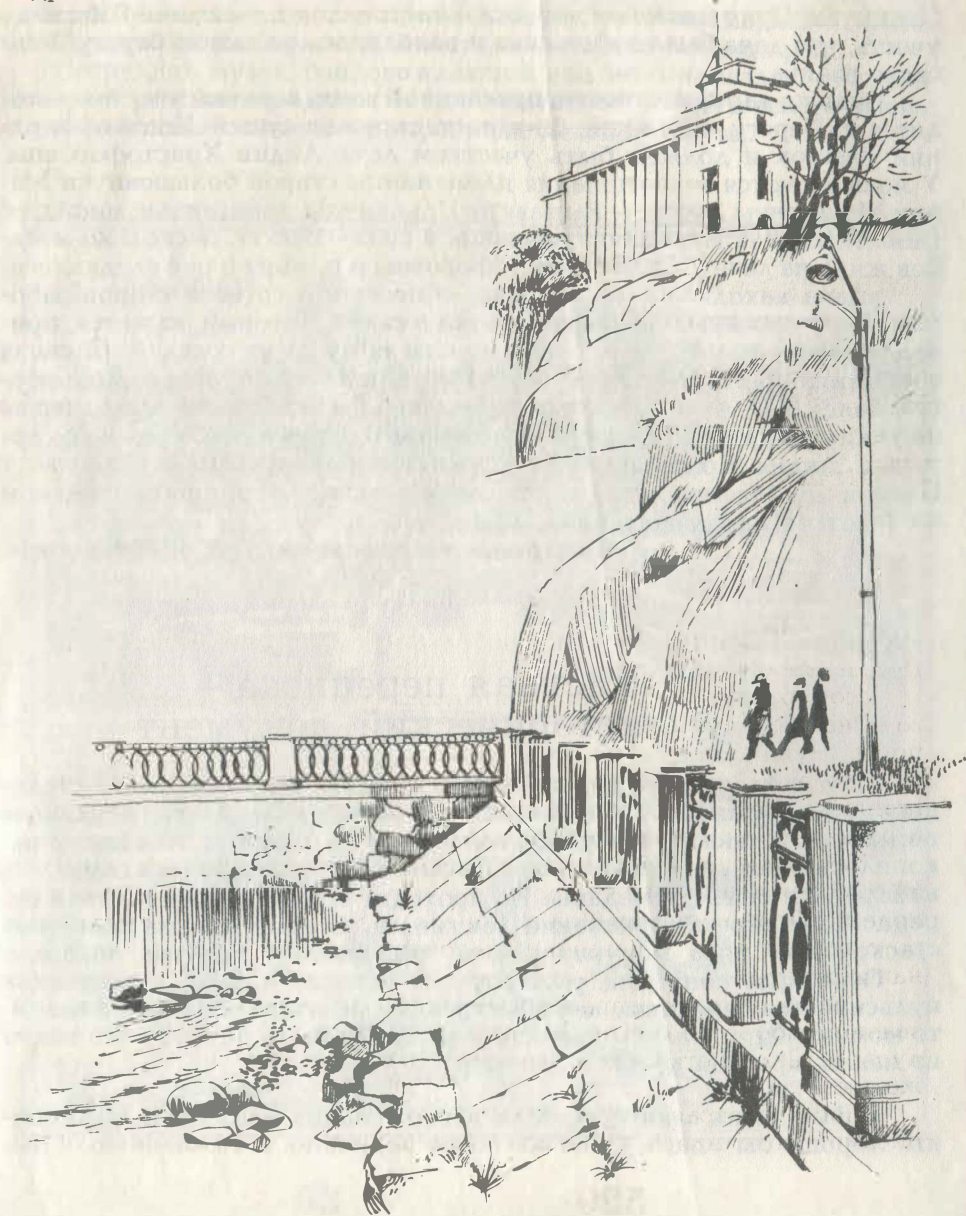
Номер дома подтвердился документально. Остается совсем немного — найти место дачи. Как? На местности ничего не осталось от той поры. Нужна старая карта с указанием участков. И такую карту, 1905 года, выполненную цветной тушью, Анастасия Федоровна нам принесла. Но вот беда, на плане указаны два(!) пятых участка, да еще в разных концах поселка. Попробуй догадаться — какой из них.

Так или иначе, Леня Бируля аккуратно перерисовывал старую карту со всеми участками. Он любит и умеет рисовать. Даже в трудном походе по Приполярному Уралу и в сложном лыжном переходе по Дороге жизни Леня успевал делать наброски. Его зарисовки украсили наши отчеты.

С копией плана отправились в Пикируки, теперь поселок носит название Выборгский. Живописнейшие места! Огромные гранитные валуны и разлапистые ели окаймляют неширокую полоску земли, прижатую к заливу.

После возвращения в Ленинград отправили Л. В. Шнитниковой письмо, поделились соображениями: «Предполагаем, что участок

№ 5, принадлежавший Лидии Христофоровне, северный, больших размеров. Он близко от воды и примыкает к сосновому бору бывшего парка Монрепо. Малый «пятый» участок расположен на открытом месте и на приличном расстоянии от залива. Обошли один и другой участок несколько раз. В северной части, где, возможно, находилась дача Гоби, сохранился финский двухэтажный дом. Нет ли у Вас описания земельного владения и каких-нибудь деталей и подробностей?

Все обнаруженные в Выборгском архиве материалы мы скопировали и посылаем Вам. Еще надо искать, уточнять, думать. Пока трудно окончательно решить вопрос о местонахождении исторической дачи».

Из Москвы от Любви Вячеславовны пришел ответ:

«Михаил Александрович Игнатъев и я поздравляем вас с двадцатипятилетием Дворца пионеров и желаем юным краоведам новых успехов в поисках. Большое спасибо за присланную копию карты поселка Пикируки. При выяснении вопроса о местонахождении дачи Гоби надо учесть, что дача была небольшая и находилась на самом берегу Финского залива.

Судя по карте местности, присланной вами, верхний участок находится на берегу, а нижний, по-моему, окружен сушей. Поэтому верхний участок и должен быть участком дачи Лидии Христофоровны. У меня имеются воспоминания племянницы старой большевички Марии Моисеевны Эссен — Елизаветы Ильиничны, записанные мной с ее слов. Елизавета Ильинична девочкой в 1905—1906 гг. несколько месяцев жила на даче у Лидии Христофоровны и помнит о ней следующее:

«Дача находилась во дворике, обнесенном со всех сторон забором. Напротив крыльца была калитка в садик, который, кажется, принадлежал не только Л. Х. Гоби, но еще кому-то из соседей. (В своих воспоминаниях Лидия Христофоровна пишет, что в этом садике прогуливался В. И. Ленин.) Налево от крыльца была дорожка, выходящая на улицу поселка. Во дворике было какое-то фруктовое дерево, под которым Лидия Христофоровна усаживала больную тогда Елизавету Ильиничну. Может быть, это описание поможет установить, на каком из участков находилась дача Гоби.

С искренним уважением Л. В. Шнитникова».

Частная переписка — исторический документ

Между квартирой старого дома в Мечниковском переулке столицы и Дворцом пионеров на Невском проспекте наладилась регулярная переписка. А поскольку продолжалась она не один год, то и писем накопилось много, не один десяток. Письма как письма, в иных семьях их набираются целые чемоданы. Но проходит время, и даже частная переписка приобретает значение документа. Старые письма помогают «раскрутить» дела минувших дней, воскрешают забытые эпизоды.

Перебирая конверты, рассматривая штампы и даты, видишь, как пульсировала переписка, как убыстрялся или затихал ее ритм. В какой-то момент мы топтались на месте, хвататься было нечем, и это видно из наших кратких депеш в Москву:

«...Нас очень заинтересовали воспоминания Елизаветы Ильиничны. Хорошо бы узнать у нее все более подробно. К сожалению, в Вы-

боргском архиве новых документов о даче Гоби не нашли. Не собираетесь ли приехать в Ленинград? Как было бы хорошо побывать вместе в Выборге. Что касается предложений об участке Лидии Христофоровны в Пикируках, то здесь требуются еще доказательства, хотя бы косвенные, а не только догадки. Будем рады видеть Вас в Ленинграде».

В конце апреля 1962 года Любовь Вячеславовна Шнитникова и Михаил Александрович Игнатъев приехали в Ленинград. Уже на следующий день отправились с ними в Выборг. Знакомый маршрут: архив, музей, поселок Выборгский. Вместе посмотрели все еще раз.

Сотрудник музея, сопровождавший нас, не сомневался, что исторический участок находится на Кооперативной улице, и вскоре высказал свое мнение печатно на страницах местной газеты.

Wiipuri.
Wiborg.

Старый Выборг. С открытки начала XX века.

Через несколько дней, 2 мая, мы вместе с Шнитниковой и Игнатьевым были на Рузовской в гостях у Николая Евгеньевича Буренина. Под свежим впечатлением поездки в Выборг рассказали ему о наших поисках. Он пообещал в ближайшие дни посмотреть в своих архивах и помочь нам. Собралось много гостей. На память все вместе сфотографировались. По просьбе Николая Евгеньевича, его старые друзья играли на рояле, исполняли арии и романсы. Музыка всю жизнь поддерживала его.

Любовь Вячеславовна и Михаил Александрович задержались в надежде еще поговорить с Бурениным. Об этом узнали из письма:

«...Удалось ли вам еще раз побывать у Николая Евгеньевича? Мы так и не смогли получить от него запись рассказа о даче Гоби, гости разошлись поздно. Может быть, вам повезет? Это было бы полезно для нашего общего дела. Михаил Александрович был у Елены Дмитриевны Стасовой и рассказал ей о нашей поездке и поисках. Она вспомнила, что бывала в Выборге и Пикируках, но где именно — не помнит».

А из Выборга получили письмо от Анастасии Федоровны Осейковой:

«...Сегодня мы опять ходили в поселок Выборгский. Искали дачу Гоби. Вероятно, все-таки это дом на Кооперативной улице, 19, тот, что вы фотографировали. Жильцы этого дома в прошлом году делали ремонт квартиры и заново оклеивали стены. Они отрывали все до самых досок. Под обоями оказались старые финские и русские газеты за 1902—1905 годы».

Наверное, Анастасия Федоровна одновременно сообщила об этих новостях в Москву, поскольку оттуда вскоре пришла открытка с лаконичным текстом: «Мы с Михаилом Александровичем пришли к выводу, что собранного материала вполне достаточно для утверждения, что осмотренный нами участок с двухэтажным домом и является дачей Лидии Христофоровны».

Наступило лето — пора походов. Во Дворце пионеров копилась корреспонденция, ждала нашего возвращения с маршрута. Первое письмо, которое поторопились отправить Л. В. Шнитниковой, было невеселым:

«Только вернулись с ребятами из похода, поэтому так долго не отвечали. Вероятно, Вы раньше нас узнали печальное известие — 29 июня скончался Николай Евгеньевич. Так и не пришлось его больше повидать. Встреча с ним 2 мая была последней».

Первоначальный, ошибочный дом № 5 в поселке Пикируки.

Лидия Гоби — подпольщица Ирина

Целую главу посвятил Н. Е. Буренин в книге «Люди большевистского подполья» Лидии Христофоровне Гоби, и никто лучше о ней пока не написал:

«Лидия Христофоровна Гоби, по кличке Ирина Петровна, дочь известного ботаника, профессора университета Христофора Яковлевича Гоби, была одной из видных представительниц нашего подполья. Одно время она ведала всей техникой при Петербургском комитете партии. У нее была дачка под Выборгом, в Пикируках, которой мы широко пользовались. Место было настолько удобное и безопасное, что Владимир Ильич в один из своих приездов останавливался у нее.

Неся в себе итальянскую кровь, она обладала благородной внешностью. Яркое лицо, черные жгучие глаза, которые под густыми бровями как-то особенно блестели, высокая, стройная, она обращала на себя внимание, где бы ни появлялась. Но, одетая скромно, во все черное, она имела вид светской барышни из высшего круга, и никто не мог заподозрить, что она была фанатиком своего дела, что всю себя отдала

Л. Х. Гоби.
Фотография 1905 г.

революционному движению. Царские ищйки проходили мимо нее, не подозревая, что она может быть причастна к революционной работе».

В переписке с Москвой наступила длинная пауза. Обменивались вежливыми поздравлениями. Похоже, настало время поставить точку. В такие критические моменты выручает случайность, иногда даже цепь случайностей. В этом, как утверждает диалектика, есть своя закономерность. И нам помог счастливый случай, об этом сразу сообщили Шнитниковой:

«...Несколько недель в сентябре и октябре занимался в Ленинградском партархиве. Удалось просмотреть фонды воспоминаний старых большевиков, участников революции. Среди этих документов оказалась машинописная рукопись под названием «Работа по технике большевистского подполья». Автор — Лидия Христофоровна Гоби-Шнитникова. Какая удача!

Вероятно, эти воспоминания переданы в партархив Бурениным. На полях есть пометки, сделанные его рукой. В рукописи четыре части: 1. Конспиративные квартиры; 2. Складское дело; 3. Типографии; 4. Дача в Выборге.

Вы, конечно, понимаете, что меня больше всего заинтересовала последняя часть, ведь речь там идет о Пикируках. Этот материал значительно полнее, чем тот, что опубликован в сборнике «Боевая группа...». Вы убедитесь в этом сами. Прилагаю выдержки из четвертой части — «Дача в Выборге».

«В Выборге, в дачном предместье под названием Пикируки, на берегу Финского залива у нас была дачка, которая в течение ряда лет служила нам базой для транспорта литературы и оружия, шедшего из Финляндии. Она являлась местом отдыха для нелегальных товарищей, которые могли жить там по несколько месяцев. И наконец, служила местом свиданий особо длительных, конспиративных.

Дачка стояла в глухом уголке поселка около лесопильного завода. Дорога, проходившая мимо нас, обрывалась, упираясь во всегда закрытые ворота завода. Дом был расположен на самом берегу залива. Сзади него и со стороны, противоположной заводу, были пустыри, сюда чрезвычайно редко заходила публика.

С залива наша дача не была видна, так как перед ней на берегу тянулись заросли деревьев и кустов, живописно купавших свои ветви в седых водах Финского залива. Место это было глухое и надо было бы непосредственно завести за собой шпики, чтобы эту дачу могли обнаружить. Однако мы были чрезвычайно осторожны. Большей частью приходили на дачу пешком, а если доставляли какой-либо груз, то пользовались исключительно водным путем.

В 1906 году на этой дачке было организовано небольшое совещание Владимира Ильича с двумя товарищами, фамилии которых я не знала. Ленин прожил с нами на этой даче два дня и на третий они уехали. Весь день они находились в комнатах мезонина и работали, и только к вечеру в сумерки спускались в садик и сидели на свежем воздухе.

Мне приходилось играть роль хозяйки, ходить за продуктами, варить обед и ужин и угощать своих гостей.

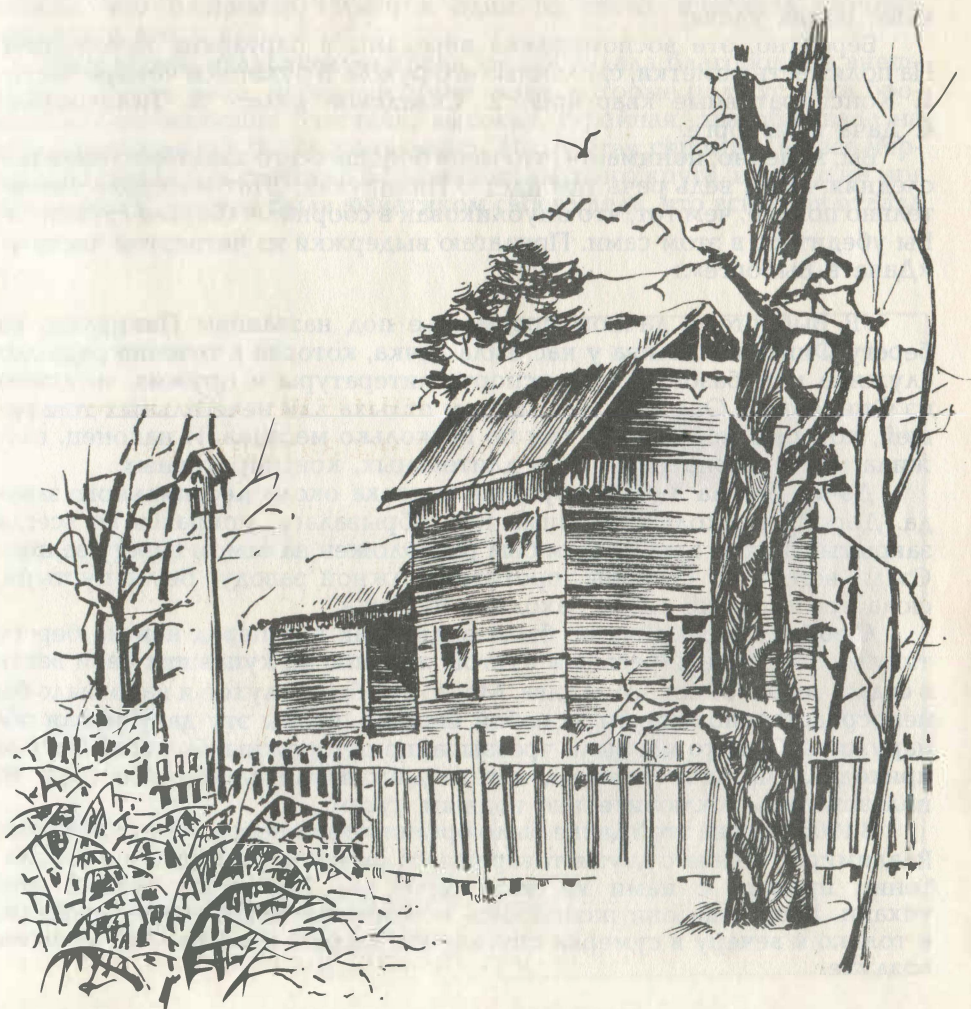
Это совещание трудно было устроить в более спокойном месте.

И я думаю, что предосторожность, которой придерживался Владимир Ильич и ради которой они выходили в садик только вечером, была в данном случае излишня.

Словом, это совещание прошло совершенно благополучно.

Однако чрезвычайно быстро после того, как на этой даче был Владимир Ильич, так месяца примерно через 1,5—2, это наше убежище провалилось.

По счастью, в период, когда на даче никто не жил и ничего в ней не хранилось, она стояла запертой, полиция ее оцепила ночью со всех сторон, взломала замки, перерыла все и, не найдя ничего, удалилась.

Нам об этом сообщила жившая на соседней даче старушка, у которой мы обычно оставляли ключ и которая, конечно, никогда не подозревала, что дача используется ради революционных целей.

Провал этот нам был совершенно непонятен, и мы никак не могли разгадать вызвавшие его причины. Мы могли только с содроганием отмечать, что этот непонятный провал, будь он случайно раньше, мог бы застать именно тот период, когда там был Владимир Ильич, и благословляли небо за то, что случай здесь благоприятствовал. Ведь мы считали нашу дачу убежищем абсолютно надежным.

Остается добавить, что почти 20 лет спустя после провала нашей дачки, уже после революции, когда архивы департамента полиции стали достоянием нашей партии, мы совершенно случайно, неожиданно и негаданно получили ключ к разгадке этого провала.

В архивах департамента полиции была найдена записная книжка т. Согредо, который в 1906 г. был арестован, и в этой книжке, расшифрованной полицией (потому что т. Согредо записывал адрес шифром, но полиция обладала большим искусством расшифровывать записи), значился полный адрес этой дачки».

После знакомства с воспоминаниями Л. Х. Гоби закрались подозрения: а не ошиблись ли мы с «открытием»? Если судить по описаниям Лидии Христофоровны — явно что-то не сходилось. Требовались факты, документальные доказательства. Вот если найти записную книжку Согредо?

Записная книжка Согредо и другие доказательства

На зимние каникулы поехали с ребятами в Москву и Подмосковье. С большим трудом попали в Центральный государственный архив Октябрьской революции. Фонды документов департамента полиции хранятся именно там, в ЦГАОР СССР на Пироговской улице.

Подлинные документы теперь выдаются исследователям все реже. Большинство дел перенято на пленку. Вот и нам принесли несколько круглых коробочек. В темной комнате по соседству с читальным залом на столиках стоят просмотровые аппараты. Вставляешь пленку, включаешь свет, и на матовом экране появляются страницы документов.

Третий час прокручиваем катушки разных дел Особого отдела департамента полиции. И вдруг на матовом стекле появился заголовок: «Разбор шифрованных записей, отобранных у студента Военно-медицинской академии Николая Петрова Согреда. 15 мая 1906 года». Листок первый, второй, пятый, десятый — ничего. Уж не ошиблась ли Лидия Христофоровна? Нет, не ошиблась. Просто у нас не хватило терпения

досмотреть до конца. На 18-й страничке именно то, что ищем: «Пикируки, 5. Лесопильный завод «Векротниemi». Менжинская + Лидия Христоф. Ирина Петр.».

Значит, есть польза в сомнениях. Интуиция в данном случае не подвела. Завод «Векротниemi» на карте расположен совсем в противоположной стороне от первоначально предполагаемого места, рядом с «малым» 5-м участком.

Все приходилось начинать сызнова. А это было нелегко. Почему? Не в пример дальнему участку поселка, где сохранился двухэтажный дом, возле бывшего завода война не пощадила ничего. Какие там дома? Даже целых фундаментов осталось мало. Большую часть земли перепахали под огороды. Из остатков камней построили погреба для хранения картошки. Вот и определи в этом запутанном лабиринте, где стоял дом Л. Х. Гоби.

О своей находке сообщили Шнитниковой. Как нелегко отказываться от сложившейся версии. Об этом писала и Любовь Вячеславовна: «К сожалению, действительно, участок дачи Лидии Христофоровны Гоби, несомненно, другой, а не тот, что мы считали раньше. Дача № 5 находилась в противоположной стороне.

В своих воспоминаниях Л. Х. утверждает, что дача была около лесопильного завода. Еще характерно, что при подходе к ней были пустыри.

У меня гостит моя старшая сестра, она рассказала о даче в Выборге. В 1914 году Лидия Христофоровна с детьми жила на даче в Уси-Кирка под Выборгом. Сестра вместе с мамой посетила дачу в Пикируках. Шли они от вокзала по дороге, потом направо через пустыри. К входу дачи можно было пройти, только обогнув все здание. Дом был с мезонином, лестница туда шла прямо от входных дверей.

Внутрь дома попасть им тогда не удалось. Дача была закрыта, а соседни отсутствовали. На участке зелени было мало».

В майские праздники выбросили «десант» на берег залива в районе бывшего поселка Пикируки. К этому времени закончили школу следопыты-первопроходцы, и уже другие ребята приняли эстафету. Метр за метром измеряли они примыкающий к заливу участок. На планшет ложились старые заросшие дорожки, бухточки залива и, главное, помечались остатки сохранившихся фундаментов.

Вот где требовалась добросовестность, точность в работе. Семь раз отмерь — один раз нанеси на карту, такая поговорка появилась у нас. Тут нет мелочей. Какой-нибудь метр вытоптанной между камнями дорожки превращался в миллиметр карандашного штриха на бумаге. Ошибиться нельзя. Результаты глазомерной съемки предстояло совместить со старыми планами, привести их к одному масштабу. Только тогда можно будет судить, где находился «малый» пятый участок, на каком из ныне сохранившихся фундаментов стояла дача Л. Х. Гоби. Надо заметить, что метод наложения схемы, выполненной глазомерной съемкой на старую карту, послужил еще не раз при дальнейших поисках.

Сравнили схему и карту, потом долго спорили, доказывали и проверяли, пока не убедились, что ничем не приметный и сильно заросший фундамент есть то самое место, «малый» участок номер пять!

Вернувшись из Выборга, ребята вычертили схему тушью, копию отправили в Москву. В августе получили от Любови Вячеславовны сначала письмо, а потом и телеграмму: «Ленинград. Дворец пионеров. Отдел краеведения. Выезжаю 15/8 в 17 часов. 17-го буду указанном вагоне Выборгского поезда. Шнитникова».

Идем от вокзала с Любовью Вячеславовной к поселку Выборгскому пешком. Показываем приметную березку и фундамент. С весны здесь все заросло. Буйное царство крапивы. Ей тут раздолье возле старых фундаментов.

Приходится пробиваться с боем. Наше оружие — палка. Сносим крапиве голову, потом топчем ее. Вместе со Шнитниковой еще раз обмеряем фундамент, пытаемся представить его площадь в первоначальном виде. Сразу и необразишь. Фундамент частично разобран, и камни унесены. Надо торопиться закрепить это памятное место, а то вообще ничего не останется.

...Не успели проводить Любовь Вячеславовну в Москву, как получили от нее письмо: «...хочу написать в архив А. Ф. Осейковой — сообщить ей о результатах нашей поездки. Как жалко, что она была в отпуске. Теперь все окончательно ясно. Не вызывает сомнения, что заросший фундамент — бывшее основание дома. Буду просить Анастасию Федоровну уточнить, если есть возможность, когда дача Лидии Христофоровны передана другому владельцу. В монтажных книгах до 1909 года она числится хозяйкой, а книги записей 1910 года тогда не нашли».

Казалось бы, все ясно — место дачи Л. Х. Гоби определено и обозначено. Пора поставить точку и заняться другими делами. Но целый ряд обстоятельств, о которых речь пойдет дальше, не позволили убрать в дальний ящик разбухшую от бумаг папку с коротким названием на обложке: «Пикируки, 5».

По совету Михаила Александровича Игнатьева давно собиравшись познакомиться с личным архивом Николая Евгеньевича Буренина. Он завещал его Ленинградскому музею Октябрьской революции.

Самыми любопытными показались папки с документами о его неутомимых разысканиях писем В. И. Ленина, Н. К. Крупской и других революционеров-ленинцев. В Финляндии, Швеции и Швейцарии он искал старых друзей, помощников в своем благородном деле. Буренин посчитал своим долгом собрать как можно полнее вещественные факты революционной эпохи, свидетельства борьбы.

Среди черновиков обнаружилась такая запись: «Пикируки, 5. Векротниemi (лесопильный завод). Сейчас за заводом (дача), не первая примыкающая, а вторая. Из крепостных ворот направо, обогнуть огородное место и опять свернуть направо и назад вдоль моря. (Дачи Пикируки шли дальше по берегу.)

Выглядела, как ящик, за ней пешеходная тропинка, одним окном

к морю узким, другими двумя окнами и крыльцом в садик. Ленин жил три дня, Л. Х. готовила, целыми днями заседали».

Не эти ли записи Николай Евгеньевич собирался найти и показать нам тогда в мае 1962-го? Конспективные сведения о Пикируках составлены так, будто их диктовал Буренину человек, хорошо знающий мельчайшие подробности. Может быть, Лидия Христофоровна сидела тогда рядом с ним? А почему бы нет? Ведь именно в это время Гоби написала для Николая Евгеньевича свои воспоминания, которые он позже передал в Ленпартархив.

Важные детали подмечены в короткой памятке. Буренин в дни своей поездки по Финляндии намеревался посетить Выборг и Пикируки. Удалось ли побывать в доме Гоби — осталось неизвестно. Так или иначе, запись помогает лучше представить вид дачи, ведь по остаткам фундамента это трудно сделать. Хорошо описаны подходы к памятному месту.

Все может пригодиться. Тем более что тема «Ленин в Пикируках» оказалась далеко не исчерпанной. Возникли неожиданные вопросы, новые проблемы.

Пикируки — август 1907-го

Спустя год с лишним после посещения В. И. Лениным дачи Гоби Владимиру Ильичу пришлось еще раз побывать в поселке Пикируки. Это был август 1907 года. На совещании в Выборге предстояло решить дело о наследстве Н. П. Шмита — владельца мебельной фабрики в Москве и наследника большого капитала. Еще студентом Николай примкнул к революционному движению, сочувствовал большевикам и не жалел средств на вооружение московских рабочих. Полиция схватила его и замучила в тюрьме. Перед смертью Шмит завещал свое наследство большевикам.

Предстояло юридически оформить последнюю волю Николая Павловича Шмита. Вот для этой цели и был вызван из Москвы присяжный поверенный С. П. Шестернин. Он вспоминал, как, дождавшись сумерек, его повели из гостиницы в дачную местность Пикируки. Там среди деревьев он увидел небольшую двухэтажную деревянную дачу. С провожатым Шестернин прошли наверх и попали в довольно просторную комнату. Там стоял стол и несколько стульев. «Скоро сюда пришел Владимир Ильич, — писал в воспоминаниях С. П. Шестернин, — такой же простой и внимательный, каким он был 13 лет назад, когда впервые встречал его в январе—феврале 1894 г.»

Ленин сидел на диване, внимательно всех выслушивал, но сам не выступал. Совещание решило оформить наследство на имя сестер Н. П. Шмита, а те согласились передать его партии для дела революции.

Шестернин писал, что встреча с Лениным в Пикируках произошла в августе 1907 года. Можно попытаться уточнить дату. Еще в конце июля Владимир Ильич выехал из России на Штутгартский конгресс и вернулся оттуда после 11 августа. На обратном пути он мог остановиться в Выборге для участия в совещании. А вот сказать, на какой даче встретил Шестернин В. И. Ленина, значительно сложнее.

— Какие сомнения? — заявили горячие головы нашей следопытской группы. — Конечно, это было на даче Гоби! Где же еще?

К сожалению, пришлось их огорчить и объяснить далеко не простую ситуацию с определением места встречи. Есть возражения, и довольно обоснованные. Первое — после ареста Согредо и захвата его записной книжки с адресом дачи в Пикируках полиция произвела обыск в доме Гоби. Дальнейшее использование дачи в конспиративных целях в таких случаях исключалось. Еще довод — Л. Х. Гоби нигде ни слова не пишет о втором совещании с участием В. И. Ленина в Пикируках. Почему?

Это все факты «против». А есть ли «за», в пользу уже хорошо известной нам дачи Гоби? Есть! И мы их обязательно приведем.

Первый довод — результат размышлений и формальной логики. На карте поселка 1905 года как на ладони видны все участки в Пикируках. Их было два десятка. Имело ли смысл на таком «пяточке» менять один дом на другой, если предположить, что дача была под наблюдением полиции? Тем более в других пригородных поселках Выборга имелись в это время безопасные конспиративные явки.

Второй довод — внешний вид дома. Описания дачи в воспоминаниях С. П. Шестернина совпадают с рассказами Л. Х. Гоби и записями Н. Е. Буренина. В обоих случаях совещание проходило на втором этаже. Много ли было в ту пору в поселке двухэтажных дач?

Третий довод — ответ на вопрос, почему нет в статье и рукописи Л. Х. Гоби упоминания о втором приезде В. И. Ленина. Ее просто не было к этому времени в Выборге и даже в Петербурге. Как пишет сама Лидия Христофоровна в автобиографии, ей пришлось прятаться от преследования полиции в Средней Азии. Между тем даже в 1909 году, как значится в монтальной (регистрационной) книге Выборгского архива, Гоби все еще считалась хозяйкой дома.

Что же, дача была заколочена наглухо? Как бы не так. Явка продолжала действовать, и доказательством тому полицейские донесения. 15 сентября 1907 года заведующий заграничной агентурой А. Гартинг в секретной депеше под номером 405 сообщал из Парижа:

«Начальнику департамента полиции. Совершенно секретно. Имеются указания, что одним из серьезных адресов большевиков, членов Центрального Комитета, в Финляндии является: Выборг, Пикируки, 5. Лидия Христофоровна».

В Петербурге всполошились и приказали жандармерии Финляндии принять срочные меры. Через два месяца в Особый отдел департамента полиции пришел ответ. Трудно сказать, какое впечатление произвел этот документ на чиновников отдела, но для нас он представлял безусловный интерес:

«Во исполнение предписания департамента полиции от 19 сентября доношу, что в г. Выборге в дачной местности Пикируки на даче № 5 находится конспиративная квартира, в которой происходят почти ежедневно собрания. Сюда же приезжают агитаторы из С.-Петербурга и Гельсингфорса.

Квартира эта находится под наблюдением начальника Выборгской крепостной жандармской команды около 2-х лет. Установить же, кто живет на этой квартире, не представилось возможным ввиду того, что туда никого постороннего не допускали и все работы исполняли сами жильцы.

Местный же ленсман (полицейский) не только не обращал на эту квартиру внимания, но, наоборот, предупреждал живущих в ней о малейшей опасности.

В первых числах сего ноября жене вахмистра упомянутой команды Русаченко удалось под видом молочницы проникнуть на дачу № 5, где она узнала следующее: «...этот дом часто посещали разного рода люди и по вечерам решали какие-то вопросы. Туда так же очень часто приезжали какие-то личности обоего пола из СПб., жили по неделям и уезжали всегда с большими пакетами.

При этом присовокупляю, что наблюдение за дачей № 5 возможно только летом, осенью и особенно зимой наблюдение почти невозмож-

Установка временного памятного знака на месте дачи Л. Х. Гоби.

но по причинам отсутствия дачников, почему всякое новое лицо сейчас же обращает на себя внимание».

Подписал донесение ротмистр жандармерии, фамилию которого разобрать не удалось.

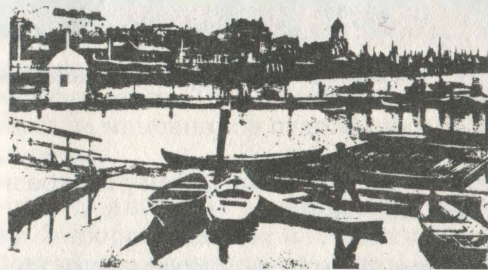
Какие же выводы позволяет сделать этот документ? Во-первых, дача в Пикируках до поздней осени 1907 года верой и правдой служила революционерам. И хотя там не было хозяйки, о доме хорошо знал большой круг лиц — членов боевой группы при ЦК РСДРП. Там бывали М. М. Эссен, В. Р. Менжинская, Е. Д. Стасова, Н. Е. Буренин и другие.

Любопытное обстоятельство, вытекающее из содержания донесения. Ротмистр не упоминает других конспиративных адресов в поселке Пикируки. А он старался изо всех сил, даже жену вахмистра отправил подсматривать и подслушивать. Знал бы что еще — обязательно отписал начальству.

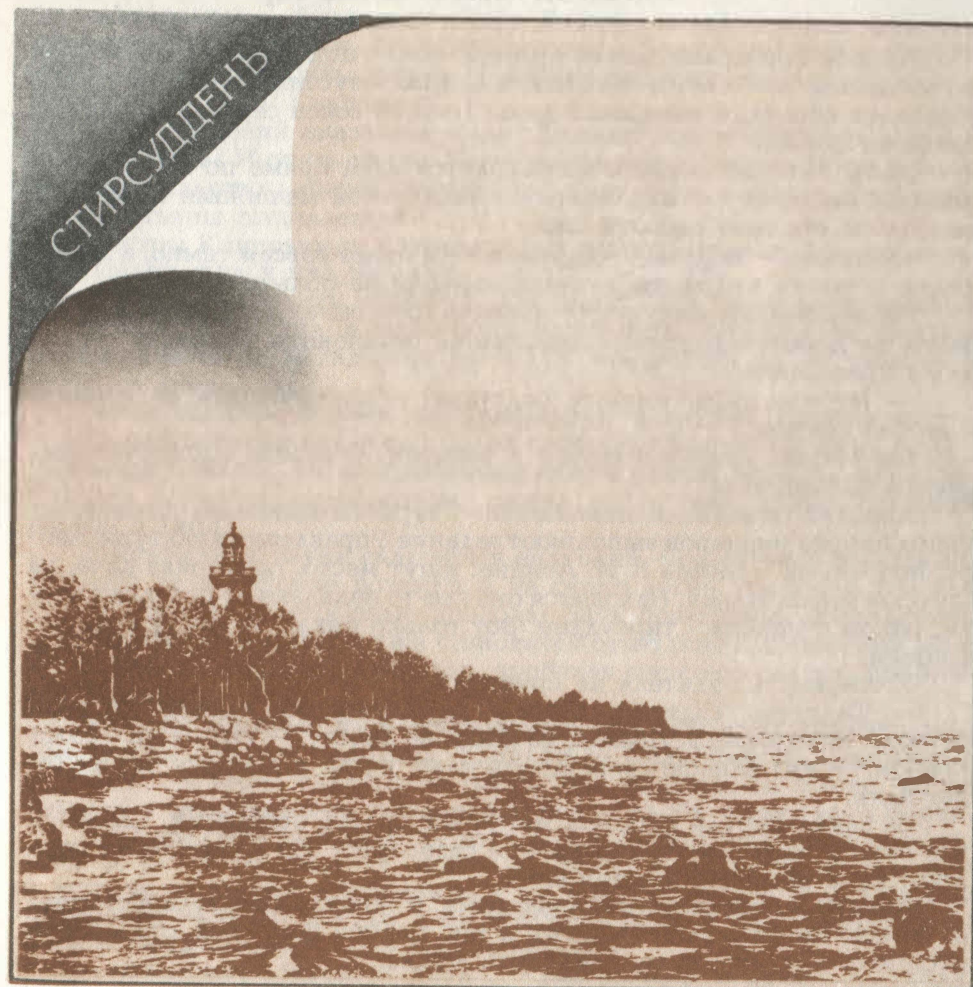
Как известно, арестов и провалов на даче номер пять не было. Финский полицейский, сочувствующий революционерам, не только охранял «дачников» от неприятностей, но предупреждал о малейшей опасности. Поэтому и могли ежедневно проходить собрания, совещания, встречи. Почему же в таком случае нельзя предположить, что заинтересованные в наследстве Н. П. Шмита лица собрались в Пикируках на даче номер пять? Доводов «за» значительно больше, чем «против».

Все наши выкладки, планы и карты передали в Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина. Приятно сознавать, что такое серьезное научное учреждение заинтересовано в нашей работе. В городской комитет КПСС Выборга отправили письмо с просьбой навести порядок на участке бывшей дачи Гоби и поставить там памятный знак. Предложили свою помощь в любых работах по благоустройству. А в 1977 году в издании книги «Ленин в Петербурге — Петрограде» впервые был указан новый ленинский адрес в городе Выборге: Пикируки, 5.

Сегодня участок благоустроен, разбит сквер и поставлена высокая гранитная стела. Теперь сюда будут приезжать на автобусах экскурсанты, придут пионерские отряды. Об этом мы много лет мечтали и верили. Никогда не забудем узкой полоски берега залива в тихом поселке Выборгском, всегда будем помнить «наше» ленинское место.

Маяк революционеров

Сквозь снег и ветер

Андрей Боровский, зажав лыжные палки под мышкой, посмотрел на часы: еще не было и четырех, а солнце опустилось совсем низко. Кончался короткий январский день. Тени от сосен серым частоколом легли на дороге.

Плохо, что нет лыжни и приходится идти прямо по шоссе. И не знаешь, как лучше — скользить по накатанной машинами колее или месить на обочине рыхлый снег.

«Еще час, — подумал Андрюша, — и будет совсем темно, а до поселка осталось километров тридцать, если не больше».

Из-за поворота показалась машина, груженная досками. Андрюша встал на дороге, полный решимости ее остановить. Водитель сбавил газ и притормозил.

— Ну что, SOS, терпите бедствие? — высунувшись из кабины, спросил шофер.

Он открыл дверку и вышел к ребятам. С кузова прыгнули еще двое в полушубках.

Коротко объяснили положение — туристы-краеведы Ленинградского Дворца пионеров выполняют задание Управления культуры Лен-облисполкома и Музея В. И. Ленина: ищут место, где стояла дача, на которой бывал Ильич. Находится она где-то недалеко от поселка Озерки, рядом с маяком Стирсудден. Вот только никак не могут туда добраться.

Уговаривать водителя не пришлось.

— Садитесь, садитесь скорее. Да держитесь крепче, сильный ветер — прикройтесь. Правда, до места не довезу, — сказал он с сожалением, — нам раньше сворачивать надо, ну да ладно, все ближе будет идти.

За какие-нибудь двадцать минут все сильно продрогли. Казалось, что руки и ноги никогда больше не разогнутся. Но и слезать не хотелось: куда идти в такой темноте?

Водитель попрощался с пионерами, и машина свернула в сторону от шоссе. Снова встали на лыжи и так, полной цепочкой, стараясь не отставать друг от друга, двинулись вперед.

Кажется, что они уже много дней в пути и очень давно ушли из дома. Даже не верится, что только сегодня утром они прощались с родными. Бывают же такие длинные дни?

До сих пор им везло. Получили задание от Управления культуры Лен-облисполкома найти место, где летом 1907 года на даче у Книповичей жил В. И. Ленин. Еще раньше, когда читали воспоминания Н. К. Крупской, всем захотелось узнать об этом историческом месте. Но даже в перечне ленинских мест в книге «Ленин в Петербурге» оно тогда не упоминалось.

Надежда Константиновна писала о том, как в 1907 году В. И. Ленин после V партийного съезда в Лондоне приехал в Куоккалу (ныне Репино): «От съезда Ильич устал до крайности, нервничал, не ел. Я снарядила его и отправила из Куоккалы в Стирсудден, в глубь Финляндии, где жила семья «Дяденьки».

«Дяденька» — была партийная кличка замечательной революционерки-большевички, близкого товарища Владимира Ильича и Надежды Константиновны, Лидии Михайловны Книпович, родной сестры профессора Н. М. Книповича.

Этих сведений оказалось мало. Думали: как подступить к делу, с чего начать? И опять удача. Через городское адресное бюро узнали местожительство дочерей профессора Книповича — Юлии Николаевны и Татьяны Николаевны.

Сестры Книпович рассказали о тех памятных днях, когда Владимир Ильич жил у них на даче.

Помогли наметить маршрут, объяснили, как были расположены постройки на участке, и передали ребятам фотографию дачи. Больше ничем помочь не могли, они не знали, что теперь на их участке и целы ли дома.

Четырнадцать человек двигались друг за другом. Никому не хотелось останавливаться, а тем более отставать. Мороз крепчал. Колючий ветер с залива, легко пробиваясь сквозь редкие заслоны сосен, забирался в рукава, за воротник, щипал нос и уши, сыпал снежной пылью в лицо.

В привычные звуки включился еще один, незнакомый и далекий. Нет, это не шуршание поземки и не скрип сосен. Может быть, так странно звенят телеграфные провода? Звук постепенно усиливается, и через несколько минут уже становится отчетливо слышно. Идет машина. Она догоняла их, лучи фар, пробивая снежную пелену, все ближе, ближе.

Машина обогнала их и остановилась. Из кабины выпрыгнул знакомый уже ребятам водитель. Удивляться было некогда, разговаривать тоже. Скорей садиться и ехать. Все выяснилось позже, когда целыми и невредимыми высадились возле клуба в поселке Озерки.

Чудес на свете не бывает — это точно, а вот хороших людей много. Шофер, разгрузив машину, пошел к своему начальнику и доложил о встрече на дороге: «Разрешите, я их быстро догоню и до Озерков подброшу. Мне это раз-два, а им всю ночь шагать, еще замерзнут по дороге. Ведь большое дело ребята делают».

— Я машину в гараж поставил, — рассказывал водитель, — а воду

из радиатора не сливал, знал, что завгар против не будет, он у нас человек правильный.

Поблагодарить шофера не успели — уехал сразу, только руки всем пожал на прощанье.

В помещение клуба попали с трудом, сторож не хотел так поздно открывать. Спать улеглись на полу, подложив под головы рюкзаки. Так закончился бесконечно длинный день — 7 января 1960 года.

Наутро приступили к поискам. В самом поселке никто и не слышал о даче, где жили Книповичи, а тем более о пребывании там Владимира Ильича. В ответ на вопросы только пожимали плечами. Отправились на разведку.

На высокой береговой террасе стоит маяк Стирсудден, здесь и нужно искать. Но, к сожалению, старых домов вокруг маяка не оказалось, только служебные постройки. Значит, дачи не сохранились, но могли остаться фундаменты зданий. Только как их обнаружить, когда все покрыто метровым слоем снега?

И тут на помощь пришли местные жители — первоклассники Витя и Саша. Старые каменные кладки они хорошо знали, сколько раз летом играли, нужно только снег раскопать. Мальчики принесли из дому лопаты.

Снег белым облаком летит в сторону, траншея все глубже. Наконец лопата ударилась о камни — это уже могло быть основание фундамента.

Таковы результаты этого первого похода, который можно назвать разведкой боем. Но хорошо известно: чтобы закрепить позиции, нужно не останавливаться, а смелее двигаться дальше.

Свет маяка

Что вы делаете осенью в субботние и воскресные дни? Сидите дома, с грустью глядя в окно, или стоите в очереди за билетами в кино? Может быть, смотрите телевизор или просто лежите на диване, свернувшись калачиком и укрывшись старым бабушкиным платком? Нет, правда, что вы делаете по субботам и воскресеньям в октябре?

У нас такого вопроса не возникло. Конечно, уходим в поход. А в этот раз давно уже знали куда — на Стирсудден. Первыми там прошлой зимой были наши дворцовые ребята, и с тех пор не удалось туда попасть. Только на Стирсудден и никуда иначе — так решили все единогласно, — там еще работы хватит.

Женя Предко выдвинул даже теорию о явных преимуществах экспедиции именно в это время года.

— Снега нет, все камушки как на ладони — это раз, листья с деревьев облетели и видимость вокруг прекрасная — это два, ну а три — тепло, как летом, и не смотри, что на календаре октябрь.

Маршрут к маяку наметили иной, нежели у группы первооткры-

вателей. Решили ехать на поезде до Яппилей, а там идти лесом на юго-запад до Финского залива.

Яппиля называли кто полустанком, а кто платформой. Но и последнего названия он не заслуживал. Здесь не было не только собственно платформы, но даже столба с обозначением станции. Просто среди леса останавливался поезд, а ты скорей толкай впереди себя рюкзак и прыгай с подножки прямо на песок. Да торопись, а то не успеешь.

Стих стук колес. Растаял дым. Лес прозрачен и неподвижен, давит своей тишиной. Наверно, хорошо в такую пору побыть в лесу одному, наедине с лесом и самим собой. Не в эти ли часы и минуты к человеку, окруженному неповторимой красотой увядающей природы, приходит вдохновение, и он видит невидимое, слышит неслышимое?

Хорошо в лесу одному, но все же лучше, когда с тобой твои друзья-товарищи и ты можешь перекинуться с ними шуткой, коснуться их плеча, видеть их разгоряченные лица. Тебе ничего не страшно, ты все можешь.

Километры остаются позади, дружно идет группа. Задача простая — дойти сегодня до маяка и там разбить лагерь, но сумерки сгущаются. Путь незнакомый, это не Приморское шоссе, собьешься с дороги, примешь одну тропинку за другую — и пошел гулять всю ночь по лесу, да еще в болото забредешь...

Маяк Стирсудден.
Современный вид.

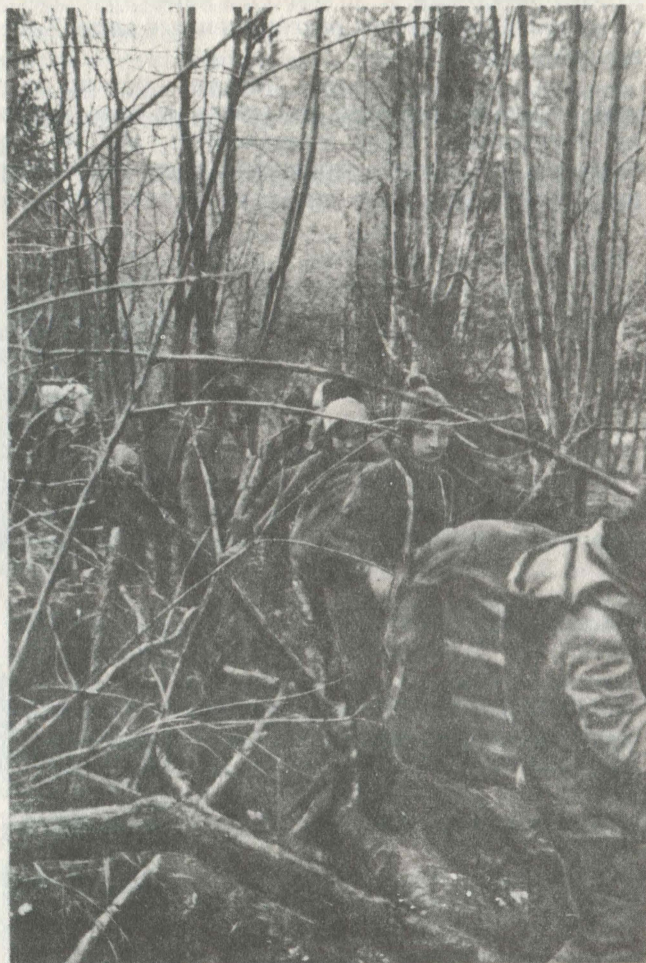
Совсем стемнело, как будто где-то плотно задернули штору, хотя бы кусочек луны на небе. Только компас — мерцающий светлячок на острие стрелки — показывает нужное направление. Куда он приведет? Все чаще останавливаемся — правильно идем или нет?..

И вдруг сноп света прочеркнул небо. Белая вспышка осветила на мгновение кроны высоких елок. Еще минута — и новый луч побежал, вырывая из тьмы картины заснувшего леса.

— Прожектор! — закричал кто-то из девочек.

— Какой прожектор — маяк! Наш маяк — Стирсудден! Он показывает путь...

— Ура, маяк! Да здравствует маяк! — закричали уже все вместе. Было неожиданно увидеть здесь, в лесу, огни маяка. Оказывается, они видны не только в море: фонарь маяка вращается и освещает все вокруг.

Разведка
на маршруте
в районе
станции Япиля.

Лагерь разбивали на ощупь: растягивали палатки, втыкали колышки, искали сучья для костра. Все делалось быстро, без лишней суеты: в полной темноте приходилось разбивать бивуак и раньше. А маяк, теперь совсем близкий, как бы дружески подмигивал нам, посылая в ночной мрак попеременно то длинные, то короткие лучи.

...Солнце подымалось из-за Кронштадта, постепенно заполняя бухту голубоватым светом. Только теперь можно было разглядеть, что окружает нас: песок и сосны, сосны и песок. Солнечные зайчики побежали по лугам, оставшимся на берегу после отлива, залоснились камни, покрытые водорослями. Начинаясь новый день.

Большая овчарка, наострив уши, с громким лаем бросилась к нам, едва мы вошли на территорию маяка.

— Назад, Веста, кому говорю! — закричал на собаку мужчина, небольшого роста, худощавый, в темном комбинезоне и старой мичманской фуражке. — Здравствуйтесь, ребята, да вы ее не бойтесь, это она от радости лает, что новых людей увидела.

Так мы познакомились с Михаилом Павловичем Каневым, начальником маяка Стирсудден, и его собакой Вестой, игривой и жизнерадостной овчаркой.

— Фундаменты домов, говорите? — переспросил Михаил Павлович. — Как же, знаю. Идемте покажу, это совсем рядом.

Мы отправились вслед за ним.

— Вот они, остатки фундаментов, — снова заговорил Канев, — один и другой, а там, где камни большие, так это, наверное, хозяйственная постройка была, сарай или, быть может, погреб. Не от вас первых слышу об этой даче, где проживал Владимир Ильич, да толком-то никто ничего сказать не может, одни предположения.

Было сразу видно, что Канев истинный патриот маяка и дело свое знает и любит. За многолетнюю службу ему приходилось взбираться по крутым ступенькам маяков чуть ли не на всех океанах и морях страны, Стирсудден — самый любимый. Своими руками подымал его из руин и твердо уверен, что это его последняя пристань.

— Я и отпуск уж много лет не беру. А куда мне отсюда ехать?

Михаил Павлович гордился маяком и повторял, что Стирсудден один из самых мощных маяков не только на Балтике, но и во всем мире.

— Раньше мы за светильники шведам золотом платили да в ножки кланялись, а теперь они о таких лампах, как у нас, только мечтать могут. Свет маяка Стирсудден далеко виден!

Не тратя зря драгоценное время, принялись за глазомерную съемку участка. Наши предшественники зимой мало что могли увидеть. Теперь мы старались нанести на план мельчайшие детали. Следовало проверить еще раз, те ли это фундаменты, нет ли здесь какой-нибудь ошибки. Решили найти на местности точку съемки фотографии, которую дали Книповичи, и посмотреть, могли ли быть так взаиморасположены два дома, как они изображены на фотокарточке.

С чем же сравнить фотографию? Здание не восстановишь взмахом волшебной палочки. На заросших ольшаником и березами фундаментах не встанут вдруг дачи.

И все-таки выход нашли. Витя Верстаков распределил всех ребят

для условного обозначения углов и стен дома. Валера Федотов — угол веранды, Эрик вместе с Вестой — противоположная стена дома, а Леня Бируля и Женя Предко — фасад дачи, которая видна на фотографии на заднем плане.

Каждый занял свое место по углам фундаментов и... выросли дома, конечно, в воображении. Саша Маслов, держа перед собой фотокарточку и близоруко щуря глаза, ловил в видоискателе ФЭДа то самое место, откуда мог снимать фотограф полстолетия тому назад. Главный консультант — Михаил Павлович. Он раздвигал кусты, переставлял Сашу с места на место, восстанавливал порядок среди живых ориентиров.

Надо иметь очень богатое воображение, чтобы найти что-то общее между дачами на фотокарточке и группой ребят, на первый взгляд, беспорядочно расположенных на заросшей лесом поляне. А общее явно было. Это подтвердилось уже в Ленинграде при сопоставлении нашей фотографии и снимка, который подали Книповичи.

— Все правильно, — сказал Михаил Павлович, когда мы приехали к нему в канун Октябрьских праздников и показали снимки. — Все правильно, похоже, я вам верю, но лучше давайте сюда живых свидетелей, ведь вы давно собирались с ними приехать.

На том мы расстались, полные решимости во что бы то ни стало уговорить Книповичей поехать с нами и разрешить на месте все сомнения.

12 ноября, в тот день, когда осень окончательно уступила зиме и выпал первый снег, автобус-малыш «Латвия» мчал нас по Приморскому шоссе к знакомым местам. Вместе с нами в машине сидела Юлия

Николаевна Книпович. К сожалению, Татьяна Николаевна немного прихворнула и поехать с нами не смогла. Через каких-нибудь полтора часа автобус уже карабкался к подножью маяка.

Трудно сказать, какое чувство охватило Юлию Николаевну в тот момент, когда она вышла из машины и оглянулась вокруг. Лицо ее явно выражало удивление: места как будто знакомые, но совершенно непохоже на то, что сохранила память, а ведь только вчера они с сестрой еще раз вспоминали все подробности обстановки.

Минут пять Юлия Николаевна ничего не говорила, а только ходила и смотрела, и мы почетным эскортом сопровождали ее.

Оказывается, нам просто невозможно представить себе, насколько здесь все изменилось с тех пор. Там, где был чистый луг, появились деревья и выросла новая еловая аллея, даже рельеф местности стал другим. И только маяк остался тем единственным ориентиром, к которому, как говорят топографы, можно «привязаться». Правда, и маяк уже иной, — старый взорван во время войны, но, на счастье, новое здание маяка построено абсолютно на том самом месте, где стояла прежний.

Фундаменты домов действительно сохранились, и именно тех домов, где жили когда-то Книповичи. А вот и камни, служившие основанием маленькой дачке, в которой жил Владимир Ильич.

Постепенно состояние удивления и даже некоторого испуга от несоответствия того, что Юлия Николаевна предполагала увидеть и что оказалось на самом деле, у нее прошло.

Она узнала приметы былых времен: и перекресток дорог, и тропинку, ведущую к источнику, и сам источник, и, наконец, откос, спускающийся к большой дороге.

Пришла пора возвращаться в Ленинград. И вот наша «Латвия» уже на Петроградской стороне. Сердечно благодарим Юлию Николаевну. И все же в душе осталось какое-то неудовлетворение. В чем дело? Как будто все закончилось отлично, лучшего трудно и пожелать...

Леня Бируля начертил вместе с ребятами подробный план участка и сделал схематические рисунки фундаментов. По всей форме составили акт о месторасположении памятного ленинского места у маяка Стирсудден. Подписали его участники поиска и сестры Книпович. Документ передали в Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина. С того самого дня, 21 ноября 1961 года, акт с подписями ребят тоже стал частью истории.

Все это верно, но мы занимались главным образом поиском исторического места и в то же время по существу недостаточно знали о событиях того времени. Как оживить дороги и тропы, луга и леса, заросшие камни фундаментов, вернуться на пятьдесят лет назад?

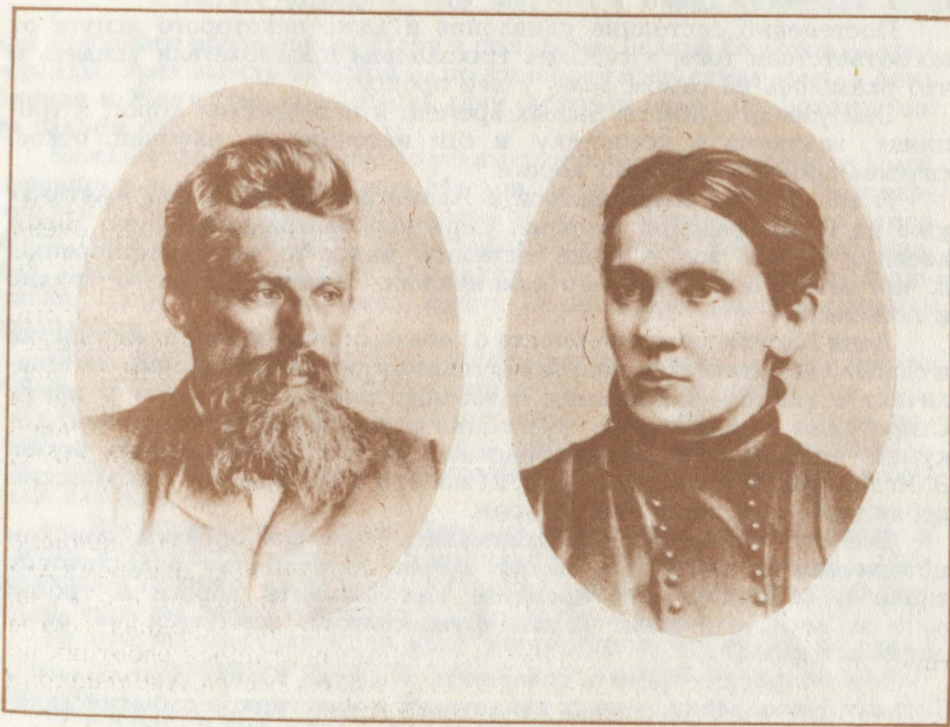
Мы попросили помочь совершить это чудо Юлию Николаевну и Татьяну Николаевну, живых свидетелей и участников событий далеких лет.

Дорогой гость

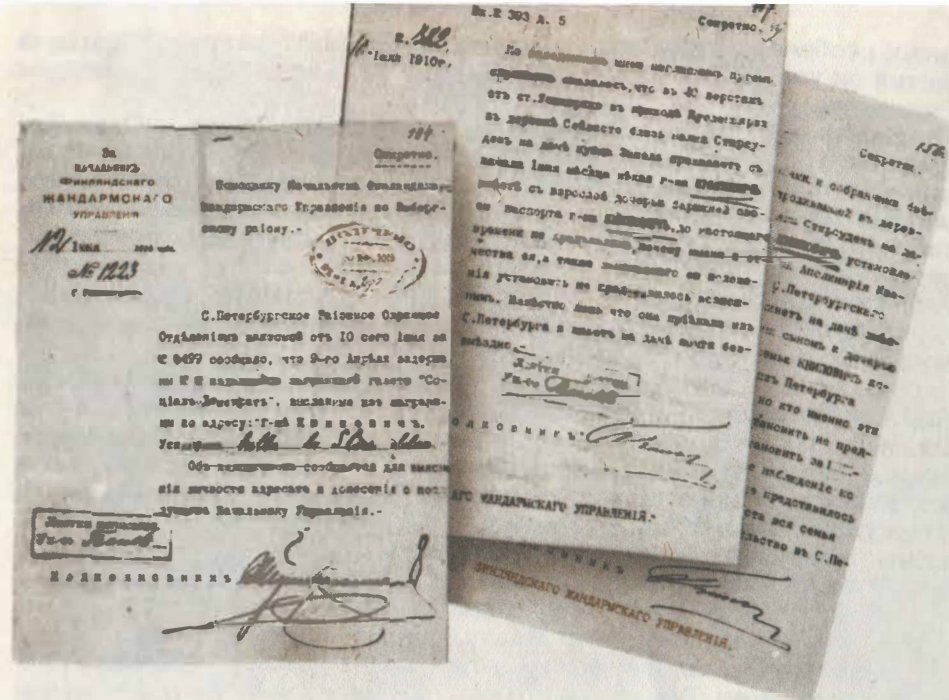
Наверное, нелегко вспоминать о том, что было больше полувека назад. Но вместе с тем хорошо известно, что детская память чрезвычайно восприимчива и цепка. Проходят десятки лет, наслаиваются тысячи новых жизненных впечатлений, и бывают порой такие моменты, когда никак не можешь вспомнить, что ты делал сегодня утром. И, несмотря на это, картины детства встают перед глазами яркими, не тускнеющими красками.

...На пороге было лето 1907 года. После недолгих размышлений семья профессора Н. М. Книповича приняла приглашение Генкеля, коллеги Николая Михайловича, приехать отдыхать к нему на дачу в Сейвисто, небольшой рыбацкий поселок, вытянувшийся вдоль берега Финского залива. Место, говорили, тихое, даже глухое. От Сейвисто до ближайшей станции Уси-Кирка тридцать две версты.

Участок Генкеля находился на краю поселка, рядом с маяком Стирсудден, получившим свое название от мыса Стирсудден, вдающимся в залив как раз напротив маяка.

Н. М. Книпович
Л. М. Книпович — «Дяденька».

Полицейский документ из фондов Финляндского архива в Хельсинки.

Высокая песчаная терраса, бывшая когда-то берегом моря, служила естественным основанием для относительно невысокой, но очень широкой шестигранной башни маяка с примыкающими к нему служебными зданиями под зеленой крышей. Белые каменные плиты массивными ступенями спускались от фундамента до самой дороги.

Оба дома, в которых расположилось довольно многочисленное семейство Книповичей, находились в непосредственной близости от маяка. Одна из дач, двухэтажная, с большой верандой, но с тонкими стенами и дырявой крышей, была очень точно названа Лидией Михайловной «карточным домиком». Вторую дачу, одноэтажную, двухкомнатную с пристроенной верандой, она же нарекла «избушкой».

Семь человек жили одной дружной семьей. Николай Михайлович, не прекращая своих научных занятий по биологии, находил время для общих прогулок, игр и купаний, Аполлиария Ивановна, его жена, вела хозяйство. Ей помогали Лидия Михайловна — родная сестра Николая Михайловича, большевичка, старый партийный работник по кличке «Дяденька», и Ксения Ивановна, родная сестра Аполлиарии Ивановны, прекрасная певица и детский врач.

Трое детей Книповичей — Борис, Юля и Таня — тоже не скучали. Борис, семнадцатилетний юноша, гимназист восьмого класса, много

читал, особенно социальную и экономическую литературу, с большой охотой он участвовал и во всех развлечениях, а вечером играл с отцом в шахматы.

Весело и беззаботно жилось на даче двум сестренкам — Юлии Николаевне и Татьяне Николаевне. Никто их, конечно, тогда так не называл, если только в шутку. Потому что не была еще Юлия Николаевна кандидатом химических наук и старшим научным сотрудником Всесоюзного института геологии, а Татьяна Николаевна — доктором исторических наук, профессором и старшим научным сотрудником Института археологии Академии наук СССР. Просто жили две девочки — четырнадцатилетняя Юля и одиннадцатилетняя Таня, радовались солнцу, хорошей погоде, грибам в лесу.

Однажды, это было в июне, во второй половине дня, после обеда, Таня с отцом сидела на крыльце большой дачи. Они разговаривали и не заметили, как от большой дороги поднялся мужчина и подошел к ним. Был он среднего роста, плотный, в просторном светлом костюме и большой соломенной шляпе. На него обратили внимание, когда он совсем близко подошел к крыльцу и поздоровался:

— Здравствуйте, Николай Михайлович!

Книпович недоуменно смотрел на незнакомца.

— Не узнаете? Владимир Ильич!

— Ах, это вы, Владимир Ильич, совсем вас не признал...

Николай Михайлович быстро встал, крепко сжал руку гостя и долго не отпускал ее. Таня тоже поднялась, одернула юбку и прислушалась к разговору старших.

— Неужели, Николай Михайлович, за граница так меня изменила?

— Да не знаю, право, Владимир Ильич. Шляпа у вас уж очень необычная, да и усы подстрижены будто на немецкий лад... Да что же мы стоим? Таня, беги скорей, предупреди наших — гость приехал, пусть

«Карточный дом»,
в котором жила
семья Книповичей.

В домике с верандой жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская. На крыльце семья Книповичей. На переднем плане Л. М. Книпович.

принимают. Лидию найди, а то она уходит собралась. А вещи ваши где, Владимир Ильич?

— Да вот, все тут, — ответил он, встряхивая маленький саквояж.

В доме заметно оживились, на крыльцо быстро вышла Лидия. Заговорила о том, что надо накормить гостя, и сразу повела показывать «избушку», где он будет жить.

Так появился на даче у Книповичей дорогой гость — Владимир Ильич Ленин. Интересно, что ни Таня, ни ее отец не слышали шума подъезжающей повозки. Здесь возможны два предположения: или Владимир Ильич по старой конспиративной привычке отпустил извозчика, не доезжая маяка, или прав Генкель, утверждавший, будто Ленина переправили в Сейвисто морем на яхте.

Владимир Ильич приехал на Стирсудден, утомленный до крайности, измученный огромной организационной и литературной работой. В первые дни он часто засыпал, едва приняв удобное положение.

Рядом с домом, у края дорожки, были вкопаны одна против другой две скамейки. Владимир Ильич подходил к скамейке, садился на нее, а потом, чуть-чуть помедлив, ложился, вытянув ноги и подложив руки

под голову. Было удивительно, что, несмотря на яркий солнечный свет, он ничем не прикрывал лица, а лежал так, с открытыми глазами.

— Не холодно тебе босиком бегать? — неожиданно спрашивал Владимир Ильич у вертевшейся рядом Тани.

— Нет, не холодно, — отвечала девочка.

— А не колко?

— И совсем не колко, и даже приятно.

Прервав разговор на полуслове, Владимир Ильич засыпал.

Таня внимательно разглядывала гостя, способного спать в таком, казалось, неудобном положении. Затем она подходила к скамейке напротив и вытягивалась на ней, положив руки под голову. Терпения у нее хватало ровно на минуту. Вскочив на ноги, она определенно заявляла:

— Так лежать неудобно, а спать и совсем нельзя.

Иногда Владимир Ильич уходил по дорожке вниз и тут же, отойдя два шага в сторону, спускался в душистый и пружинистый вереск.

Через несколько дней в Сейвисто приехала Надежда Константиновна со своей матерью Елизаветой Васильевной. Владимир Ильич к этому времени стал чувствовать себя лучше.

Надежда Константиновна привезла с собой два велосипеда — мужской и дамский, французской марки. Велосипеды были старые, но еще крепкие, только шины требовали частого ремонта. Резина от галош в этих случаях использовалась всюю.

С появлением велосипедов на даче дети получили новое развлечение, да и не только дети. Владимир Ильич стал добровольным и бесшумным тренером для всех желающих учиться ездить на велосипеде. А таких желающих было много: Борис, Юля, Таня и даже Ксения Ивановна.

Теперь часто можно было видеть, как Владимир Ильич ходил туда и обратно по дорожкам возле дач, придерживая руль велосипеда с очередным учеником, способным в любую минуту потерять равновесие. Стоило на мгновение отпустить руль, и велосипедист самым невероятным образом летел на песок под заразительный хохот «тренера» и присутствующих здесь случайных зрителей.

Как-то проходивший мимо Генкель с сожалением заметил Владимиру Ильичу:

— Я бы на вашем месте ни за что не давал всей этой компании учиться на таких хороших велосипедах. Пускай в Питере на Марсово поле тренироваться ходят, там за деньги можно велосипеды ломать.

Но Владимир Ильич только добродушно улыбался и с веселыми шутками продолжал обучение.

Велосипеды держали на веранде, и дети получили разрешение свободно ими пользоваться. Скоро под руководством такого терпеливого тренера все стали хорошими велосипедистами и по очереди составляли компанию Владимиру Ильичу или Надежде Константиновне в далеких прогулках.

Почти каждый день все вместе ходили купаться, а в жаркие дни — по нескольку раз. Любимым местом купания была бухта с ровным песчаным дном.

27 июня из Стирсуддена на имя Марии Александровны Ульяновой ушло письмо: «Дорогая мамочка! Давно не писал тебе ничего. Анята рассказала, верно, про наш план устройства на отдых. Я вернулся страшно усталым. Теперь отдохнул вполне. Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего. Еще надеюсь пробыть недели две, а потом вернуться за работу. Надя и Елиз. Вас. здоровы и отдыхают чудесно».

После вечернего чая, который устраивали на веранде «карточного домика», Борис нередко подходил к Владимиру Ильичу с каким-нибудь сложным вопросом по теории марксизма.

Владимир Ильич обстоятельно, с большим интересом беседовал с ним, расспрашивал о прочитанных книгах, рекомендовал новую литературу. Интересовался он и тем, как Борис сам ведет марксистский кружок в гимназии, как реагируют гимназисты на последние события.

После столь серьезных разговоров они частенько садились играть в шахматы и играли несколько партий подряд. Иногда эти шахматные сражения сердили Елизавету Васильевну:

— Володя, и не надоедает вам вот так сидеть, вы уже и Борю-то совсем замучили, заканчивайте скорей свою игру.

— А почему вы так думаете, Елизавета Васильевна? — растягивая слова, спрашивал Владимир Ильич, целиком углубившись в шахматы.

— Ну вот, все ждут, хотят играть в английского дурака, а они сидят себе как ни в чем не бывало... — волновалась Елизавета Васильевна.

— Ай да стыд и срам, стыд и срам, не могут сами в подкидного дурака сыграть, — очень спокойно говорил Владимир Ильич и делал очередной ход.

Арбитром в конце концов выступала Лидия Михайловна. Она призывала мужчин, и в первую очередь Боричку, на которого имела особое влияние, быть рыцарями и не забывать о дамах. «Невзирая на возраст», — многозначительно добавляла она.

Среди прочих любимых развлечений, как взрослых, так и детей, был крокет. Владимир Ильич играл с азартом, напористо. Быстро вспоминал удававшиеся ему в детстве удары. Переживал каждую ошибку.

Катали шары на площадке до полной темноты. Когда уже ничего не было видно, на воротники вешали белые листочки.

— Ну-ка, Татьяна, — просила Лидия Михайловна, — давай быстрей зови полуночников, они до утра там играть будут.

Часто все общество собиралось вечерами на даче в большом, уютном зале. Сначала пели все вместе «Дубинушку», «Обитель», «Из страны, страны далекой...» и другие популярные в то время народные и революционные песни. Владимир Ильич негромко подпевал, а потом вставал и просил «серьезной музыки». За рояль садилась Ксения Ивановна и, аккомпанируя себе, пела романсы, арии из опер.

На прогулках и дома Владимир Ильич с интересом расспрашивал Николая Михайловича о различных вопросах биологии. Возвращаясь как-то с купания, Таня заметила сидевшего на корточках отца. Рядом с ним в такой же позе примостился Владимир Ильич. Они наблюдали за

большим муравейником возле трухлявого березового пня. Здоровенные рыжие муравьи, будто скрученные из медной проволоки, сновали туда и сюда с какой-то им одним известной целью.

— Что с ними происходит, Николай Михайлович? — спросил Владимир Ильич, разглядывая, как муравьиное семейство перетаскивает личинки, запасы пищи, строительный материал.

— Великое переселение!

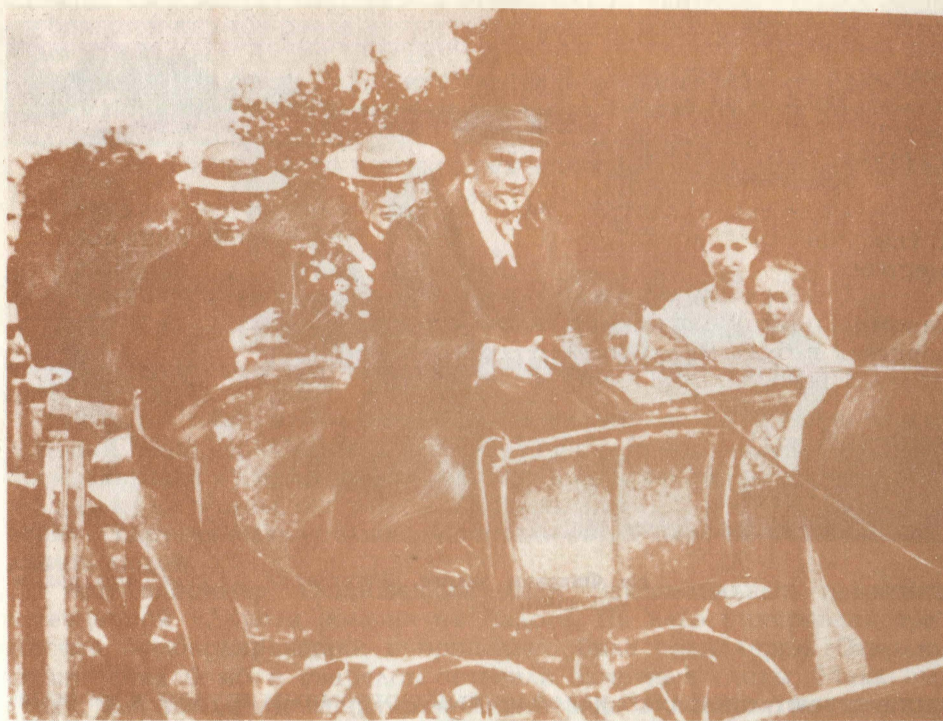
— Скажите пожалуйста, да ведь это развитая общественность, а, Николай Михайлович? А мы-то к ним относимся как к низшим существам.

— В вашей шутке, Владимир Ильич, большая доля истины. Я вам напомню притчу царя Соломона: «Пойди к муравью, посмотри на его действия и будь мудрым!» Неплохо сказано?

— Превосходно! Постараюсь запомнить. Ну, а как у них насчет

Маяк Стирсудден.
Фотография
начала XX века.

Н. К. Крупская вместе с матерью уезжают из поселка Сейвисто.

разделения труда и... классового самосознания? — продолжал он в шутовском тоне.

— Все по марксовской теории! Есть муравьи строители, жнецы, пастухи, даже муравьи-рабы, захваченные при сражении. Некоторые муравьи-рабовладельцы обленились настолько, что при сооружении жилища муравьи-рабы носят их на себе.

— Сдаюсь, Николай Михайлович! Больше никаких вопросов. Вы так интересно рассказываете, будто всю жизнь занимаетесь муравьями, а не рыбами.

— Тайная страсть, Владимир Ильич. Просто рыба и рыбоводство для человека сегодня нужнее и важнее. Сегодня! А завтра? Муравьи — результат первого великого эксперимента общественной классификации живой природы. Человек появился только через сто пятьдесят миллионов лет. Намного ли вперед ушел человек от муравья?

— Ну, это вы уж слишком, дорогой профессор. Человек мыслящий, так нас, кажется, учили в гимназии? Если вы, конечно, не имеете в виду меньшевиков? Тогда я не буду возражать против вашего толкования. Они, действительно, не только не ушли, но далеко отстали от муравьев. Эти вот, рыжие, трудятся дружно, а меньшевики

На Финском заливе. Фотография из семейного архива Книповичей.

растаскивают, опошляют накопленный с огромным трудом и немалыми жертвами революционный опыт. Тащат в разные стороны, а больше к хитрым муравьям — кадетам.

Ленин живо изобразил, как, сгибаясь, тащат ношу меньшевики, шевеля усами и посапывая. Он явно пародировал одного из меньшевистских лидеров на съезде.

Книпович расхохотался, отказываясь при таком несерьезном отношении вести «естественнонаучное просвещение». Таня не все поняла из разговора взрослых, но уж очень смешно изображал дядя Володя вредного муравья.

— Покусают вас муравьи, Владимир Ильич, совсем на муравейник легли, — забеспокоилась Таня.

— Ничего, своих они не кусают — рыжих и красных.

В семье Книповичей к Владимиру Ильичу относились как к близкому родственнику. Нередко он вместе с Николаем Михайловичем и Борисом впрягался в повозку с бочкой, чтобы привезти из ручья воды для поливки цветников и огородов. Острая на язык Лидия Михайловна, а за ней и все остальное дамское общество, наградили всех мужчин почетным титулом — «водовозные клячи».

Позже, в письме из-за границы к «Дяденьке» — Лидии Михайловне, Надежда Константиновна передавала всем привет от «водовозной клячи».

После недолгих дней отдыха Владимир Ильич начал много работать, к нему приезжали партийные товарищи. Занимался он в своей комнате в «избушке». Стол стоял вплотную к окну. А прямо под окном

на большой клумбе росли душистый горошек, резеда, настурция. Цветами увлекалась Лидия Михайловна.

Уезжал Владимир Ильич из Стирсуддена в июле, и опять один. Надежду Константиновну с матерью провожали позже, собрав им с собой большую корзину грибов.

После отъезда часто в разговорах вспоминали Владимира Ильича, Надежду Константиновну и Елизавету Васильевну.

Маяк Стирсудден — пионерский маяк

Если бы маяк, как человек, мог написать автобиографию за два с лишним века своей жизни! Толстенный бы том получился. Ведь судьбы маяков, как и людей, совсем непохожи друг на друга. Об одних знают только капитаны, штурманы и лоцманы, сверяя курс по знакомым огням. О других маяках слышали, читали сотни тысяч, а может, и миллионы людей.

Вот, например, Осиневецкий маяк. Замечательный памятник легендарной «Дороги жизни» на Ладоге. На него пикировали вражеские бомбардировщики и прицельно била артиллерия. Осколки фашистских бомб и снарядов оставили заметные следы. Маяк выстоял, как выстояли защитники Ленинграда в невероятно трудные годы блокады.

Летопись маяка Стирсудден дорога для нас другими славными

Сестры Книпович рассказывают следопытам о событиях полувековой давности возле фундамента исторической дачи.

Митинг у маяка Стирсудден в день открытия Ленинского слета.

страницами. Надежда Константиновна Крупская в своих воспоминаниях называет Стирсудден «маяком революционеров». Это относится к началу XX века. Если же говорить о третьей четверти нашего столетия, то справедливо будет именовать его «пионерским маяком».

В книге «Ленин в Петербурге — Петрограде», изданной Институтом истории партии Ленинградского обкома КПСС — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, дается подробное описание мест жизни и деятельности В. И. Ленина в городе и окрестностях. В исторической справке о даче Н. М. Книповича близ маяка Стирсудден указано: «Место, где находилась дача, отыскивали красные следопыты Ленинградского Дворца пионеров им. А. А. Жданова». Так было положено начало пионерским традициям. Продолжение следовало. Пусть об этом расскажет краткая хроника событий:

Апрель 1963 года. Пятый слет туристов Ленинграда, посвященный дню рождения В. И. Ленина, собрался у маяка Стирсудден. Вдоль береговой полосы Финского залива на несколько километров вытянулись улицы палаточной республики.

Весеннее солнце не успело еще растопить сугробы в лесу, лед на заливе, а на открытых полянках зеленым ежиком поднялась трава.

С раннего утра бригады туристов, сменяя друг друга, благоустроивали участок исторической дачи. Три тысячи юношей и девушек стали участниками торжественного митинга и встречи с Юлией Николаевной Книпович.

С той поры район маяка Стирсудден, живописные берега озера Сейвисто-ярви стали любимыми маршрутами многих ленинградцев.

Лето 1965 года. Пионеры лагеря завода имени Ф. Энгельса «Только вперед» установили у маяка временный памятный знак. На гранитной глыбе они укрепили медную доску с текстом о пребывании здесь В. И. Ленина.

Почетный пионерский караул актива лагеря «Зеркальный» у памятной стелы.

Лето 1969 года. Вся страна готовилась достойно отпраздновать столетие со дня рождения В. И. Ленина. Школьники Ленинграда взяли обязательство благоустроить памятные места, связанные с жизнью великого вождя. Операцию назвали «Ленинский маяк».

Главным делом, за которое взялись школьники-активисты Невского района, было приведение в порядок участка бывшей дачи Н. М. Книповича у маяка Стирсуdden.

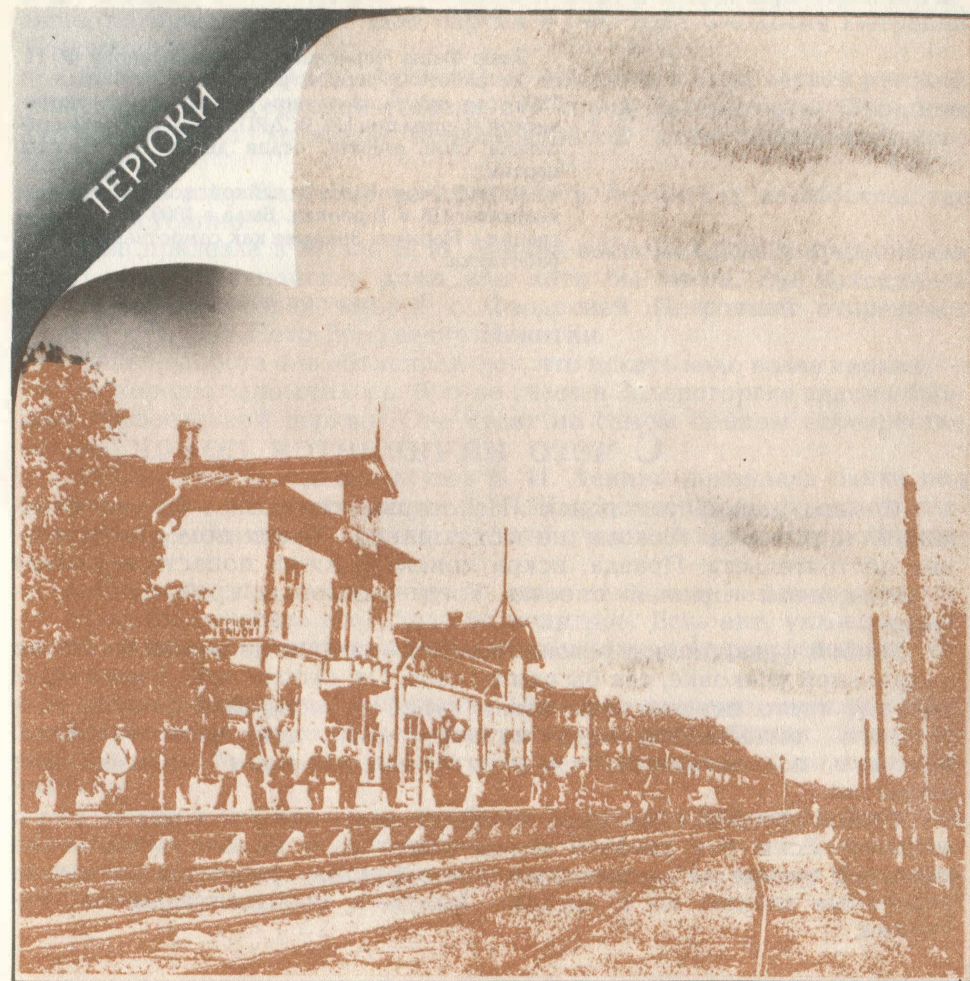
Все лето работали ребята Невской заставы на расчистке территории. Они почти на метр подняли каменное основание фундамента, поставили садовые скамейки, высадили цветы, подготовили витрины для экспозиции.

1970 год. На благоустроенном участке возле фундамента была воздвигнута памятная стела из розового гранита с барельефом В. И. Ленина.

Каждое лето с лопатами и граблями приходят сюда пионеры и комсомольцы лагеря актива «Зеркальный». На глазах меняется площадка мемориала: выхолота сорная трава с дорожек и клумбы, вырублены наступающие на дорожки кусты. Полевые цветы ложатся на постамент. Значит, память жива. Пришли наследники. Дороги к Ленину не зарастают.

Из отряда ТВЕРДОКАМЕННЫХ

Знаю Фаню Черненькую — Кассесинову Ф. П. по ее работе в период революции 1905 года. В 1906 году она была членом боевой военно-технической группы при ЦК РСДРП. Тогда она ликвидировала свое имение, отдав деньги на нужды партии.

В 1907 году была хозяйкой конспиративной квартиры ЦК в Териоках. Была в 1909 году в эмиграции в Париже. Знала ее как самоотверженного работника.

*Зам. наркома просвещения
Н. Крупская
25 июня 1936 г.*

С чего начинается поиск?

С чего начинается поиск? Некоторые считают — только с задания, поручения. Совсем не обязательно. Часто помогает стечение обстоятельств. Правда, искра поиска должна попасть в камеру с насыщенной горючей смесью. Тогда зажигание сработает обязательно.

Любой факт, эпизод революционной истории не лежит на полке в отдельной упаковке, как бы сам по себе. Он, скорее, заключен в клубок, где густо переплетены сотни судеб и событий. Начнешь распутывать, вытаскивать одну ниточку, а за ней тянутся другие. Вот тут исследователя, следопыта подстерегают неожиданные открытия.

Самое трудное — угадать, почувствовать, нащупать эту нужную ниточку. Если без разбора разматывать весь клубок — жизни не хватит. В погоне за неизвестным ранее фактом требуются не только усвоенные знания, но и догадка, выдумка, сообразительность, интуиция.

Папка номер 269

В начале 1960 года мы с ребятами зачастили в Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина. В глубине двора есть особенный флигель, там и хранится самое большое богатство музея — его фонды. Более четверти века заведует отделом фондов наш большой друг Анна Александровна Короткова.

Музей можно сравнить с ледяной глыбой айсберга. Только малая часть материалов помещена в экспозиции, неизмеримо большая находится в фондах. Увлекательное занятие — просматривать старые фотографии, архивные справки, документы полувековой давности!

Так вот однажды в наши руки попала обычная канцелярская папка под номером 269, а внутри — воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, которые написала член партии с 1905 года Феодосия Петровна Кассесинова.

Ей посчастливилось встречаться с Лениным в годы первой русской революции. В Териоках (теперь это город Зеленогорск) Феодосия Петровна была хозяйкой конспиративной дачи большевистского центра.

В 1956 году Кассесинова приехала в Ленинград из Москвы, где жила постоянно.

Она привезла в Музей В. И. Ленина воспоминания и предложила свою помощь в поисках дома или хотя бы места, где находилась дача. В Зеленогорск вместе с Феодосией Петровной отправился директор музея Петр Ерофеевич Никитин.

Еще по дороге она объяснила ему, что искать надо возле церкви, — это ей хорошо запомнилось. Кто не знает в Зеленогорске здания бывшей православной церкви? Она стоит на самом бойком перекрестке города.

После этой поездки в Музей В. И. Ленина появилась папка под номером 269 с воспоминаниями Ф. П. Кассесиновой, внутренним планом дома, сделанным ее рукой, и актом о местонахождении исторической дачи.

Могли ли мы не побывать на этом памятном ленинском месте, не сфотографировать его? Дело-то нехитрое. Есть акт, указаны приметы: «Остались лишь камни да неподалеку полуразрушенный колодец».

Сели в электричку, поехали. Церковь, конечно, нашли сразу, а дальше дело осложнилось. Раз десять вокруг обошли. Или камни фундамента за это время успели разбросать, а колодец засыпать?

Приятной новостью для нас было узнать, что Феодосия Петровна жива и здорова. Ей можно написать в Москву, в музей дали адрес. А тут выпала удача — командировка в столицу. Что может быть лучше личной встречи?

Феодосия Петровна, кто она?

Прямо с вокзала созвонился с Феодосией Петровной. Договорились встретиться в столовой для старых большевиков.

Сажу в комнате отдыха на покрытом чехлом диване. Обеденное время. Передо мной проходят пожилые женщины и мужчины. За плечами каждого — годы удивительно прожитой жизни. Как мало их осталось, и как много товарищей они потеряли.

— Вы из Дворца пионеров? — спрашивает меня небольшого роста энергичная женщина. — Давайте знакомиться, Кассесинова.

Разговор получился какой-то бессистемный. Спрашивала больше Феодосия Петровна. Самого главного так и не выяснил. Да еще заду- мал сфотографировать Кассесинову. Вертел в руках ФЭД, нервничал. Темновато было в помещении, а главное — чувствовал себя неловко. Мучимый сомнениями, так и не сумел сделать фотографии. Но аппарат сработал сам, правда, совсем с неожиданной стороны. Через несколько дней после возвращения в Ленинград получаю из Москвы бандероль.

Что бы это могло быть? Вскрываю бумажную обертку и вижу маленькую картонную коробочку. Там, обложенный ватой, лежит винт

Ф. П. Кассесинова —
Фая Червенькая.
Фотография 1906 г.
Из архива автора.

от моего ФЭДа. Тот самый, что крепит аппарат к футляру. Это называется «докрутился». Даже не заметил, как винт потерял.

В коробке лежало сопроводительное письмо с коротким постскриптумом: «Повторяю, если понадобится, приеду в Ленинград».

За два с половиной года переписки в адрес Ленинградского Дворца пионеров от Феодосии Петровны пришло девятнадцать писем. В двадцатом нам сообщили о ее кончине.

К сожалению, не пришлось записать на магнитофон длинные вечерние беседы у нее дома на Университетском проспекте. Остались в блокноте разрозненные записи, имена, даты.

Кто же она, Феодосия Петровна? Только ли человек, полезный для дальнейших разысканий? А может быть, она и есть наше самое важное открытие, счастливый случай и определенная удача! Ее биография — настоящий приключенческий роман с невероятными поворотами сюжетов. Но только его никто не придумывал. Такое и придумать трудно...

До трех лет девочку звали Фенечкой Архангельской. Отец, Василий Федорович, был активным народовольцем. Царское правительство жестоко преследовало его. Жизнь в непрерывных скитаниях вместе с семьей стала невозможной.

Четверых детей, среди которых была и Феня, пришлось отдать родственникам. Так попала девочка в семью есаула Петра Антоновича Гервазия — помещика и дворянина.

С приемными родителями ей пришлось жить тоже недолго. Через семь лет умирает приемная мать, ее родная тетка, а еще через три с половиной года — отец. В четырнадцать лет она остается одна — наследница небольшого поместья.

Опекуны, родственники приемного отца, занялись ее воспитанием. Но их усилия оказались напрасными, юная помещица давно находилась под влиянием старшего брата — большевика. Она была связной в партийной группе, а вечерами расклеивала по Екатеринодару большевистские прокламации.

В конце 1904 года девушка приезжает в Петербург. Ее цель — поступить в «Вольную школу» при Высших курсах П. Ф. Лесгафта.

В Петербургегодились связи и рекомендации екатеринодарских большевиков. Феня знакомится с Александром Михайловичем Игнатьевым, одним из организаторов боевой технической группы. Тогда же вступает в социал-демократическую партию и решает передать доставшееся ей по наследству имение большевикам.

Но как это сделать? Ведь Фене не было к тому времени семнадцати лет. Кто поверит, что она самостоятельно приняла такое решение, что ее не уговорили, не заставили? Да и юридически имуществом распоряжались опекуны.

Выход мог быть один — фиктивный брак, замужество на бумаге, понарошку. А уж потом, с разрешения «законного мужа», продать имение и деньги передать партии.

Долго подыскивали подходящего жениха. Занимались этим Л. Б. Красин и М. А. Игнатьев. Наконец фиктивный брак совершился. Фенечка Архангельская-Гервазий стала Феодосией Петровной

Наумовой. Имение продали, деньги поступили в партийную кассу. Все, казалось, сложилось удачно, но Наумов попал под влияние эсеров, которые стремились свести всю борьбу с царизмом к террору. После неудачной попытки покушения на царя Наумов был схвачен и повешен. Молодая вдова попала на заметку полиции за вину человека, который фактически не имел к ней никакого отношения.

Такое «наследство» было совсем уж ни к чему большевичке, члену боевой группы РСДРП Фане Черненькой — это было ее новое конспиративное имя.

Памятная поездка

Зима в 1906 году наступила рано. Чинные и всегда немного сонливые петербуржцы в этот морозный день торопились, спешили скорее попасть в теплые квартиры. Еще бы, термометр на здании Городской думы показывал минус 25 по Цельсию.

Тем удивительней было видеть девушку в коротком темном жакете, которая спокойно, точно прогуливаясь, шла по Владимирскому проспекту. Она остановилась у витрины салона шляп, осмотрелась и вошла в соседнее парадное, на двери которого была укреплена медная дощечка: «Зубной врач Немцов». В небольшой комнате, рядом с приемной, девушку ждали.

— Здравствуйте, товарищ Фаня, — сказал высокий молодой мужчина с аккуратной черной бородкой. — Отогревайтесь у камина и слушайте внимательно. К вам большая просьба — больше ее выполнить некому. Поедете тотчас к Ильичу в Куоккалу и сегодня же привезете от него статью для «Пролетария». Будьте осторожны. Думаю, об этом напоминать не надо. Запоминайте адрес, пароль...

Уже сидя в поезде, девушка повторяла про себя адрес и пароль, пароль и адрес. Вагон чуть покачивало, будто ветром, а снег глушил перестук колес.

Она думала о том, как увидит Ильича, поздоровается и... скажет пароль. Однажды, в начале года, она слышала его выступление в «Вольной школе», тогда он громил меньшевиков и эсеров после длинного доклада Дана. В зале было много народу, и близко к кафедре ей пробраться не удалось.

Фаня вздрогнула, когда кондуктор по-петушиному прокричал название станции:

— Куоккала... Куоккала...

Зима разукрасила поселок. Островежные крыши финских дач покрыты пушистым белым чехлом. Дома трудно различить. Правда, это только на первый взгляд. Сейчас она завернет за угол и войдет в калитку.

Но что такое? Из дачи вышла женщина, рядом мужчина. Они направились в сторону, противоположную станции, к лесу. Вероятно,

Владимир Ильич с Надеждой Константиновной отправились на прогулку. Придется подождать.

Фаня вошла в сени. Глаза, после яркого света улицы, с трудом привыкли к полумраку. Она не успела освоиться с обстановкой, как во дворе раздался скрип снега. В узкую щель между досками успела разглядеть, что к даче подходит незнакомый человек!

Шаги на крыльце. Оглядевшись в полутемных сенцах, девушка увидела открытый дровяной ящик. Она залезла туда и захлопнула крышку.

Незнакомец вошел в сени. Убедившись, что никого нет, он постоял некоторое время, а потом начал ходить. Мороз давал себя знать. Мужчина, стараясь, видимо, согреться, стучал ногами об ящик.

Помня строгий наказ — не привлекать ничьего внимания, — Фаня свернулась калачиком, боясь пошевелиться.

Короткий жакет плохо защищал от холода. Руки и ноги совсем ооченели. Казалось, что кровь в жилах застывает. Клонило в сон. Сколько времени прошло — час, неделя, месяц?

Наконец на крыльце послышались шаги. Два голоса — мужской и женский — спорили о чем-то, видно, продолжая ранее начатый разговор. С прогулки вернулись Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Они дружелюбно поздоровались с ожидавшим их женщиной.

Фаня хотела подняться из ящика, но не смогла. Силы покинули ее. Попробовала крикнуть. Вместо этого раздался чуть слышный стон.

В сенях сразу замолчали, насторожились. Надежда Константиновна подняла крышку и узнала Фаню. К ящику подошли Владимир Ильич и незнакомец, оказавшийся агентом ЦК, товарищем Лядовым.

Ленин и Лядов осторожно извлекли девушку из ящика и на руках внесли в комнату. В тепле ей стало еще хуже. Чуть придя в себя, она заплетающимся языком попыталась рассказать Владимиру Ильичу о данном ей поручении. Ленин остановил ее на полуслове и строго сказал: «Вы сначала отогрейтесь!»

Надежда Константиновна вместе с Лядовым изо всех сил растирали замерзшую девушку. Владимир Ильич в это время разжег примус и поставил чайник. Зашел в свою комнату, чтобы дописать статью. Время от времени отрываясь от работы, спрашивал:

— Как себя чувствует товарищ?

Фаню тем временем отпаивали чаем. Тут из комнаты, пробегая глазами только что законченную статью, вышел Ленин. Ничего не говоря, он отложил рукопись и достал из буфета маленький графин.

— Ну-ка, уважаемая, примите это лекарство. Я смотрю, душеспасители одним чаем поят, — Владимир Ильич протянул Фане рюмку янтарно-желтого напитка. — Что вы головой мотаете, разве это причина: никогда не пила? Вот сегодня и начнете под моим приглядом, а больше ни-ни, даже если просить будете. Пейте, пейте. Зажмурьте глаза и пейте. В исключительных случаях архиполезное лекарство.

Фаня выпила и закашлялась, слезы брызнули у нее из глаз.

— Вот видите, ничего страшного не случилось, зато скоро жарко станет. А ехать вам сегодня обратно нельзя, останетесь у нас.

Попросим Надежду Константиновну или товарища Мартына отвезти статью. Я обещал, там ждут, нельзя подводить.

— Что вы, Владимир Ильич, — запротестовала девушка, — я уже совсем согрелась, ваше лекарство помогло. Могу ехать, честное слово.

— Как думаешь, Надюша, можно ее отпустить? Ведь ты у нас опытный лекарь и будешь за нее отвечать? — спросил Ленин.

— Ладно, ладно, что там шепчетесь? Вижу, убедили Надежду Константиновну. Она человек добрый, ее уговорить не трудно. Что с вами сделаете, поезжайте. Только дайте слово, что больше в ящик на морозе не ползете. Каков конспиратор, а?

Владимир Ильич, очевидно, вспомнил весь эпизод с самого начала и от души рассмеялся.

После памятного случая Фане приходилось приезжать в Куоккалу довольно часто.

Владимир Ильич, несмотря на сильную перегруженность партийной работой, внимательно следил за судьбами товарищей. А вести были печальными, полиция охотилась за революционерами, работать становилось все трудней.

Как-то Владимир Ильич узнал о том, что у одного больного товарища, отправляемого из пересыльной тюрьмы на каторгу, нет постели. Ленин решил отправить вместе с девушкой постельные принадлежности.

Взяв тюк, Фаня собралась бежать на станцию. В это время Надежда Константиновна приготовила кое-что на стол.

— Что вы, Надежда Константиновна, — начала уверять девушка, — я сыта, у меня и дома есть чем поужинать.

Владимир Ильич молча ходил из угла в угол, думал о чем-то своем, потом, неожиданно подойдя к двери, загородил выход.

— Так что же у вас есть дома на ужин, уважаемая? — глядя ей прямо в глаза, спросил он.

Фаня густо покраснела и с трудом ответила: «Французская булка».

— Вот видите, а обмануть хотели... — Ленин чуть сощурил один глаз и улыбнулся. — Садитесь, садитесь с нами за стол!

Хозяйка конспиративной квартиры

Александр Михайлович Игнатьеву поселок Териоки, как и вся Выборгская губерния, был хорошо знаком. Он близко знал многих хозяев имений и дач, бегло говорил по-фински и пользовался у них доверием.

В конце лета 1907 года по поручению Леонида Борисовича Красина Игнатьев особенно тщательно подыскивал подходящий дом для сугубо конспиративных встреч и заседаний.

Небольшая финская дачка рядом с православной церковью оказалась вполне подходящей для этой цели. Теперь оставалось найти хо-

зайку квартиры — человека верного, небогатого. Ни своим внешним видом, ни поведением она не должна была вызывать подозрений.

В один из августовских дней хозяину-финну представили юную хозяйку дачи. Деньги уплатили вперед, девушка казалась скромной и тихой, хозяин кивнул головой в знак согласия и пошел заниматься своими делами.

Лето стояло жаркое и сухое. На песчаных пляжах Финского залива с утра до вечера толкался народ. Проходили дни, на даче ничего не происходило. Как будто забыли и про дом, и про хозяйку дачи — Фаню Черенькую.

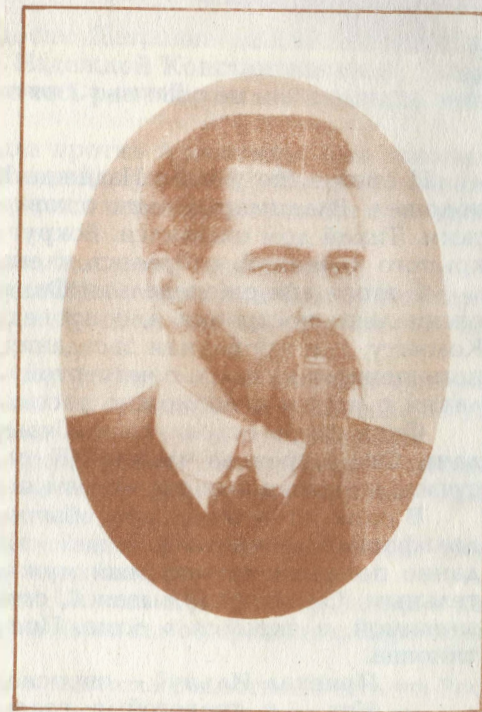
Девушка редко выходила из дома — привыкала к новой обстановке, боялась привлечь к себе внимание, ожидала гостей.

Через неделю пятичасовым поездом приехала Вера Рудольфовна Менжинская, технический секретарь ЦК.

— Давайте готовиться, — предупредила она Фаню, — скоро гости придут.

Часов около восьми, когда стемнело, начали появляться люди. Один, второй, третий. Хлопала калитка, говорили пароль и проходили дальше в комнату. Подошла Надежда Константиновна, поздоровалась с Фаней, поздравила с новосельем.

— Владимир Ильич отстал, с Иннокентием задержался, — сказала она.

А. М. Игнатьев.
Фотография 1907 г.
Из семейного архива.

Вокзал в Териоках. С открытки начала XX века.

И правда, не успела Надежда Константиновна войти в дачу, как подошел Владимир Ильич с товарищем Иннокентием — Дубровинским. Тихий дом оживился. Вокруг просторного семейного стола, покрытого клеенкой, собрались члены большевистского центра.

С этого дня еженедельно Фаня встречала гостей. Дом как будто специально построили для проведения конспиративных совещаний. Комнату, где проходили заседания, с трех сторон окружали жилые помещения и кухня, а с четвертой — веранда. Даже при большом желании с улицы невозможно рассмотреть, что делается внутри.

Фаня скоро освоилась с обязанностями хозяйки конспиративной дачи. Она встречала членов ЦК, следила за подозрительными личностями, шнырявшими по улицам поселка.

В один из вечеров, как обычно пятичасовым, приехала Вера Рудольфовна Менжинская. За ней вскоре подошли еще товарищи, неожиданно появился незнакомый мужчина, показавшийся Фане подозрительным. Он, не задумываясь, сказал пароль, кивнул, будто старой знакомой, и скрылся в доме. Последней пришла Надежда Константиновна.

— Приехал Ильич? — спросила она девушку.

— Нет, — с тревогой в голосе ответила Фаня, — но появился

какой-то странный товарищ. Я его не знаю, хотя пароль ответил без малейшей запинки.

Фаня осталась в сенях ожидать Ильича. Прошло несколько минут. Из комнаты раздался дружный смех, так громко еще никогда не смеялись.

— Зайдите, пожалуйста, Фаня, — позвала Надежда Константиновна.

Каково же было ее удивление. Ильич сидел на обычном месте спиной к кафельной печке, лицом к веранде, и смеялся вместе со всеми. Никого постороннего среди присутствующих не было. Прямо как в цирке. Фаня потом еще не раз поражалась способностям Владимира Ильича изменять свою внешность. У него определенно был актерский талант, способность перевоплощения.

Осенью 1908 года полиция заинтересовалась Феодосией Наумовой. Жизнь крайне осложнилась. С каторги бежал ее настоящий муж. — Николай Кассесинов — участник восстания на Черноморском флоте. Его искали. Больше года они меняли нелегальные квартиры. Полиция могла нагрязнуть каждый день и час. Оставалось одно — покинуть Россию. Они уезжают в Париж. Латинский квартал, улица Бертоле, дешевая гостиница. Семья увеличилась, родилась дочь.

Но русская охранка и во французской столице не оставляла в покое беглого каторжника. Царское правительство требовало его ареста, как уголовного преступника. Опасаясь выдачи, Кассесиновы решили отправиться в Аргентину.

Незадолго до отъезда Феодосия Петровна зашла попрощаться с Ульяновыми, посоветоваться с Надеждой Константиновной. Владимира Ильича в комнате не было, но весь разговор он мог слышать, занимаясь у себя в комнате.

Надежда Константиновна была против Аргентины. Она говорила о неизбежной оторванности от активной партийной работы за океаном. Выдвигала серьезный аргумент — риск переезда в тропики с грудным ребенком.

Владимир Ильич, выйдя к ним, высказал свое мнение.

— Надюша, ты напрасно нападаешь на товарища Фаню. Она сама, наверное, не раз уже все продумала. Давайте еще раз взвесим все «за» и «против».

Почти час продолжался разговор. Ильич в конце концов одобрил решение Фани. 1 Мая 1910 года семья Кассесиновых праздновала в Буэнос-Айресе. Проходили дни, недели, месяцы в поисках работы.

— Пожалуйста, — говорили аргентинские чиновники, — можем предоставить работу. Есть место на почте или учительницей. Одно условие — принять аргентинское подданство.

Отказаться от Родины, оставить надежду вернуться домой? Нет, нет и еще раз нет. Они останутся подданными России.

Родился сын, стало еще труднее. Постоянную работу нашли в далеком Корриентесе, маленьком городке на самой границе с Парагваем и Бразилией. Шли годы.

В марте 1917 года из-за океана прилетела радостная весть — в России революция. Без долгих сборов — домой, скорее домой.

Путь, полный рогаток и преград, лежал через Францию, Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию. На границе в Торнео, когда до родных мест оставалось совсем немного, чиновники Керенского решили профильтровать эмигрантов, отделить и задержать большевиков. Ничего из этой затеи у них не вышло. Двадцать пять большевиков вернулись в Россию после долгих скитаний.

В начале сентября 1917 года специально высланная Временным правительством рота солдат заняла перрон Финляндского вокзала. Уж не почетный ли караул выстроился для встречи гостей? Совсем наоборот. Солдат вызвали конвоировать вернувшихся на родину революционеров. Приготовили специальные дома — казармы для эмигрантов.

Студент в распахнутой шинели и лихо заломленной фуражке подскочил к Феодосии Петровне: «Откуда и зачем явились сюда?» Услышав ответ, он засмеялся ей в лицо.

— Приехали на голодуху, сумасшедшие!

В этот же день вызвали на допрос и без лишних объяснений приказали не задерживаться в Петрограде. У солдат в казармах с трудом достали для детей хлеба. Через двадцать четыре часа поезд увозил семью Кассесиновых в Харьков.

После Октябрьской революции Феодосия Петровна получила новый партийный билет. Поручительство ей дали Надежда Константиновна Крупская и Леонид Борисович Красин.

С 1918 года Кассесинова вместе с мужем на фронтах гражданской войны. Перекоп, Новороссийск, Самара, Омск, Челябинск, Уфа, Оренбург, Харьков, Одесса, Николаев. Кем только ей не приходилось за это время быть: начальником разведки, помощником коменданта города, членом чрезвычайной комиссии по работе в госпиталях, начальником информации политотдела Юго-Западного фронта...

В 1919 году на Польском фронте, под Ирпеном, без вести пропал муж. Она осталась одна с детьми. В 1920 году Феодосия Петровна сама тяжело заболела — начал развиваться туберкулез. Переехала в Москву. Там продолжала работать в Политуправлении Красной Армии.

В 1921 году Кассесинова становится сотрудником советского торгпредства в Финляндии. Почти все основные работники торгпредства были старыми «боевиками», а возглавлял представительство Александр Михайлович Игнатьев. И дальше Феодосия Петровна выполняла любые поручения, которые давала ей партия.

Заколдованный треугольник

Вернемся к нашим дням и расскажем о дальнейших поисках конспиративной дачи в Териоках. После первой же нашей встречи в Москве Феодосия Петровна предложила прийти на помощь. Только нужно ли ее понапрасну беспокоить? Что мы — совсем беспомощные? Есть более простой способ — обратиться к сотрудни-

ку музея, который сопровождал Кассесинову в 1956 году и составил акт о местонахождении участка.

Опять пошли в Музей В. И. Ленина. На вырванном из блокнота листке нарисовали нам схему: треугольник дорог, в центре кружок — церковь, маленький заштрихованный квадратик — место дачи.

С этим листочком поехали в Зеленогорск и там полдня крутились по замкнутому треугольнику.

Подозрительно косились жители ближайших домов. Собаки устали лаять. А у нас не сходились концы с концами, и все тут. Ничего подходящего не нашли. Оставалось предположить — перепутал что-то сотрудник музея, мог и позабыть. Отправили листок со схемой на экспертизу Кассесиновой.

Ответа ждали долго. Стали беспокоиться. Но письмо пришло, и все разъяснилось. Феодосия Петровна писала:

«Задержала, так как болела, как видите, до сих пор рука дрожит. На схеме поставила паучка, считая маленькие квадратики за деревья или вообще растительность. Ищите котлован и колодезь».

В который раз отправились в Зеленогорск. Как будто нашли похожее по описанию место, хотя ручаться не могли.

Прошло несколько недель. Следопытские страсти вокруг Зеленогорска несколько улеглись, пришло время заниматься другими делами. И тут развитие событий неожиданно пошло по другому руслу. «Квадратик», «паучок», да и вся схема «заколдованного треугольника» оказалась ненужной.

Однажды, совсем по другому поводу, я просматривал в библиотеке дореволюционные петербургские газеты за 1909 год. Встретил знакомое название — Териоки! О чем же заметка? Как будто ничего интересного — красочно описывается торжественная церемония

Ф. П. Кассесинова
в Зеленогорске
помогает в розысках
памятного
ленинского места.

освящения новой православной церкви. Читаю дальше. Оказывается, в 1908 году в Териоках вспыхнул большой пожар и уничтожил старую деревянную церковь. Стояла она на другом месте. На средства прихожан построили каменную.

Что же получается? Не было современного здания церкви в 1907 году. Следовательно, искать-то надо в районе старой деревянной церкви, уничтоженной пожаром.

Не догадались раньше найти и внимательно изучить план-карту Териок за 1907 год. Там жирным крестиком обозначена церковь Казанской божьей матери. Нашлись и старые открытки с видами деревянной церкви. Сразу написали о своих неожиданных открытиях Кассесиновой, просили совета.

Феодосия Петровна приняла наше сообщение близко к сердцу:

«Я думаю, что лучше всего мне приехать самой, тогда за точность места можно поручиться. Точность же места в данном случае необходима...»

6 декабря 1960 года во Дворец пришла телеграмма: «Приеду восьмого Зеленогорск девятого».

Рано утром 9 декабря наш автобус стоял возле молодежной гостиницы «Дружба» на Петроградской стороне. Феодосия Петровна уверенно спускалась к нам навстречу, отстраняя всех спешивших ей на помощь.

С точки зрения житейской мудрости, или так называемого здравого смысла, ее поездка в Ленинград могла показаться по меньшей мере странной. Ради поиска остатков фундамента полувековой давности, в зимнее время, в ее возрасте, после серьезной болезни.

Это соображения обывательского толка. Но мы могли убедиться, что всю сознательную жизнь Феодосия Петровна руководствовалась другими принципами и не изменяла им до конца дней своих. Она лучше других понимала, что каждое ленинское место — частица великой биографии вождя и партии. Разве можно оправдываться тем, что и без того известны исторические места. Пройдет время, совсем немного времени, уйдут из жизни такие, как она, последние свидетели тех далеких лет. Вместе с ними безвозвратно исчезнут факты, штрихи и даже детали, которых так будет не хватать и уже не хватает историкам, чтобы воскресить сквозь потускневшие от времени краски события и образы во всей правде великого и прекрасного...

Мы пригласили поехать с нами архитектора Зеленогорска — Георгия Николаевича Лялина. В ближайшие годы намечается генеральная реконструкция курортной зоны Карельского перешейка и Зеленогорска. Новые здравницы вырастут на берегу залива. Представьте себе, что об историческом ленинском месте ничего не знали проектировщики. Выстроят на памятном месте гараж или склад для горючего. Хорошо это?

Вот и надеялись, что после поездки архитекторы пометят в своих планах ленинское место, а позже разобьют здесь сквер и построят беседку для отдыха. Ведь мимо проходят и проезжают десятки и сотни тысяч отдыхающих в зеленогорских здравницах, пионерских лагерях.

Снова Приморское шоссе. Но это уже не заколдованный треугольник. Еще в ноябре с помощью старой карты нашли место, где стояла сгоревшая церковь. Сохранились гранитные блоки от фундамента. По узкой, пробитой в снегу тропинке шагаем гуськом к намеченному участку. Феодосия Петровна неутомима, она выбрасывает вперед палку с резиновым набалдашником, идет уверенно, не делая передышки.

Топчемся вокруг старых берез и толстой, в два обхвата, ели. По возрасту дерева могли быть свидетелями событий в начале века. Мешают разобраться в обстановке сарай-временки. Они, похоже, поставлены на старых, оставшихся от бывших построек фундаментах.

Не выпускаем из рук карту Териок. Феодосия Петровна чертит палкой на снегу план расположения дома по отношению к церкви:

куда выходила веранда, черный ход, окна комнат. Решаем задачи на построение. Прикидываем и так и сяк. Взвешиваем все «за» и «против».

Наконец вырисовывается общая картина расположения домов. Приходим к единому выводу: именно здесь, возле старых деревьев, стояла историческая дача — конспиративная квартира большевистского центра.

Возвратимся к тем далеким временам революционной борьбы, когда В. И. Ленину и большевикам приходилось вести бой не только с царизмом, но и оппортунистами всех мастей. Часто в пылу полемики, исчерпав логические доводы, притиснутые фактами к стенке, идейные враги партии называли большевиков «твердокаменными». Твердокаменный большевик, твердокаменный ленинец — это звучало в их устах как бранное слово, как самое страшное оскорбление.

Подумать только, словосочетание-то какое — твердокаменные! Камень сам по себе достаточно прочен и крепок, а тут еще подчеркивается его крепость. Такой эпитет надо заслужить. И большевики заслужили его.

Слово, которым собирались порочить верных ленинцев, получило иной, обратный смысл. Рабочий класс на деле узнал, что «твердокаменность» большевиков — это высокая принципиальность, верность революции, идеям марксизма не на словах, а на деле.

И теперь, подыскивая точное определение для характера Феодосии Петровны Кассесиной, не ошибемся, если скажем, что всегда она была именно такой твердокаменной большевичкой, ленинской партии рядовым. Нам есть на кого равняться, с кого брать пример.

По следам парохода „Боре“

Декабрь 1907-го

Морозный декабрьский вечер 1907 года. Из поезда Гельсингфорс — Або возле маленькой станции Литтойнен выпрыгнул плотный, среднего роста мужчина без особых примет. Осмотревшись, он поднял воротник и зашагал к городу, увязая в глубоком снегу.

Поздней ночью, когда жители Або крепко спали, промерзший и усталый путник вышел к городским окраинам. Позади остались двенадцать нелегких верст. В одном из домов его давно ждали. Отогреться горячим чаем, он выяснил обстановку и поторопился продолжить путь через лабиринт Аландского архипелага. С риском для жизни пробирался он с провожатыми по тонкому, неокрепшему льду к скалистому островку в Ботническом заливе, где проходил судходный фарватер.

Пароход, направлявшийся в Швецию, вместе с почтой взял на борт случайного пассажира. Весь его багаж составлял выдавший виды саквояж. Так началась вторая эмиграция Владимира Ильича Ленина, которая продолжалась почти десять лет. При всем рвении агентам петербургской охранки не удалось задержать его на пути в Стокгольм: упустили в поезде, не сумели перехватить при посадке на пароход.

О необыкновенных приключениях и мужестве В. И. Ленина лучше других знали честные люди страны Суоми, помогавшие уйти от полицейских ищеек. Царские чиновники не зря называли Финляндию «гнездом революционеров», «дьявольской кухней» русских бунтовщиков. В тихих поселках и больших городах этой северной окраины России бесстрашные революционеры-подпольщики готовили оружие, учили рабочих стрелять, печатали большевистские листовки и газеты, тайно собирали партийные конференции.

Где, как не в Финляндии, могут быть ключи к нераскрытым тайнам и загадкам революционного подполья? Это касается и биографии В. И. Ленина. Ученые день за днем восстанавливают события тех лет, но вопросы остаются. Например, какой была в 1907 году станция Литтойнен? Что за пароход подобрал в море Владимира Ильича?

Каким был пароход?

Вокруг этого парохода и развернулась у нас однажды жаркая дискуссия.

Прочли ребята книгу Зои Воскресенской «Сквозь ледяную мглу». Написана увлекательно, много полезного для себя узнали. А вот относительно некоторых исторических деталей не во всем согласились с автором.

— Что за пароход художник нарисовал? — потрясал книжкой Эрик. — Такая посудина ходила во времена Тома Сойера по Миссисипи. А между Швецией и Финляндией в начале века курсировали современные винтовые, а не колесные пароходы.

— Какая разница? — пыталась возражать Тамара. — Картинка ведь, пароход и пароход. Не паровоз же?.. — Она засмеялась собственной шутке.

— Картинка? — Эрик рывком перевернул страницу. — Художник не сам придумал, а иллюстрировал то, что автор написал. Вот, пожалуйста: «Колеса парохода взбивали на месте воду, разгоняя плавающие обломки». Колеса!..

— Никому в голову не придет задумываться над такой ерундой: колесный, винтовой. Правда, девочки?

— Для девчонок все «ерунда», даже исторические факты, — распалился Эрик. — Ведь не Тамара на этом пароходе в эмиграцию отправилась, а Ленин...

Перешли на личности, спор выплеснулся из «научных» берегов и стал неуправляем.

— Кончай базар! — перекрывая шум, наводил порядок Витя. Командир отряда в самых сложных походах, он умел, когда надо, заставить слушаться.

— Что напрасно переливать из пустого в порожнее? — Витя любил говорить образно. — Не о пустяках спорим. Эрик прав, — совсем не мелочь, каким был пароход. Вспомните, как сами ошибались. Нужны документы, старые фотографии или книги... Давайте напишем в Финляндию. Неужели не помогут?

— Рассуждать легко — «напишем». Кому писать? Кто ответит? Думаешь, тебе одному умная мысль пришла? Америку открыл! — Тамара выпалила свою «речь» одним духом.

Действительно, «умная мысль» носилась в воздухе. Подобная идея вспыхивала каждый раз, когда попадали в тупик и остро не хватало документов.

Очень заманчиво обратиться в Финляндию за помощью, но куда?

Гости из Хельсинки

В канун майских праздников стало традицией встречать зарубежных гостей Ленинграда и больше всего финнов. Комфортабельные, нарядные автобусы мчат любознательных туристов из Хельсинки и Турку, Тампере и Лахти.

В один из таких весенних дней 1963 года во Дворец пионеров приехала группа пионеров и вожатых из Хельсинки. Все в форме — ярко-зеленые куртки и красные галстуки. Гости с любопытством смотрели на богатое убранство комнат и гостиных, с завистью — на щедрое оснащение кружков и лабораторий. Это обычная реакция зарубежных гостей. Только не все показывают свое удивление, за внешней сдержанностью скрывают истинные чувства.

После знакомства с Дворцом собрались в Клубе интернациональной дружбы. Нашу группу пригласили участвовать в беседе. Потом вместе отправились на экскурсию по городу и в Музей В. И. Ленина.

Марсово поле. Знакомое здание бывшего Мраморного дворца. Переходим из зала в зал. Рассказ экскурсовода переводит наша давняя знакомая учительница одной из ленинградских школ Айна Андреевна. Год назад мы вместе были в водном походе по Вуоксе. Пользуясь знакомством, просим задержаться у стендов с документами о первой русской революции.

На стене в деревянной рамке большая фотография дома, где у майка Стирсудден жил В. И. Ленин. Та самая, подаренная Книповичами. Наша гордость. Постарались кратко объяснить, в чем суть наших поисков. К слову напомнили о помощи финнов большевистской партии и Владимиру Ильичу и как важно узнать о каждом из этих добровольных помощников...

— Не испытывайте терпение гостей, — деликатно заметила Айна Андреевна, — у них сегодня намечена солидная программа. Не останови вас — заговорите кого угодно.

Истинная правда — увлеклись. Ничего не поделаешь, приходилось соглашаться. Вся процессия двинулась было дальше, но в последний момент задержалась. Оказалось, одна из вожатых, самая старшая по возрасту, все звали ее просто — Кайя, подхватив под руку Айну Андреевну, попросила рассказать о висевшей здесь большой картине А. Рылова, где Владимир Ильич с двумя проводниками-финнами переходит по льду залива.

— Для них, для них, — объяснила она, показывая на финских пионеров, — я тут пятый раз.

Мы услышали знакомую историю о декабрьской ночи 1907 года, случившуюся в шхерах Аландского архипелага, но переживали все как будто заново:

— ...Трудно себе представить, что жизнь Ленина висела на волоске — черный предательский лед стал уходить из-под ног. Как вспоминала позже Н. К. Крупская, Владимир Ильич про себя подумал: «Эх, как глупо приходится погибать...». Но все обошлось благополучно.

Удалось добраться до острова. Он сел на пароход и уже на следующий день спускался по трапу на пристань в Стокгольме.

Экскурсовод отошла от картины, направилась в следующий зал. А гости стояли неподвижно, закинув головы, напряженно всматриваясь в полотно.

В этот момент Эрик и шепнул Аине Андреевне, что хорошо бы финским друзьям поискать у себя рисунок или фотографию парохода. Она перевела просьбу стоящим рядом вожатым Кайе и Каукко.

— Хорошо, хорошо, — сразу согласились они. — Вы нам подробней напишите: что вас интересует, что нам искать? Постараемся, ведь это наше общее дело.

Бывает так: пообещает человек выполнить просьбу, а назавтра забудет, о чем речь шла. Слову финских вожатых хотелось верить. Не похоже, чтобы они бросали его на ветер...

Финские пионеры принимают эстафету

За утренним чаем жители Хельсинки могли прочесть на страницах газет необычное объявление. Бросались в глаза первые два слова, набранные крупным рубленным шрифтом: «Разыскиваем людей...». Рядом, во всю высоту столбца, здоровенный восклицательный знак, похожий на человека, стоящего на голове. Объявление привлекало внимание, и хотелось узнать, кто и каких людей разыскивает.

«Разыскиваем людей, которые были знакомы с В. И. Лениным во время его пребывания в Финляндии. Просим связаться с нашей исследовательской группой.

ETSIMME HENKILOITA!

jotka ovat olleet tekemisissä V. I. LENININ kanssa hänen ollessaan Suomessa. Pyydämme ottamaan yhteyden tutkimusryhmäämme.

Haluamme myöskin tietoja kirjailija PAAVO KAKOSTA ja MIKKO UOTISESTA.

Yhteyden tutkimusryhmäämme voi ottaa puh. 70 844/278 tai osoitteella Sturenkatu 4. Helsinki.

Suomen Demokration Pioneerien Liiton
Helsingin ja Uudenmaan Piiri järjestö r.y.
V. I. Leninin tutkimusryhmä.

Объявление в хельсинкской газете с просьбой оказать содействие в сборе материалов о В. И. Ленине.

Письма финских пионерских вожатых во Дворец пионеров им. А. А. Жданова.

Хотим также узнать о литераторах П. Какко и М. Уотинене. Связаться с исследовательской группой можно по телефону 70/844/278 или по адресу: Хельсинки, Стурекату, 4.

Финская демократическая пионерская организация округа Хельсинки. Ленинская исследовательская группа.

Пионеры Хельсинки не из пустого тщеславия или бахвальства назвали свою группу исследовательской. Ребята в зеленых рубашках с красными галстуками стучались в квартиры старых домов, сидели дотемна в фондах музеев и библиотек, листали железнодорожные и пароходные справочники полувековой давности, изучали пожелтевшие журналы почтового ведомства. Подспорьем в розысках служили опубликованные воспоминания финских социал-демократов о встречах с В. И. Лениным.

Однажды всей группой отправились в Тампере — переговорить с директором Музея В. И. Ленина, товарищем Арви А. Лааксо, и еще раз скрупулезно осмотреть экспозицию, все имеющиеся там фотографии. Потом поехали в Турку, где в архиве пароходной компании перерыли ворох бумаг.

Группа взялась за дело с такой настойчивостью, что Сьюльви-Кюлики Кильпи, автор книги «Ленин и финны», в шутку назвала их серьезными конкурентами.

Был тут один секрет — увлеклись пионервожатые. После рабочего дня, перекусив на ходу, они отправлялись с ребятами по очередному адресу. Душой поиска и его главным двигателем стал рабочий авторемонтных мастерских, член Коммунистической партии Финляндии, вожак и организатор хельсинских пионеров Каукко Аиттомяки.

Бесценный подарок

Прошел год. Два или три раза почта доставляла во Дворец пионеров весточки из Финляндии. В открытке много не напишешь, но первые результаты обнадеживали. Хорошее начало — половина успеха. Конечно, не терпелось узнать, что «накопали» следопыты. Вожатые из Хельсинки рассчитывали скоро приехать в Ленинград, тогда все станет ясно.

Отгремел салютами Первомай. Приближалось 19 мая — день рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Шли репетиции парада. За четыре дня до праздника в кабинете директора раздался звонок:

— Встречайте пионервожатых из Хельсинки. Шестнадцатого мая в четыре часа дня их автобус пересечет границу. Днем семнадцатого гости просят организовать встречу в Музее Ленина и пригласить туда следопытов Дворца пионеров, и еще хорошо бы позвать активистов школьных ленинских музеев...

В разных концах города зазвенели телефонные аппараты. По цепочке предупреждали заинтересованных лиц: сбор в Музее В. И. Ленина после школы в 15.30.

Малый зал Музея В. И. Ленина заполнили от первого до последнего ряда. Пришлось принести стулья из соседних помещений.

Финские вожатые держались вместе. Среди всех выделялся ростом, по-спортивному подтянутой фигурой руководитель группы Каукко Аиттомяки. Он и вышел к импровизированной трибуне, когда объявили о начале встречи. В руках Каукко держал небольшой пакет. Неспешно развязал тесьму, аккуратно снял бумагу и осторожно извлек коричневый альбом почти квадратной формы.

Каукко раскрыл его и показал первую заглавную страницу. На ней крупно было написано по-фински. Переводчица прочла громко: «Ленинградскому Музею В. И. Ленина. Фотографии и материалы о пребывании В. И. Ленина в Финляндии. От ленинской исследовательской группы Финской пионерской организации округа Хельсинки».

Вглядываемся внимательно. Что там дальше? Тамара и Лариса, с раскрытыми на коленях блокнотами, ловят каждое слово. Им поручено стенографировать все, что скажут гости.

Каукко Аиттомяки по порядку показывает и объясняет каждую страницу.

— Фотография почтальона. Он носил письма Владимиру Ильичу. Есть специальная справка почтового ведомства, подтверждающая этот факт.

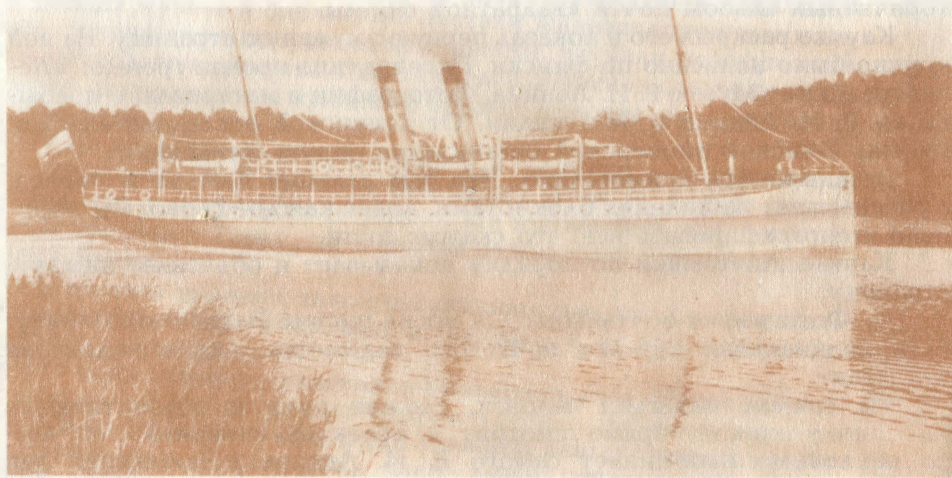
На снимке пожилой человек, сложив руки и облокотившись на спинку кресла, прямо смотрит в объектив аппарата. Он чем-то неуловимо напоминает самого В. И. Ленина в последний год жизни.

— А это вид железнодорожной станции Отльбю, какой увидел ее Ленин в ноябре тысяча девятьсот седьмого года, скрываясь от царской

охранки. Фотографию получили из Музея железнодорожного транспорта. Там же нашли снимок старого вокзала в Гельсингфорсе. — Каукко перелистывает плотные картонные страницы альбома. — Хагнеская площадь — памятное ленинское место в столице Финляндии. На пятом этаже массивного жилого дома В. И. Ленин останавливался на квартире финского социал-демократа Густава Ровио, исполняющего обязанности начальника полиции осенью бурного тысяча девятьсот семнадцатого года. Наши следопыты впервые разыскали старую фотографию площади начала века, когда там были торговые ряды, домики-ларьки, повозки и лошади. Теперь ничего похожего здесь не увидишь.

Еще две фотографии с видами Хельсинки показывает Каукко. Обе они напоминают о чрезвычайно важных событиях в истории нашей партии — общероссийских конференциях РСДРП под руководством В. И. Ленина. На первой виден фасад красивого каменного здания с башней. За ним во дворе находился небольшой деревянный домик, где и собирались делегаты конференции. Он не сохранился, но исследовательская группа надеется получить чертежи этого дома. Другая фотография тоже требует расшифровки. На памятном участке остались лишь старые ворота.

Наконец Каукко Аиттомяки добрался до волнующей нас темы — отъезда В. И. Ленина в последнюю эмиграцию. Фотография железнодорожной станции Литтойнен. Как выяснили финские следопыты, время и люди не тронули здания, за 60 лет поменяли лишь крышу. Вряд ли В. И. Ленин успел разглядеть станцию, когда спрыгнул на ходу с поезда. Но теперь здание представляет исторический интерес.

Фотография парохода «Борé», обнаруженная финскими следопытами.

Станция Литтойнен.

Следующая страница альбома — настоящий сюрприз для наших мальчишек, и особенно для Эрика и Вити. На снимке — пароход «Борé». Четкий силуэт судна «в профиль» от носа до кормы. Современные формы, приземистые надстройки, чуть наклоненные трубы. Никакого намека на колеса-лопасти. Вдоль борта отлично видны иллюминаторы. Сумели потом сосчитать — двадцать семь.

Оказывается, можно заглянуть и внутрь судна. Как? В архиве пароходной компании следопыты попросили снять копии фотографии внутренней части парохода.

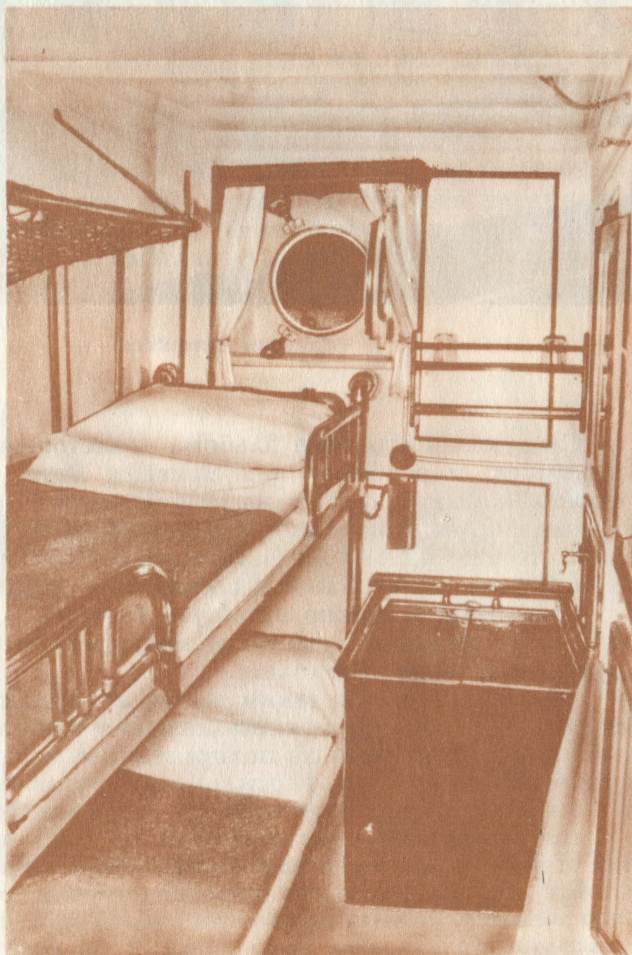
Таким или почти таким застал его Владимир Ильич в декабре 1907 года. С трапа пассажиры попадали в нарядный холл с диванами для отдыха и стенами из полированного дерева. Отсюда шел спуск в трюмное помещение. Рассматривая другой снимок, представляешь, как выглядел буфет парохода: довольно массивные столы, покрытые белыми скатертями, приглушенный свет, строгие, без особых украшений стойки. И, наконец, на третьей фотографии — двуспальная каюта. Кровати в два этажа, металлические поручни, аккуратные постели, ничего лишнего. Вряд ли похоже на «люкс» или «первый класс». Судя по иллюминатору, каюта находилась в трюмном помещении. Скорее

всего, администрация парохода могла предложить неожиданно свалившемуся к ним с острова пассажиру именно такую скромную каюту.

Пароход «Борé» верой и правдой прослужил шестьдесят три года на линии Або (Турку) — Стокгольм. Построили его в 1898 году, а пустили на слом в 1961 году.

Каукко Аиттомяки закрыл последнюю страницу и вручил альбом Ленинградскому филиалу Центрального музея В. И. Ленина. Ребята из школ стали расходиться, а нашу группу пригласили для беседы в кабинет заместителя директора музея Галины Яковлены Великановой.

Интересно было слушать Каукко из зала, но не терпелось поговорить с ним, узнать, удалось ли выполнить наши просьбы. В большом и

Каютa парохода «Борé».
Из архива
пароходной компании.

просторном кабинете чинно расселись вокруг стола. Ну прямо как на дипломатическом приеме. Смотрим друг на друга: кто начнет первым? Не успела Лариса задать вопрос через переводчика, а Каукко замахал руками — понял, понял... И тут как плотину прорвало. Спешим спросить, выслушать, рассказать.

Итак, объявления в хельсинских газетах сделали свое дело. Совершенно случайные люди помогли установить некоторые события из жизни так нас интересовавших жителей Териок П. Какко и М. Утинена. А один человек, некто Суло Туртиайнен, не пожалел расстаться с книгой из своей библиотеки — сборником стихов Микко Утинена «Вечерние зори». Нам привезли копии всех фотографий, что вошли в альбом, подаренный Музею В. И. Ленина. Настоящее богатство.

Трудно объясняться через переводчика, особенно если эмоций больше, чем слов. Перебиваем друг друга. Торопимся. У гостей день расписан по минутам. Жесткий лимит времени заставляет часто смотреть на часы. Наши стенографистки Лариса и Тамара совсем запарились.

Оказывается, не только Каукко, но еще четверо вожатых Хельсинки со своими отрядами увлеклись сборами документов о пребывании В. И. Ленина в Финляндии. Такое серьезное и почетное задание заметно подняло авторитет пионерской организации.

Трудности встретились разные. С транспортом, например. Как выбраться в Тампере, Турку, да не один раз? Или как поехать в Ханко, где будто бы в одной из гостиниц в журнале для посетителей сохранилась запись о пребывании В. И. Ленина? Где взять средства? Нужно оплачивать поезд, автобус, фотоработы и многое другое. Финляндия — капиталистическая страна, никто и ничего бесплатно для детей там не делает.

Планы на будущее строили большие, поэтому финские вожатые попросили сотрудников Музея В. И. Ленина составить вопросник и дать конкретные задания для продолжения поисков. Понадобился и образец почерка Владимира Ильича, копии его писем на русском и на других европейских языках. Зачем? Каукко разыскал в Хельсинки пачку писем, адресованных Карлу Вийку. Как известно, В. И. Ленин жил некоторое время в доме К. Вийка на станции Мальме около Гельсингфорса, а еще раньше имел с ним переписку. Вполне возможно, что среди обнаруженной корреспонденции К. Вийка могли быть и письма Ленина.

Перед самым отъездом гостей, по просьбе дирекции музея, мы передали друзьям-вожатым пять листов с образцами почерка Владимира Ильича и отзыв-рекомендацию.

«Финской демократической пионерской организации —
округ Хельсинки

Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина сердечно благодарит финских пионеров и их руководителей, вожатых за их интересную, полезную и очень нужную работу по сбору материалов о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина в Финляндии.

Переданный музею материал представляет научный интерес для дальнейшего изучения биографии В. И. Ленина.

Дирекция музея просит Финскую демократическую пионерскую организацию продолжить поиск мест, связанных с жизнью и деятельностью В. И. Ленина в Финляндии, фотографий, документов, а также воспоминаний о В. И. Ленине. Сбор этих материалов имеет не только большой научный интерес, но служит делу укрепления дружбы между народами Финляндии и Советского Союза».

Оставим потомкам

...Автобус с финскими вожатыми осторожно разворачивался на площадке у гостиницы «Дружба». «До-сви-дания, до-сви-да-ни-я», — неслось из открытых окон.

А мы стояли на вдруг опустевшей улице Чапыгина, наша «прощальная группа» — пять человек. Смотрели вслед голубой с белыми полосами машине, ощущали теплоту рукопожатий.

Все ли успели сказать? Обо всем ли договорились на будущее? И, кажется, в тот самый грустный день расставанья с друзьями родилась идея сделать макет парохода «Борé», благо теперь есть фото-

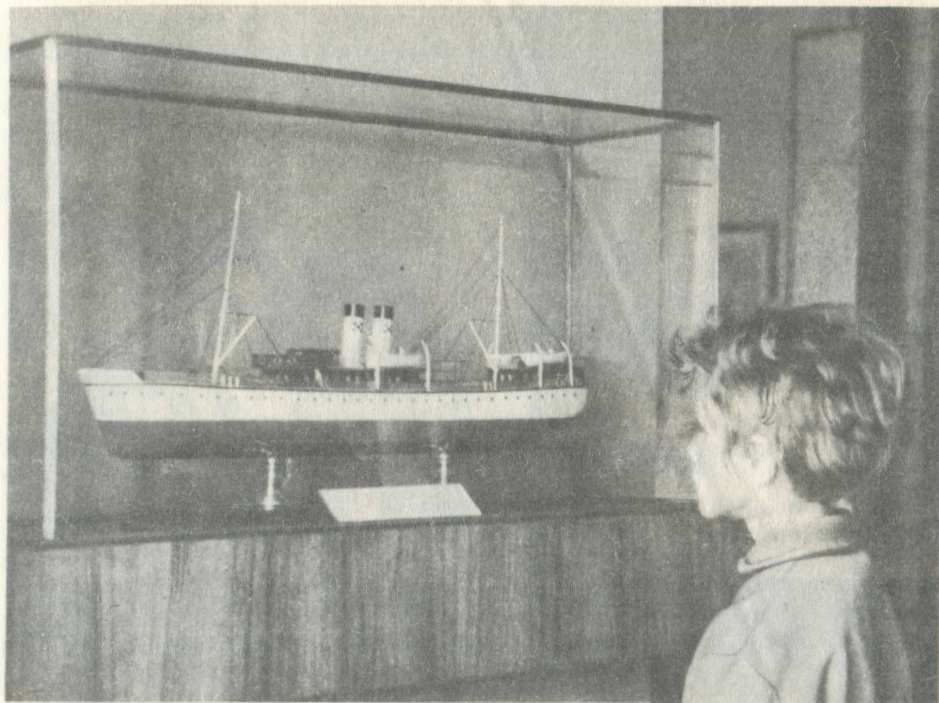
Финские пионерские вожатые вручают альбом с документальными материалами о В. И. Ленине, обнаруженными в процессе поисков.

графии. К тому же финские пионеры задумали продолжить контакты с паровой компанией «Борé», им будет приятно узнать о втором рождении судна.

Идея хороша, слов нет, все сразу оценили. Но как взяться за ее воплощение? Работа сложная, необычная. Тут необходима соответствующая квалификация. Решили пойти на поклон к юным техникам в судомодельную лабораторию Дворца пионеров. Под руководством опытного педагога Константина Филипповича Макарова в этой лаборатории создавали все, от легких яхт до атомных подводных лодок.

Работа над макетом оказалась более чем сложной. Буквально под лупой разглядывали каждый сантиметр фотографии судна: палубу с надстройками, трубы, иллюминаторы. Спорили из-за каждой мелочи. Больше всех кипятился «главный конструктор» — семиклассник Саша Волосевич.

Корпус, его обводы, фальшборт, капитанский мостик, спасательные шлюпки по обоим бортам и на корме, мачты с грузовыми лебедками выполнялись с придиричивой тщательностью. Несколько месяцев

Макет парохода «Борé» в одном из залов Музея В. И. Ленина.

готовили отдельные части. Шкурили их, шлифовали, олифили. Если чисто не подготовить, краска ляжет плохо, неровно.

Сборка заняла тоже изрядно времени. Колдовали над макетом допоздна, пока пинцет не падал из рук. Но уж очень хотелось юным умельцам закончить макет к 95-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Белоснежную модель парохода покрыли бесцветным лаком и укрепили на точеных медных ножках к основанию-подставке. Теперь предстоял не дальний, но почетный маршрут: Дворец пионеров — Смольный — Музей В. И. Ленина.

Веселым апрельским днем на торжественный сбор стекались к штабу революции — Смольному отряды красных следопытов. Ребята в краснозвездных шапках-буденовках, в голубых, красных и синих пилотках заполнили длинные коридоры с высокими сводчатыми потолками, так знакомыми по кинофильмам об Октябрьских днях в Петрограде.

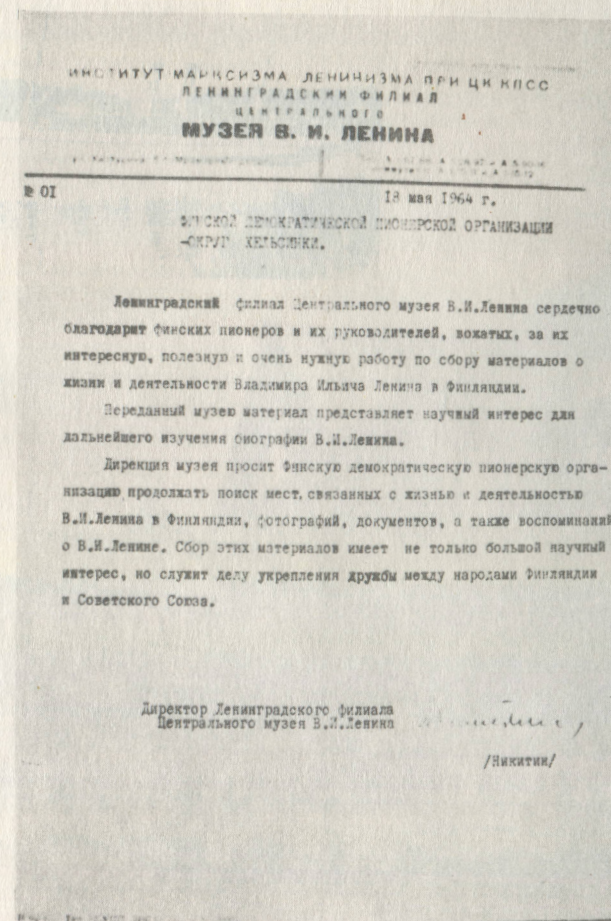
Постепенно участники сбора заполнили Актный зал Смольного. В том самом историческом зале, где В. И. Ленин провозгласил победу революции, где был принят ленинский Декрет о мире, теперь звучали

детские голоса. Следопыты рапортовали о своих находках, рассказывали о школьных музеях и залах, о самом интересном, что успели сделать к ленинскому юбилею.

Среди тех, кому выпала честь подняться на трибуну, был и наш Эрик. Голова его чуть возвышалась над микрофонами. Он волновался. Мы тоже. Да вряд ли кто на его месте мог говорить спокойно — как-никак Актный зал Смольного.

После короткого рассказа Эрика о походах, поисках, встречах с финскими друзьями юные судомоделисты передали в дар Ленинградскому филиалу Центрального музея В. И. Ленина макет парохода «Борé».

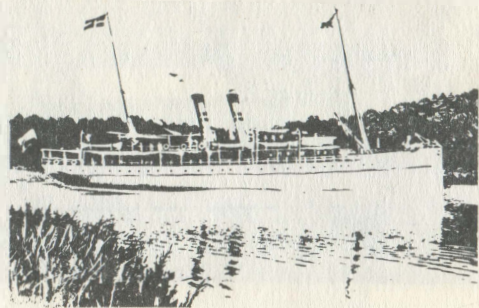
С того апрельского дня модель исторического судна поставили на вечную стоянку в один из залов музея. Кораблю отвели почетное место рядом с материалами, где раскрывалась богатая событиями жизнь

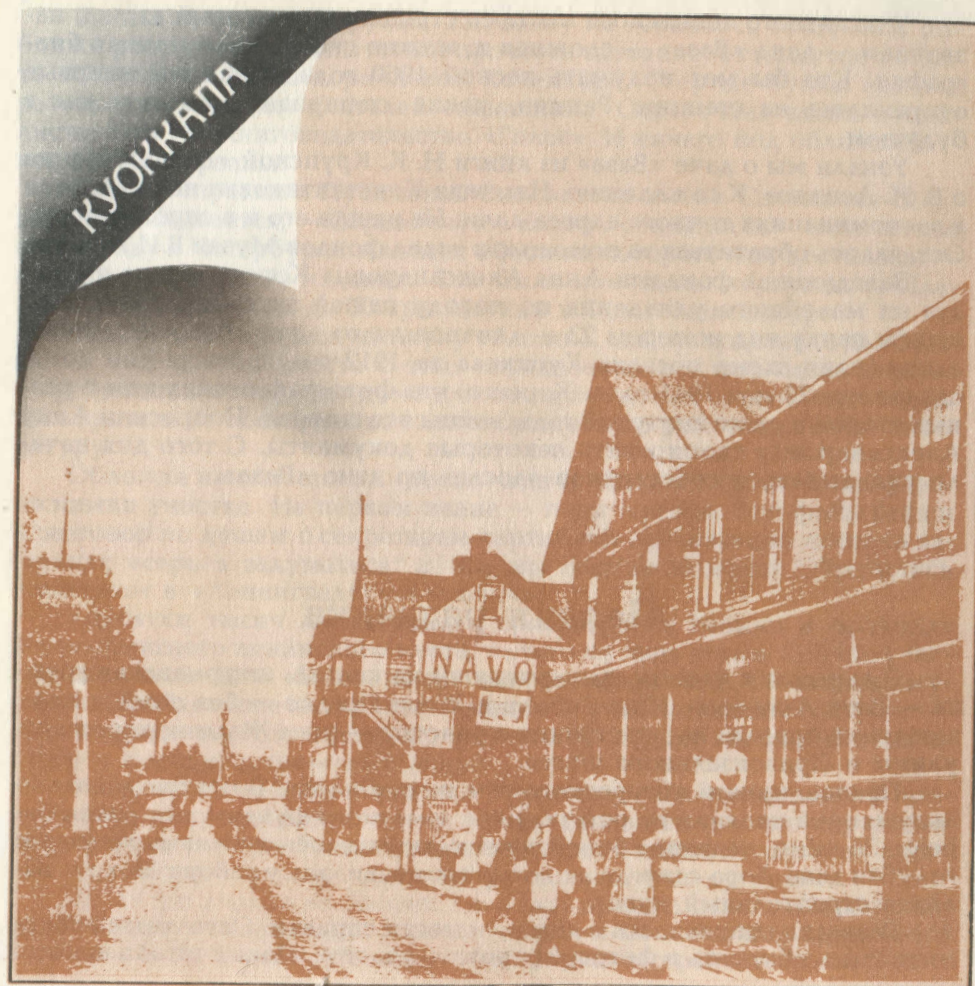
Письмо-благодарность финским пионерам от дирекции Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

Владимира Ильича в 1905—1907 годах. На этикетке под макетом напечатана история экспоната.

Сколько бы раз ни приходили с ребятами в Музей В. И. Ленина, ни приводили с собой новичков, первым делом торопимся посмотреть на «Борé». За спинами притихшей группы экскурсантов с затаенной гордостью слушаем объяснения экскурсовода: «Этот макет парохода в своем роде уникален, он экспонируется только в Ленинградском филиале Центрального музея В. И. Ленина. Это заслуга финских пионеров, красных следопытов и юных корабелов Дворца пионеров имени А. А. Жданова...».

Безмолвны ли камни развалин?

Запутанная биография

У памятного ленинского места со странным, на первый взгляд, названием — дача «Ваза» — сложная и, можно сказать, запутанная биография. Кто бы мог подумать весной 1960 года, когда мы впервые отправились на станцию Репино, какие сюрпризы ожидают нас в будущем.

Узнали мы о даче «Ваза» из книги Н. К. Крупской «Воспоминания о В. И. Ленине». К сожалению, Надежда Константиновна не указывала в воспоминаниях точного адреса дачи. Не нашли его и в справочниках. Оставалось обратиться за помощью в отдел фондов Музея В. И. Ленина.

Заведующая фондами Анна Александровна Короткова, не высказав ни малейшего удивления по поводу нашей просьбы, достала из шкафа папку под номером 22 — «личное дело» дачи «Ваза»: воспоминания, план-схема поселка Куоккала за 1912 год, фотографии дома, сделанные 22 мая 1941 года. Хорошо, что фотограф отснял дом с разных сторон и даже внутри. В годы войны все сгорело. Попросили Анну Александровну скопировать некоторые документы. С того дня начало складываться собственное «досье» по даче «Ваза».

Первая разведка

С адресом и планом, вычерченным на кальке, штурманская группа — Витя Лукьянов, Юра Соболев и Женя Предко — без особых приключений привела нас от станции к участку — угол Железнодорожной улицы и Привокзального шоссе.

Правда, ничего интересного там не оказалось. В центре довольно запущенной полянки на остатках еле заметного фундамента росли березы. За ними, на фоне сочной зелени, выделялась свежеекрашенная голубая дача. Гора струганых досок громоздилась у забора. Вокруг валялся строительный мусор.

Разведка отправилась в дом — навести справки. Остальные ребята принялись обмерять и фотографировать участок. Пока считали шагами

расстояние от развилки дорог до фундамента, вернулась разведка, и не с пустыми руками.

Оказывается, хозяева дома, Алексей Демидович и Мария Федоровна Демидовы, слышали о даче «Ваза». К ним приходил секретарь партийной организации поселка. Они хлопочут вместе с другими жителями о благоустройстве памятного места. Прощаясь, Витя спросил на всякий случай: не находили ли что-нибудь интересного на участке?

Мария Федоровна вспомнила, что после войны разбирали обветшавший сарай, за стропилами нашли пакет с газетами и книгами революционного содержания. О ценности их тогда не задумывались и всю литературу пустили по листику на растопку. Случайно сохранилась одна обложка. Сгодилась в хозяйстве — ставить утюг. Витя упросил подарить обложку, не для себя, для истории. Хозяева не устояли.

Реликвия пошла по рукам. Каждому не терпелось пощупать, поближе рассмотреть, попытаться прочесть название, оттиснутое когда-то золотом на темно-коричневом коленкоре. Стертые буквы еле-еле разобрали: «Альбом деятелей социализма. Справочная книга социалиста. Том IV. Книгоиздательство «Голос». И ничего под обложкой — все листы вырваны.

Навели справки в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Оказывается, «Справочную книгу социалиста» напечатали в 1906 году в Петербурге. Альбом, обложка которого нам досталась, — приложение к этому изданию. Там были помещены портреты от Платона и Томаса Мора до Клары Цеткин и Розы Люксембург.

Нового в историческую науку обложка, она же подставка для утюга, не внесла. Но, вместе с тем, определенно подтверждала версию о пребывании в соседнем доме или соседних домах людей, вынужденных прятать от посторонних глаз запрещенную революционную литературу.

Обложка нашла место в «досье» о даче «Ваза». Туда же попали фотоснимки участка. На первом плане — горы мусора. Эти фотографии и разговор по душам с секретарем партийной организации поселка заставили всерьез задуматься: а чем мы можем помочь? Обратились с письмом в «Ленинградскую правду»:

«Десятки тысяч ленинградцев приезжают в Репино и проходят мимо памятного ленинского места, ничего не зная о нем. Сейчас участок, где стояла дача «Ваза», имеет неприглядный вид. Он засыпан мусором. Пройдет еще несколько месяцев и участок совсем застроят — уже ведутся подготовительные работы. Не лучше ли разбить здесь сквер и поставить памятный знак?

Ленинградские пионеры, юные туристы и следопыты готовы принять участие в этом важном деле. Хотим сообщить вам, что партийная организация поселка Репино и ее секретарь Михаил Васильевич Баранов уже обращались по этому вопросу в местные органы».

Через три недели во Дворец пионеров пришел ответ: «По вопросу оформления мемориального места «Ваза» в пос. Репино, связанного с именем В. И. Ленина, Исполком Сестрорецкого райсовета сообщает,

что планируемое строительство на месте бывшей дачи «Ваза» приостановлено для переноса пятна застройки дома.

Исполкомом возбуждено ходатайство в установленном порядке об организации и оформлении этого исторического места.

Председатель Исполкома.

Ну что же, значит, не зря писали. Один голос в пользу доброго дела хорошо, а десять — еще лучше.

С той поры прошло несколько лет. Приятно было видеть, как захламленный пустырь превратился в уютный сквер. Осталось сделать совсем немного — поставить на остатках фундамента мемориальный знак.

Казалось, все, можно ставить точку. Папку с материалами о даче «Ваза» обвязали покрепче шпагатом и спрятали в дальний ящик. О ней уже успели забыть, как вдруг...

Версии и факты

В 1965 году в канун ленинских дней «Правда» поместила очерк жителя поселка Репино, инженер-подполковника С. Темкина о даче «Ваза». Как иллюстрацию к материалу дали много раз публиковавшийся довоенный снимок исторической дачи.

К этому времени, а прошло пять лет, «старая гвардия» следопытов закончила школу, но частенько то один, то другой прибегали навестить родной Дворец. Они обратили внимание на заголовок в газете: «На даче „Ваза“». Принесли номер «Правды», как напоминание о наших поездках в Репино. Нового С. Темкин в очерке не открывал. Он просто рассказал об истории дачи «Ваза», настоящем и будущем участка. Последний абзац показался наиболее интересным:

«Ревниво берегут памятное ленинское место жители поселка, в частности Мария Федоровна Демидова. (Та, что подарила обложку от альбома.) Сейчас площадка усилиями поселкового Совета расчищена, озеленена, на ней посажены молодые березки, и в центре разбита клумба.

Возбуждено ходатайство об установлении мемориального знака на месте, где находилась дача «Ваза». Есть и такое мнение: воссоздать дачу «Ваза», открыть в ней мемориальные комнаты».

Публикацию С. Темкина прочла дочь бывших хозяев дачи «Ваза» — москвичка Д. Э. Миланова. Она отправила в «Правду» письмо, убедительно доказывая, что на помещенном в газете снимке совсем не тот дом, где жил В. И. Ленин. «Прилагаю копию фотографии дачи, чудом сохранившуюся, — писала Диза Эдуардовна, — как видите, она не похожа на ту, которая фигурирует в сборниках воспоминаний...»

По просьбе редакции «Правды» сотрудники Ленинградского института истории партии и Ленинградского филиала Центрального му-

зея В. И. Ленина принялись за разрешение нелегкой задачи, по крайней мере, с двумя неизвестными. Первое — откуда и как появилась широко распространенная фотография дачи «Ваза» в экспозиции Музея В. И. Ленина? Второе — существуют ли веские доказательства версии Д. Э. Милановой?

С первой проблемой разобрались довольно быстро. Обратились к документам. Оказалось, что в конце мая и начале июня 1941 года работники Музея В. И. Ленина несколько раз выезжали на Карельский перешеек, спешили уточнить памятные ленинские места. Они примерно знали, где искать бывшую дачу «Ваза». Тогда и были сделаны фотографии двухэтажного дома с застекленной верандой, которые мы раньше видели в папке номер 22. Мнения очевидцев, участников событий относительно исторической дачи разделялись. Одни утверждали — дом подлинный, вторые колебались ответить определенно, третьи убежденно доказывали, что дача стояла на соседнем участке и от нее остался лишь фундамент. Составили акт с изложением точек зрения всех оппонентов. Требовалось продолжить исследования, но через две недели грянула война. В послевоенные годы новые сотрудники музея внесли фотографию 1941 года в экспозицию без дальнейшей проверки. Как позже стало ясно — поспешили.

Если с первой задачей — откуда появилась фотография — справились благодаря документам, сохранившимся в фонде музея, то для ответа на второй вопрос — достоверен ли второй снимок — желательно было отыскать свидетелей, которые шестьдесят лет назад собственными глазами видели дачу «Ваза». И что бы вы думали, ведь нашли. Они подтвердили подлинность снимка Д. Э. Милановой.

Результаты исследований ленинградских ученых Таисии Павловны Бондаревской и Петра Ерофеевича Никитина опубликовал журнал «Вопросы истории КПСС», позже ее перепечатала газета «Ленинградская здравница».

Другим был не только внешний вид дома, но и место, на котором он стоял. «В настоящее время, — писали авторы, — участок дачи «Ваза» не застроен. В центре его находится артезианский колодец, а значительная часть занята огородом. С запада участок бывшей дачи «Ваза» граничит с новым каменным домом, с востока его окружает молодой березняк. В связи с приближающимся 100-летием со дня рождения В. И. Ленина представляется настоятельно необходимым увековечить это памятное ленинское место».

6-й «а» берется за лопаты...

К этому времени пополнился наш отряд энтузиастов. В кружок пришли заниматься ребята из Зеленогорска, что по соседству с поселком Репино. Трое зеленогорских следопытов «заразили» идеей поиска дачи «Ваза» весь свой 6-й «а» вместе с классным руководителем Софьей Александровной Гдалиной.

На отрядном сборе прочли статью «Новые данные о даче „Ваза”» и в первое же воскресенье решили все посмотреть своими глазами. До Репино доехали электричкой. От станции отправились на розыски. Прошли мимо сквера, теперь уже ошибочного места дачи.

Судя по описаниям, вот он, участок. Главная примета — чугунная колонка артезианского колодца. Длинной ручкой-рычагом мужчина усердно качает воду. Рядом двухэтажный кирпичный дом. Видна и будка стрелочника на железнодорожном переезде. А расстояние от вокзала? Так и есть, если идти спокойным шагом, от платформы получается минут десять. Все совпадало. Правда, место неприглядное. Повсюду мусор, битый кирпич. Часть поляны перекопана под огороды. Хорошо бы привести участок в порядок: очистить от завалов, прорыть

Дача «Ваза».
Фотография 1910 г.
Из семейного альбома.

Р. Г. Энгестрем и Э. Ф. Энгестрем — хозяева дачи «Ваза».

канавы, разрыхлить землю, посеять траву и проложить дорожки. Сказано — сделано.

...Через железнодорожный переезд с грохотом шли самосвалы: недалеко строили шоссе. У закрытого шлагбаума нагруженные землей машины выстроились в очередь. Возле будки дежурного у переезда стояли двое мальчишек. Они, вытягивая шею, разглядывали шоферов и переговаривались между собой.

— Вот этого, что ли, попросим, который в кепке? — спросил один.

— Сердитый вроде, смотри, всю папироску изжевал, ругаться будет, — усомнился второй.

— Ну, тогда следующего, который за ним?

— Торопится очень, некогда ему, гудит, как на пожаре... Да мы его вроде просили.

Наконец, помогая друг другу, ребята взобрались на высокую подножку одного из самосвалов. Просунули головы в кабину и вместе попросили:

— Дяденька! Нам очень земля нужна. Ведь вы ее так просто сваливаете, а нам для важного дела совершенно необходима. Завезите, пожалуйста, на участок, тут совсем рядом, отсюда видно.

Уговорили. Изменив маршрут, водитель Петр Александрович Попов свернул на Привокзальную улицу. Машину встретили криками «ура!».

Сережа Кузнецов и Андрюша Зверев, герои дня, лихо держась одной рукой за кабину, прыгнули с подножки.

Тяжелая, спрессованная под собственной тяжестью земля падала из вздыбленного кузова на сырую заболоченную площадку. Мальчишки разбивали твердые комки лопатами и топорами, вытаскивали застрявшие толстые корни. Девочки землю рыхлили, разравнивали граблями. Через двадцать минут от черного кургана не осталось и следа.

Девять раз приезжал самосвал с землей, а в десятый привез желтый песок для дорожек. Жильцы соседнего дома, дачники и просто прохожие останавливались и с любопытством смотрели на школьников.

— Что они здесь затеяли? Зачем на этом пустыре возятся? Всем ответить невозможно, тут бы и справочное бюро не спривилось.

— А что, если какой-нибудь временный знак здесь поставить? — предложил Сережа. — Сколько людей приезжают в Репино, пусть знают, где была дача «Ваза».

Через неделю в центре участка забили брусок, к нему прикрепили щит. Крупными буквами Андрюша не очень ровно вывел: «Участок дачи „Ваза“».

Стол и кресла из обстановки на даче «Ваза». Экспонируются в Музее В. И. Ленина.

Как-то утром в школу принесли конверт, а внутри — справка на бланке Репинского поселкового Совета: «Исполком Репинского поселкового Совета депутатов трудящихся сообщает, что ученики 450-й школы, в количестве 32 человек, под руководством Гдалиной С. А. проделали большую работу по уборке и очистке территории на бывшем участке дачи «Ваза».

Освободили участок от кирпичей, камней и мелкой поросли. Сделали дорожки. Отработано на благоустройство участка 1150 часов.

Председатель Исполкома Репинского поселкового Совета Саранова О. А.».

В гостях у Анны Романовны

В лабиринте новостроек долго искали новый дом на улице Третьего Интернационала. Дверь открыл юноша в клетчатой ковбойке.

— Бабушка, — закричал он в глубину квартиры, — к тебе целая делегация.

Действительно, шестеро ребят и двое взрослых пришли в гости к Анне Романовне Юрченко. Это она жила под одной крышей с В. И. Лениным и Н. К. Крупской на даче «Ваза».

Анна Романовна рассадил гостей вокруг стола.

— От кого узнали мой адрес? — интересуется Юрченко. — Не от Анны Александровны ли из Музея В. И. Ленина? Замечательная женщина. Она недавно тут была. Возила меня в Репино смотреть место, где мы жили на даче «Ваза». Больше шестидесяти лет прошло...

Анне Романовне далеко за восемьдесят. В годы первой русской революции молоденькая девушка Аня приехала на заработки из тульской деревни в Москву. Знакомые рабочие, большевики-подпольщики, приобщили ее к революционной работе. В дни вооруженного восстания на Пресне Аня охраняла конспиративную квартиру, склад оружия. Спасаясь от преследования полиции, она уехала в Петербург, но и там грозил арест. Тогда семья большевика Лейтейзена пригласила ее поселиться у них в Куоккале.

Несмотря на преклонный возраст, Анна Романовна хлопочет по хозяйству, собирает чашки и стаканы, готовится угостить чаем. Сережа Кузнецов вежливо отказывается, объясняет, что приехали они по делу, уже поздно, а им возвращаться в Зеленогорск. Деловито раскрыв блокнот, он просит рассказать о Ленине.

— Владимир Ильич, сколько помню его в то время, много работал. Пишет, пишет за столом, а потом выйдет к нам в комнату и расхаживает, сунув левую руку в карман.

По вечерам гулял в лесу, а иногда ходил на станцию к Выборскому поезду. На последнем вагоне прикрепляли почтовый ящик. Владимир Ильич опускал туда письма. Иногда он встречал Надежду Константиновну, когда она поздно возвращалась из Петербурга.

Однажды Ильич пошел гулять, поднял воротник пальто, надвинул

В гостях у А. Р. Юрченко, которая жила на даче «Ваза» в 1906—1907 гг. в семье Лейтейzenов.

шапку. Снег валил хлопьями. Возвратился с прогулки весь в снегу. Подошел ко мне и спрашивает: «Анюта, у вас есть какая-нибудь лопата?» Я ему ответила, что есть, и спросила, зачем ему лопата? «Пойду расчищу дорожку к воротам», — сказал он.

Возражаю ему, говорю, что сама все сделаю, а Ильич не уступает: «Я пойду, мне необходимы физические упражнения, а то ведь сию все время согнувшись над своими бумагами».

Прошло минут двадцать, может полчаса. Вернулся Владимир Ильич довольный. Пахло от него свежим снегом. Отдает лопату и говорит: «Я не только к воротам, но и к сараю дорожку расчистил».

Сидят ребята, не шелохнутся, рты полуоткрыты, глаз не сводят с Анны Романовны. Вдруг Сережа вспоминает о своих обязанностях летописца и хватается за карандаш. Пишет в блокноте размашисто, крупными, неровными буквами. Одно-два предложения, и странички нет. Никак успеть не может.

Для подстраховки и по просьбе «Пионерского вестника» Ленинградского радио записываю рассказ Юрченко на магнитофонную ленту. Пока крутятся катушки «репортера» и плавно течет беседа, успе-

ваю несколько раз щелкнуть затвором «Зенита». Как-никак, историческая встреча поколений — правнуков с прабабушкой.

Анна Романовна неутомима. Кажется, нет конца ее рассказам о бревенчатом двухэтажном доме с высокой башней. Она вспоминает о холодных зимних днях на даче «Ваза», как Владимир Ильич ходил в крестьянских валенках, как носил дрова и топил печку. На скатерти футляром от очков Юрченко чертит расположение комнаты Владимира Ильича, показывает, где стоял его стол.

Скоро завязалась переписка между Зеленогорском и домом номер 23 на улице Третьего Интернационала. Первое письмо от Анны Романовны следопыты прочли на дружинном сборе:

«Дорогие ребята! Большое спасибо за поздравление с Новым годом. Письмо ваше и фотографию получила. Фотография мне очень понравилась, только жаль, что я очень древняя, но с этим ничего не делаешь».

Передача по радио нашей беседы была хорошей, об этом нам говорили многие родственники и знакомые. Я была счастлива, что хоть немного помогаю детям изучать историю борьбы нашей партии за ваше счастье.

Передаю горячий привет пионерам вашей школы, особенно ребятам, которые приезжали ко мне. Фотокарточку я буду хранить у себя до конца своей жизни, как дорогую память. Только прошу сообщить мне к 8 марта, как зовут мальчиков и ту девочку, которые на фотокарточке вместе со мной, и какая у них успеваемость?»

Ответное письмо Анне Романовне сочиняли долго. Вся загвоздка заключалась в том, что на вопрос об успеваемости ответить оказалось не просто. Хвастаться тройками не хотелось, писать неправду — у кого рука подымется. Оставалось одно — срочно подтянуться. На это потребовалось время. Зато как приятно было писать, что все следопыты и большинство ребят в классе учатся на четыре и пять.

Наверное, самым дорогим подарком от Анны Романовны стал московский адрес Цецилии Гавриловны Лейтейзен. Потянулась ниточка дальше, и открылась еще одна удивительная страничка истории дачи «Ваза».

Как Владимир Ильич с детьми играл

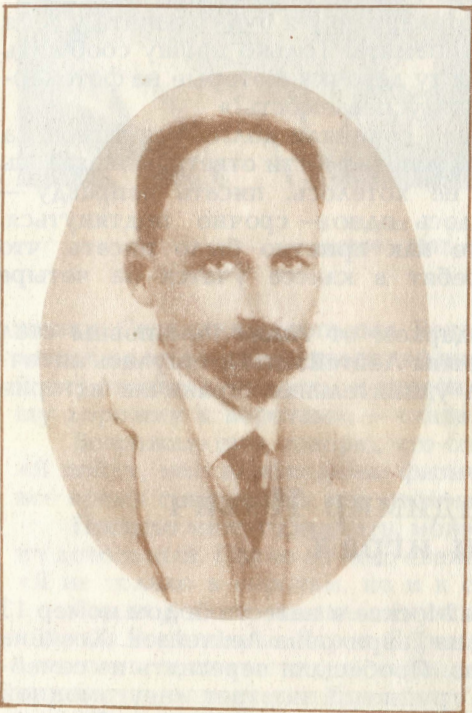
В зимние каникулы побывали в Москве и навестили дом номер 13 на Беговой улице, где живет Цецилия Гавриловна Лейтейзен. Хозяйка квартиры встретила гостей радушно. Пообещала переснять из семейного альбома фотографию отца и групповой портрет «неугомонной тройцы» — Мориса, Цецилии и Марии. Их возили сниматься в Териоки как раз в тот год, когда они жили в Куоккале на даче «Ваза». Цецилия Гавриловна сдержала слово, репродукция с оригиналов получилась отличная.

Гавриил Давидович Лейтейзен на фотографии снят почти в полный рост. Он облокотился на высокую тумбу, в светлом пиджаке. Поэтому, наверное, так выделяются черные усы, маленькая клинышком бородка и небольшой венчик волос, обрамляющий высокий открытый лоб. Он как будто задумался на минуту, взгляд устремлен куда-то мимо фотокамеры.

Лейтейзен прожил недолгую, но яркую жизнь. Профессиональный революционер, один из активных деятелей большевистской партии, он заслуженно пользовался уважением и доверием Владимира Ильича Ленина. Гавриил Давидович погиб в 1919 году на боевом посту, сражаясь с белогвардейцами за упрочение власти Советов. Аресты, тюрьмы, эмиграция не помешали ему достойно воспитать троих детей.

Вот они на другой фотографии. Стоят будто солдатики по стойке «смирно». Первой слева — самая маленькая, Мария, в середине — на полголовы выше — Цецилия, обе в белых платьях с оборками, в темном костюмчике, Гулливером возвышается Морис.

В короткой реплике-воспоминании Наталии Богдановны Богдановой, жившей в те годы на даче «Ваза», есть такая фраза: «В. И. Ленин

Г. Д. Лейтейзен. Из семейного архива.

Мария, Цецилия и Морис Лейтейзены в 1906 г. Из семейного архива.

был веселым человеком. Внизу дачи были ребята, иногда он с ними возился. Когда он садился в качалку пить чай, ребята облепляли его вокруг».

Как бы хотелось узнать об этой «возне» подробней. Ведь «ребята» — троица Лейтейзенов. Написали Цецилии Гавриловне, попросили воспоминания. Она прислала их нам:

«Бревенчатая, в снегах дача. Если подняться на крыльцо и войти в дачу, то попадешь в маленький коридор. Направо — дверь в комнату Ивана Ивановича, налево — дверь в комнаты, где живем мы, то есть семья Г. Д. Лейтейзена (Линдова). Конец коридора упирается в лестницу, которая ведет в мезонин, где поселились Александр Александрович и Наталья Богдановна Богдановы.

Этот коридор для меня, моей младшей сестры Маруси и для старшего брата Мориса — запретная зона. Мама не позволяет нам здесь шуметь. Иван Иванович работает, говорит она нам. Нельзя ему мешать. Мы поднимаемся и играем не в коридоре, а в нашей большой комнате, где стоит широкий диван и даже есть кресло-качалка. Но запрет нам в тягость. Дверь Ивана Ивановича притягивает нас, как магнит. Иногда нам удается, ускользнув от надзора, открыть дверь и войти, тогда нам открывается такая картина: стол, заваленный книгами и бумагами, Иван Иванович сидит за столом и пишет. Обернувшись, он видит непрошенных гостей, улыбается и вступает в беседу. Это именно то, что нам нужно. Но — увы! — появляется мама и уводит нас.

Мы очень любили разговаривать с Иваном Ивановичем, и много времени спустя после того, как уехали из Куоккалы, на все годы сохранилось у нас яркое воспоминание о том, как хорошо и весело было с ним. Но в ту памятную куоккальскую зиму мы еще не знали, что у Ивана Ивановича есть и другое имя: Владимир Ильич Ленин.

Итак, с утра, а точнее целый день, Иван Иванович работал в своей комнате и для нас был недосягаем. Но наше время наступало перед обедом. Как только мама говорила: «Обед готов, зовите Ивана Ивановича», — мы втроем стремглав мчались к его комнате, и перед самой дверью начинался невообразимый шум. Дело в том, что каждый хотел сам постучать. Тогда Иван Иванович — какая уж тут работа! — выходил к нам и, разобравшись в чем дело, предлагал нам стучаться по очереди. Мы сразу успокаивались. Иван Иванович уходил к себе в комнату, один из нас стучался, Иван Иванович выходил, затем снова скрывался за дверью, стучал второй из нас, и так три раза. В заключение, вполне довольные, мы все трое вели Ивана Ивановича к столу».

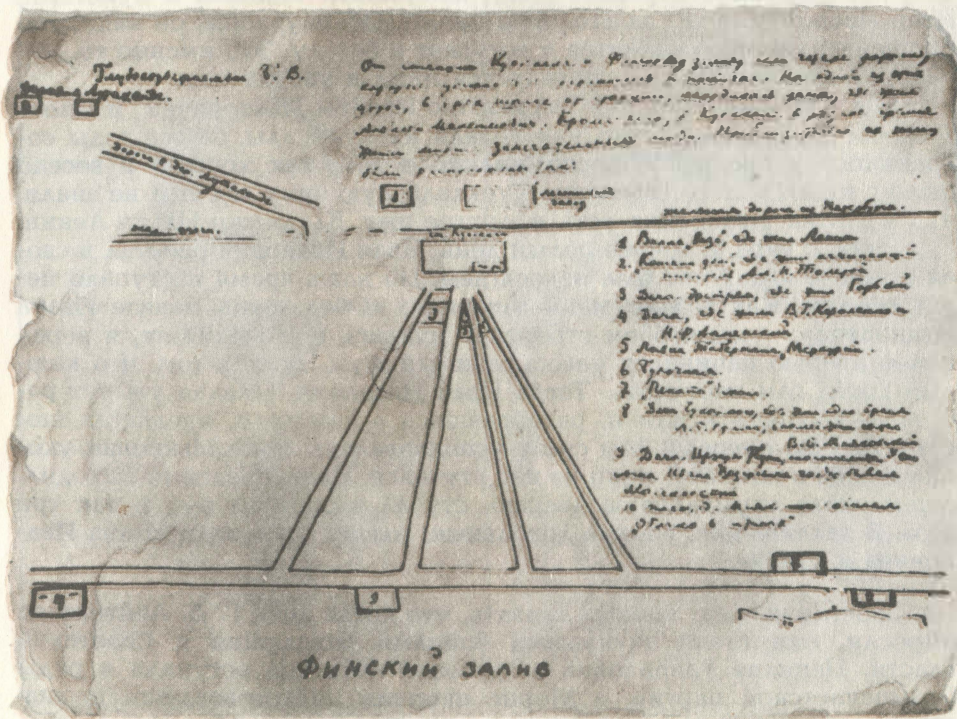
Забегая вперед, хочется сказать, что когда дети Г. Д. Лейтейзена выросли, они стали активными бойцами революции и Советской власти. Цецилия Гавриловна в грозовой 1918 год вступила в ряды большевистской партии, а Морис окончил Военно-воздушную академию.

Дочь «мадам Наво»

Настала пора рассказать о главной «возмутительнице спокойствия» — дочери хозяев дачи «Ваза» Дизе Эдуардовне Милановой. Благодаря ей и начался весь сыр-бор, когда она сказала «Нет!» при мелькавшей за двадцать лет фотографии дома в Куоккале. Это она вручила историкам подлинный снимок дачи и тем самым побудила начать разыскания. Это она без сожаления рассталась с дорогими семейными реликвиями, сохранившимися с куоккальских времен, передав их в Музей В. И. Ленина.

Могли ли мы не познакомиться с Дизой Эдуардовной, не расспросить о родителях и временах былых? Адрес Милановой узнали от Анны Романовны Юрченко, а Цецилия Гавриловна при встрече в Москве объяснила, как лучше добраться до Шаболовки. К сожалению, Диза Эдуардовна чувствовала себя неважно, и лишь накануне нашего отъезда из столицы уговорились по телефону о визите.

Разговоров, расспросов в этот раз не предполагалось. Решили отправить для первого знакомства фотодесант, наших самых крупных

План Куоккала и подходов к даче «Ваза», составленный К. И. Чуковским.

Вокзал в Куоккала. С открытки начала XX века.

специалистов в этом деле — Валеру Ахрамеева и Славу Зенковича. Поручили им сфотографировать Дизу Эдуардовну, заснять реликвии с дачи «Ваза» и сделать репродукции с документов из семейного архива.

Ребята долго искали Хавско-Шаболовский переулок, позже его переименовали в улицу Лестева. Не сразу нашли нужный дом и парадную. Миланова определенно потеряла надежду познакомиться с настырными ленинградцами.

Звонок застал ее врасплох. Вышла из кухни в пестром переднике, да так и осталась в нем. Мальчики объяснили, кто они и зачем пришли. Они вежливо, но настойчиво попросили Дизу Эдуардовну подойти ближе к свету, сесть, встать, повернуть голову. Снимали сразу двумя «Зенитами» на всякий случай. Получилась Миланова на фотографии хорошо. Темное платье с большой брошкой у ворота и пестрый передник сделали ее совсем домашней.

Фотодесант действовал в квартире энергично. Валера и Слава осмотрели вещи, сохранившиеся с давних времен, — как лучше снять. Вот, например, бронзовая фигурка рыцаря. В левой руке он держит пику, а к ней прикреплен фонарь. Вертели рыцаря так

и саяк. Его усатое лицо, шлем с закрылком и фонарь должны получиться одинаково четко.

Долго пристраивали большое цветное блюдо. Бликует и бликует, как в зеркале все лампы на его поверхности отражаются. Пока крутились вокруг блюда, Диза Эдуардовна рассказала ребятам любопытную историю. Оказывается, точно такое блюдо было семейной реликвией и находилось в гостиной на даче «Ваза». В годы революции оно пропало. Жалко было, но что поделаешь. Забыли о нем совсем. И вот однажды, проходя мимо комиссионного магазина в Москве, Диза Эдуардовна заметила в витрине блюдо — сердце вздрогнуло. Вошла в магазин, попросила снять блюдо и показать ей. Глазам не верила, руками ощупала. Работа шведских мастеров. Все совпадало. Еле денег хватило. Прижала к себе и осторожно, медленно пошла к остановке троллейбуса.

Возле окна с цветочными горшками на подоконнике стояли три кресла и стол удивительной работы. Высокие резные спинки строгой готической формы. Эта мебель находилась в гостиной на даче «Ваза». Ее первой и передала вскоре Диза Эдуардовна в Музей В. И. Ленина. Кресла и стол в экспозиции музея встали у окна на небольшом возвышении.

Были еще фототрофеи — репродукции с портретов отца Эдуарда Федоровича Энгстрема и матери Руфи Георгиевны Энгстрем. Ее хорошо знали в округе, как «мадам Наво». Диза Эдуардовна передала и копию письма Корнея Ивановича Чуковского. Письмо небольшое, но очень важное для изучения истории дачи «Ваза». Приведем его целиком:

«Простите, уважаемая Диза Эдуардовна, что так поздно отвечаю на Ваше письмо. Оно задержалось на городской квартире; я живу все лето под Москвой.

Я очень хорошо помню Вашу матушку, «мадам Наво». Она одно время давала уроки английского языка моим детям. Помню хорошо дачу «Вазу» — против станции, по правую сторону железнодорожного полотна (если ехать из Ленинграда). Когда в 1907 или в 1908 году я приехал в Куоккалу и поселился в Лутахенде, мне говорили шепотом, что на даче «Ваза» скрывались большевики. Какие большевики, я не знал.

В 1916 году в октябре Куоккалу посетил Горький. Он сказал мне и художнику Гржебину, сопровождавшему его, что здесь (и он указал по ту сторону рельсов) жил В. И. Я тогда не подумал, что А. М. имеет в виду «виллу Ваза», так как мне именно о ней говорили, что там жили большевики. Но жест А. М. был так неопределен и широк, что считать его точным указанием адреса нельзя.

Очень бы хотелось увидеть карточку «мадам Наво»... Как помнится, у дачи были высокие ворота и красивая надпись «Villa Vasa». Мадам Наво не скрывала своих политических симпатий и в обывательской среде про нее говорили с опаской и неприязнью «эта большевичка» — и сторонились ее.

Привет! К. Чуковский. 23 июня 1948 г.»

Расспрос с пристрастием

Так с «фотодесанта» в квартиру Милановых в первой половине января 1967 года началось наше знакомство с этой семьей. Время от времени переписывались. Мы, естественно, просили дополнительно прислать некоторые документы или уточнить какие-нибудь детали по Куоккале. Милановы любезно пересылали нам снимки дачи «Ваза», подробный план расположения комнат в доме, разные выписки из бумаг.

Пожалуй, можно даже говорить о сложившихся добрых отношениях и определенном интересе друг к другу. Объединяла нас мечта о реконструкции исторической дачи в недалеком будущем.

Каждое лето мать и дочь старались выбраться на перешеек, чаще всего они останавливались в пансионате «Дюны». В один из таких приездов появилась возможность встретиться с Дизой Эдуардовной и Эльной Эйольфовной, и не просто встретиться, а всем вместе побывать на участке дачи «Ваза».

Произошло это знаменательное событие 31 августа, в последний день летних каникул 1969 года. В Репино приехали Петя Киселев, Саша Дошин и Леша Жабровец — испытанные в походах и поисках следопыты. К ним присоединились еще две девочки-новобранцы. С утра низкие тучи не предвещали ничего хорошего, летний август сдавал свои дела осеннему сентябрю. К полудню в плотных облаках открылось окошко и выглянуло солнце.

Ребята засыпали вопросами Миланову: где был пруд, как проходил забор с соседним участком, что считать фундаментом дома? С планом в руках вместе с Дизой Эдуардовной и ее дочерью Эльной Эйольфовной осматриваем участок метр за метром. Случайно делаем открытие. Нашлась часть основания фундамента — здоровенный гранитный валун. Спрятался под дровяным сарайчиком, как будто его специально замаскировали. Не сунь мы туда нос, не развороши палкой опилки, так и не узнали бы, где точно стояла дача.

Потом, приглядевшись к высаженным когда-то по ниточке стройным елям, Диза Эдуардовна показала границу их участка с соседом. Хозяином был некий Хякля. Может кто сказать — мелочи, ерунда, какие там открытия? А без них не обойтись. Почти полтора часа ходили вдоль и поперек, совсем, похоже, замучили Милановых.

Теперь можно сказать, что эта встреча с Дизой Эдуардовной, да и поездка ее в край далекого детства оказалась последней.

Весной следующего года ее не стало.

Диза Эдуардовна Миланова с юных лет сознательно избрала путь в жизни и в 1917 году вступила в партию большевиков. В дни Октябрьской революции она работала в Ревельском военно-революционном комитете, позднее стала лингвистом — специалистом по скандинавским языкам, работала в «Советской энциклопедии» и в Коминтерне. Много раз переиздававшиеся у нас в стране шведско-русский и русско-шведский словари — результат ее многолетнего труда.

Пришло время поговорить о семейных традициях, о семейной преемственности. Что это такое? Пустой звук? Нет и нет! В семейных традициях заложен глубокий смысл, целая программа поведения для последующих поколений, вроде как наследственные гены в клетках ДНК. Тому много примеров, а приведем лишь один.

Не стало Дизы Эдуардовны, и сразу младшая Миланова, Эльна Эйольфовна, подхватила эстафету семейных традиций, настойчиво продолжая заниматься всем кругом вопросов, связанных с дачей «Ваза». Каждый год она старается приехать из Москвы на Карельский перешеек.

Интервью о семейных традициях

Однажды в осеннюю пору Эльна Эйольфовна пригласила навестить ее в одном из домов отдыха поселка Репино, где проводила часть своего отпуска уже не первый раз. В тот вечер состоялся обстоятельный разговор. Его можно было бы назвать и так: «Интервью о даче „Ваза“». С разрешения Эльны Эйольфовны мы записали беседу на магнитофонную пленку. Теперь это тоже история.

Вопрос: «Приходилось ли Вам раньше в семье слышать разговоры о даче «Ваза»?»

Миланова: «Я знала о даче «Ваза» с самого раннего детства. Мне было известно, что дача принадлежала деду и что там продолжительное время скрывался В. И. Ленин. Не жил как дачник, а именно скрывался».

Вопрос: «Вспоминала ли Ваша мама о каких-либо эпизодах, семейных преданиях, связанных с Куоккалой?»

Миланова: «Мне мама рассказывала, что дача «Ваза» была построена в самом начале века по желанию, проекту и чертежам деда. Постройка единственная в своем роде. А пока не было дачи, мама с родителями жила в квартире над лавкой. Лавка в Куоккале давно находилась под наблюдением полиции, и один раз они пришли с обыском. Бабушка ведала хозяйством и лавкой, а дедушка служил в речном пароходстве главным бухгалтером. После обыска и доноса его лишили места, а ведь он был хорошим работником. Вел деловые переговоры на нескольких европейских языках: английском, шведском, немецком, финском, знал немного французский...»

Вопрос: «А когда дедушка с бабушкой поселились на даче «Ваза»?»

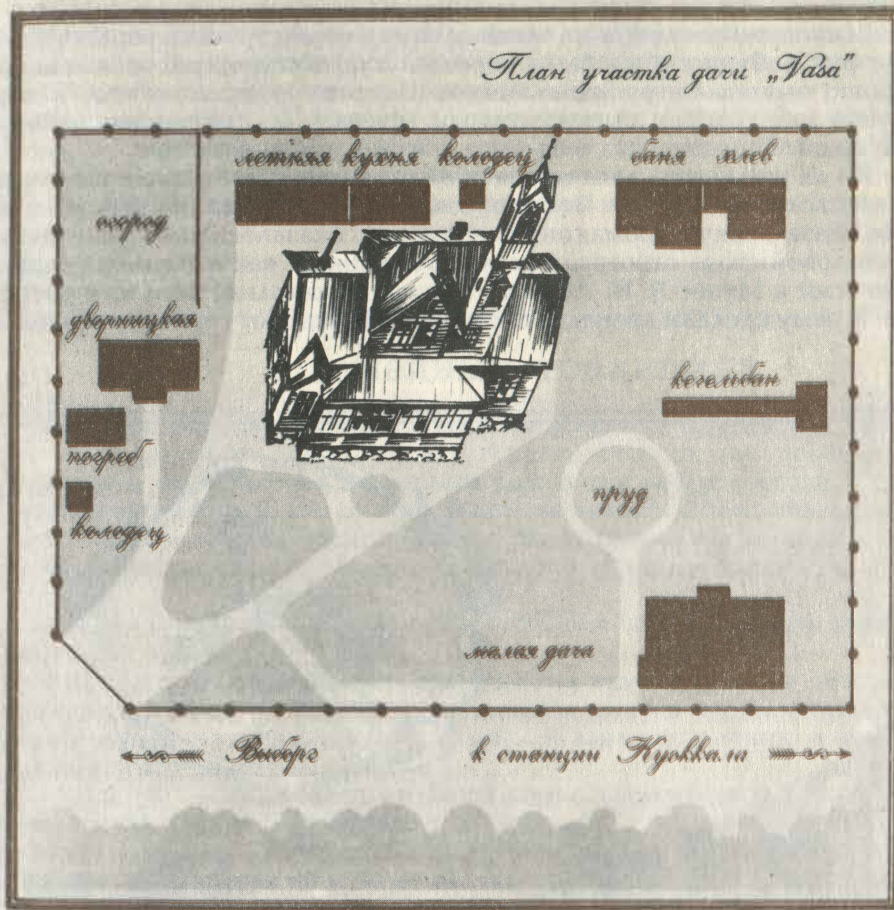
Миланова: «Мама рассказывала, что где-то в 1902 или 1903 годах. Позже сделали кирпичную пристройку специально для библиотеки. В Куоккале часто горели дома, и лавка наша горела дважды. В последний раз она сгорела дотла. Вот поэтому дед и построил библиотеку каменную. Были они с бабушкой великими книжниками.

В библиотеке дед оборудовал себе кабинет. Там же хранилась нелегальная литература.

Если планировкой дома занимался дед, то внутреннее убранство — дело рук бабушки. Она была хорошей художницей, рисовальщицей. Хорошо вышивала, рукодельничала. Поэтому эскизы мебели, в том числе и той, которая экспонируется в Музее В. И. Ленина, выполнены бабушкой. Она тяготела в выборе стиля к древней готике.

По ее рисункам сделали большой гарнитур: необъятных размеров готического типа буфет. После отъезда из Финляндии его оставили на даче «Ваза», такую громадину невозможно оказалось вывезти. В центре столовой стоял огромный стол. Точно такой, как маленький сервировочный в Музее В. И. Ленина, только значительно больших размеров. К нему сделали двенадцать стульев. И весь этот гарнитур покрыли

несмывающейся зеленой краской. А в спальне комод был белый. На его ящиках медальоны с изображением английских пейзажей. Рисунки для медальонов тоже сделала бабушка. Кроме комода в спальне стояла большая кровать, рядом рукомойник и тумбочка. В первом этаже во всех комнатах стояла мебель, сделанная по заказу».

В о п р о с: «Что из сохранившейся мебели Вы передали в Музей В. И. Ленина?»

М и л а н о в а: «Сервировочный стол и три стула, комод, шахматный столик, за которым Владимир Ильич играл в шахматы с Богдановым, жившим тогда на даче. Шахматный столик с секретом, с потайными ящичками, на которые и сейчас никто не обратит внимание. Крышку надо повернуть под определенным углом, и тогда откроется доступ к ящикам. Ох, как трудно они открываются, уж вы поверьте

мне. Тайну шахматного столика открыла мне мама, когда я была еще маленькой. Там хранились дорогие нам вещи: серебряные часы, оставшиеся от бабушки, ее обручальное колечко.

Интересная вышла история с дедушкиным креслом. Я передала его в Музей В. И. Ленина совсем недавно. Когда мы переезжали из большой квартиры в меньшую, пришлось с частью старых вещей расстаться. Дедушкино кресло подарили маминей приятельнице тете Любе. Когда же тети Любы не стало, ее племянница решила вернуть мне его, а я передала это старинное кожаное кресло с геральдикой в Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина.

В о п р о с: «Откуда пошло название — дача «Ваза»? Ведь к русскому слову «ваза», как считали раньше, оно не имеет никакого отношения».

М и л а н о в а: «Ваза, а правильней говорить — Васа, город на севере Финляндии. По семейному преданию наш род пошел из этого города. Основателем Вазы был внебрачный сын одного из королей Швеции. Ему дали фамилию Энгештрем, что значит тайное течение, сильный поток. Энге — внутреннее, тайное, штрем — поток, струя. Наша фамилия и берет начало от этого Энгештрема. В XVIII веке Энгештрем возглавил заговор против шведского короля. Король решил отомстить ему и приказал истребить весь род до седьмого колена. Кормилица сбежала с самым младшим в деревню и выдала его за своего сына. Так гласит предание.

Младенец вырос в семье лесоруба, потом научился грамоте. В своем родовом уделе на севере Финляндии он и основал город, назвав его в память о происхождении королевской фамилией — Ваза.

У деда было шесть братьев, он был самым младшим. С родней у него сложились плохие отношения. Брак с моей бабкой был принят в штыки. Бабка была англичанкой, дочерью английского консула, урожденная Принц. Ее семья тоже считала себя родовойтой. Брак с каким-то шведом для них казался браком кошки с собакой.

Бабушка плохо говорила по-русски и по-фински, только по-английски. Так до конца как следует и не изучила эти языки. Любила и изучала Шекспира. Была литературно образованной, преподавала английский».

В о п р о с: «Об этом пишет в письме к Дизе Эдуардовне Корней Иванович Чуковский и называет Руфь Георгиевну все время «мадам Наво». Что за странное имя и откуда оно появилось?»

М и л а н о в а: «Очень просто, от единственного числа латинского глагола «наваре». «Наво» значит — тружусь рьяно! Рьяно трудиться было первой заповедью моей бабушки. К слову сказать, и у мамы было не одно имя, а целых семь. В метрике их записали по порядку: Анна Мария Лиза Диза Эльза Иньерт и еще одно, сейчас забыла. Оставили — Диза!»

Бабушка как мадам Наво была известна в среде русской революционной интеллигенции, жившей в то время в Куоккале. Она не скрывала своих политических симпатий, и местные жители звали ее «большевичка». Она помогала переправлять из России в Финляндию русских революционеров. Мадам Наво была высококультурным челове-

ком. Ее хорошо знали Репин, Горький, Леонид Андреев и другие прогрессивные русские интеллигенты. Не случайно Лейтейзен снимал дачу у мадам Наво, а потом в этом доме на первом этаже поселился Владимир Ильич Ленин».

Вопрос: «Что же стало впоследствии с дачей «Ваза»?»

Миланова: «Дом в 1916 году пришлось продать некоему Загунскому. С 1918 года он фактически остался без владельца и постепенно разрушался. Дядя Генрих, мамин брат, писал, что в 1929 году видел дачу с провалившейся крышей, а в 1939 году, когда приезжал в Куоккалу последний раз, от «Вазы» оставались развалины».

— Большое спасибо за интервью, Эльна Эйольфовна. Осталось, наверное, задать последний вопрос: «Что же будет на месте дачи «Ваза»?»

Миланова: «По этому поводу есть официальное сообщение ТАСС, опубликованное во многих центральных газетах: «Мемориальное здание библиотеки решено построить в поселке Репино под Ленинградом на месте дачи «Ваза», где в 1906—1907 годах жил и работал В. И. Ленин». Если честно признаться, мы с мамой мечтали о реконструкции дачи, как это было сделано с репинским домом «Пенаты», но принят другой проект».

А как же папка с делом о даче «Ваза»? Можно ее снова завязать крепко-накрепко и спрятать в дальний ящик? Нет, не получается. В будни, а особенно в праздники, приходят на место строительства мемориала пионерские отряды, туристские группы, проходят сборы, слеты, митинги. Документы и фотографии, собранные в папке, помогают рассказать новым поколениям следопытов о былом и настоящем дачи «Ваза», об удивительной истории памятного ленинского места.

Явка на Сауна-Лахти

Третий адрес

Выборг — город царства воды и гранита. Его центральная часть по осевой линии устремлена на северо-северо-восток. По морскому — норд-норд-ост. Город напоминает огромный корабль, сработанный из камня. Воды залива то бьют, то лижут его. Серые, розовые, с искринками на изломе граниты являют себя в доподлинном, изначальном состоянии. Как будто не в доисторические времена, а только-только протюжил все вокруг, отступая, гигантский ледник, сдирая лишнее, обнажая твердь земную.

Камни везде — на берегах залива, в крепостных стенах, в основании домов, на площадях и улицах. Одна такая гранитная глыба, после ее опознания, стала вещественным доказательством и сыграла немало важную роль в ходе разысканий неизвестного раньше ленинского места. Вот об этой истории и связанных с нею событиях пойдет рассказ.

Выборг — город славных революционных традиций, хорошо знакомый В. И. Ленину еще с осени 1905 года. Тогда Владимир Ильич через Финляндию возвращался из первой эмиграции в Россию. В годы первой русской революции Ленин несколько раз приезжал в этот город и жил в нем. Выборг лежал на пути в другие города Финляндии и Швеции, куда сугубо конспиративно добирались единомышленники для участия в партийных конференциях и съездах.

Из воспоминаний современников известны три адреса, где останавливался Владимир Ильич в Выборге. Это так называемая гостиница «Немецкая», дом Лидии Христофоровны Гоби в поселке Пикируки и, наконец, дача, где жил с семьей А. Г. Шлихтер в поселке Сауна-Лахти. Первые два адреса после многолетних разысканий удалось установить следопытам Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова, третий — оставался загадкой.

В книге А. Г. Шлихтера никаких зацепок для поисков, лишь название поселка под Выборгом — Сауна-Лахти. Наверное, поэтому ни в одном из путеводителей по ленинским местам не упоминался этот адрес.

Не нашлось добрых слов о Сауна-Лахти и в дореволюционных справочниках по Финляндии. Авторы отдавали предпочтение соседним Пикирукам, которые мы несколько лет назад исходили вдоль и по-

перек в поисках дачи Гоби. Про Сауна-Лахти почти не упоминали или отзывались в пренебрежительном тоне: «Дачное место Сауна-Лахти расположено к северо-востоку от Выборгского форштадта вдоль полотна железнодорожного пути, идущего на Гельсингфорс. Часть этой местности, прилегающая к воде, вряд ли может считаться сколько-нибудь здоровой по причине обильных испарений, поднимающихся в жаркие дни от поверхности мелеющего залива Сауна-Лахти. Кроме того, пролегающая между дачами почтовая дорога, вследствие частой езды по ней, дает слишком много пыли, и в особенности в те дни, когда поднимается ветер с моря».

Надо добавить, что Сауна-Лахти переводится как «Баный залив», а ныне поселок называется Северный.

В квартире на Профсоюзной

Каждый раз, бывая в Москве, стараемся обязательно попасть в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Не один десяток лет заведует научно-справочным кабинетом сектора произведений В. И. Ленина старший научный сотрудник Д. С. Кислик. Ее помощь ученым, писателям, журналистам трудно переоценить. Кажется, нет таких вопросов, связанных с жизнью и деятельностью В. И. Ленина, в которых бы она не разобралась. Научно-справочному кабинету приходится отвечать на сотни писем, запросов, в том числе и красных следопытов.

В одно из посещений Института мы решили поделиться с Диной Соломоновной нашими заботами и пожаловаться на отсутствие нужных материалов об А. Г. Шлихтере.

— Попробуйте связаться с Анной Ефимовной Шлихтер, — посоветовала она, — это вдова младшего сына Шлихтера — Бориса. Я только сегодня с ней разговаривала. Вот ее телефон и адрес. Скажите, что от меня. Не мешкайте!

Профсоюзная улица в одном из новых районов столицы. Многоэтажные корпуса домов. В длинном ряду парадных нахожу нужное и поднимаюсь на лифте. Дверь открывает Анна Ефимовна. Представляюсь и говорю, от кого пришел. Хозяйка квартиры любезно согласилась показать письма Александра Григорьевича, его книги, документы, фотографии, неопубликованные воспоминания о нем.

Ее муж, младший сын Шлихтера, Борис Александрович, бережно хранил все до последней мелочи, связанное с жизнью и работой отца. С большой тщательностью он подготовил последнее издание книги воспоминаний А. Г. Шлихтера — «Ильич, каким я его знал», выпущенное к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Анна Ефимовна после смерти мужа передала многие личные вещи и документы Александра Григорьевича Шлихтера в государственные музеи и архивы. Некоторые из них отправлены в Киев, часть попала в краеведческий музей Выборга, где ныне экспонируется.

В этой квартире все кажется значительным, интересным. Оказывается, Александр Григорьевич опубликовал первые воспоминания о В. И. Ленине еще в 1925 году. Анна Ильинична Ульянова-Елизарова особо отметила это издание.

Книги, папки и бумаги можно смотреть несколько часов подряд.

Но стоит ли так долго испытывать терпение хозяйки? Нет никакой надежды, что найдутся нужные материалы. «А есть ли какие-нибудь документы о Выборге?» — спрашиваю Анну Ефимовну.

На стол ложатся две любительские фотографии. Десять человек у большого камня. Все большое семейство Шлихтер — Александр Григорьевич, его жена — Евгения Самойловна и трое сыновей — Сергей, Тема и Борис. На камень забрались сестра Евгении Самойловны —

Семья Шлихтер
с друзьями у камня
в поселке Сауна-Лахти.

Е. С. Шлихтер и А. Г. Шлихтер.

Анна и ее муж, революционер-подпольщик и ученый-химик Лев Яковлевич Карпов. Рядом пристроились еще трое гостей.

На обороте фотографии надпись: «Финляндия. Сауна-Лахти, около Выборга. Лето 1906 г. Дача Ловен». Вот он ключ к поиску!..

За дело революции

Не случайно А. Г. Шлихтер оказался в Выборге. Сын столяра, Александр Григорьевич еще в далекие дни своего гимназического учения в городе Лубны жил с семьей напротив тюрьмы. В четвертом или пятом классе он начал высказывать политические суждения. И вот родители и бабушка говорили ему: «Смотри, Сашко, дотанцуешься ты до „больших окон“», то есть до тюрьмы.

Так и вышло. Восьмиклассник Шлихтер поднял на забастовку четыре старших класса Прилукской гимназии. Его исключают с «волчьим билетом». Так впервые он почувствовал на себе «царскую милость».

Вскоре Саша узнал всю «прелесть» пребывания за решетками: и в киевской «Лукьяновке», и в киевской военной крепости «Косой капонир», и в самарских «Крестах», и в других тюрьмах. Всего за тридцать лет его самоотверженной революционной деятельности он семнадцать из них провел в тюрьмах и ссылках.

До первой русской революции А. Г. Шлихтер успел пройти суровую школу борьбы. Умелый организатор, крупный марксистский теоретик по аграрному вопросу, он был признанным вожакom социал-демократов Полтавы и Самары, Сольвычегодска и Тулы, Урала и Харькова.

В бурные дни 1905 года Александр Григорьевич возглавлял всеобщую забастовку киевского пролетариата. С балкона здания городской думы он призвал участников грандиозного народного митинга к вооруженному восстанию.

Выборгский замок.
С открытки
начала XX века.

Охранка объявила всероссийский розыск Шлихтера, обещала за его голову тысячи рублей, но предателей не нашлось. За десятилетия подполья немало фамилий и кличек пришлось переменить Александру Григорьевичу — Апрелев, Евгеньев, Никодим, Нестеров. В автобиографии, хранящейся в Центральном партийном архиве, А. Г. Шлихтер писал еще об одной своей фамилии, которую он взял в конце 1905 года: «...переехал в Финляндию, где жил в деревушке Сауна-Лахти под Выборгом, по паспорту Ананьина, до начала 1908 года...»

Осенью 1907 года Ильич остановился проездом в Петербург на ночевку у меня на квартире под Выборгом...».

Итак, Выборг. В 1906—1907 годах город играл заметную роль в деятельности большевистской партии. Если дача «Ваза» в Куоккале была в ту пору партийным штабом, то Выборгу В. И. Ленин отвел роль «печатного цеха», откуда распространялись по России не только большевистские газеты, но и тысячи листовок. А. Г. Шлихтер по поручению партии занимался подготовкой и выпуском газет. Верной помощницей Александра Григорьевича была Евгения Самойловна, жена и единомышленница, друг и товарищ по партии, секретарь и корректор большевистских газет «Пролетарий» и «Вперед». Трепетно заботилась мать о семье — трое сыновей росли у Шлихтеров; среднему, Теме, было три с половиной года, а младшему, Борису, серьезно тогда хворавшему, лишь полтора года.

Свидетельствует сестра Евгении Самойловны: «Определив свой путь в ранней молодости, она не сворачивала с него никогда... Правда, она не любила, когда дети ее, играя, держали в руках оружие, — ей всегда казалось, что оно может выстрелить».

Не случайно первенец Шлихтеров, Сережа, написал в 1912 году к дню рождения дорогой мамочки такие стихотворные строки:

...Юношества гибкость
Твой дух хранит до этих пор.
Сквозь бурь житейских испытанья
Сумела чистыми пронести
Свои ты первые мечтанья,
И сохранить их, и поднести.

А в 1925 году Тема в письме к близкому человеку признался: «Всем хорошим, что у меня есть, я в значительной степени обязан закатке, полученной дома. И от отца, и от матери. Особенно мама в этом отношении чудесный, и скромный, и строгий к себе человек. Если я смогу быть таким, как они, — это будет необыкновенно хорошо!»

Здесь уместно сделать небольшое отступление о сыновьях. Старший — Сергей Шлихтер. Его жизнь оборвалась рано. В 1914 году он добровольно ушел на фронт, приняв на себя обязанности брата милосердия в 1-м симбирском отряде. 25 июня 1916 года Сергей Шлихтер умер от ран, полученных в бою под Барановичами.

Сорок первый, година испытаний, мать торопит сыновей с отправкою на фронт. А они сами добиваются этого! Артемий — полковой комиссар на Брянском фронте, Борис — в армии Народного ополчения.

Остались ли у братьев в памяти встречи с Владимиром Ильичем под Выборгом? Скорее всего нет, слишком маленькими они были тогда.

Но вот после революции, в начале 1918 года они упросили отца провести их в Смольный и показать рабочий кабинет Ленина. И Шлихтер, в ту пору нарком земледелия, а затем нарком продовольствия РСФСР, раздобыл для них пропуск в Смольный. В какой-то момент, когда Владимир Ильич отлучился из своего кабинета, Александр Григорьевич на минутку вошел туда с сыновьями. Тема и Боря не могли удержаться от того, чтобы не взять что-нибудь на память. И взяли: ручку и карандаш! Шлихтер в тот же день сказал Ленину, куда делись эти предметы с его стола. А после смерти В. И. Ленина ручка была передана в партийный архив и теперь, как ценный подлинный экспонат, находится в Центральном музее В. И. Ленина.

Однако вернемся в Выборг и попробуем ответить на такой вопрос: когда В. И. Ленину стал известен адрес в Сауна-Лахти? Квартира Шлихтеров служила секретариатом редакции и конспиративной явкой, на которую приходили многие подпольщики.

Первая личная встреча Шлихтера с Ильичем произошла в мае 1906 года в Петербурге, на многолюдном митинге в Народном доме графини Паниной.

От кого мог узнать В. И. Ленин адрес Шлихтера? Возможно, от Лидии Христофоровны Гоби, в ту пору, когда Владимир Ильич перед отъездом на IV съезд партии несколько дней жил на даче в поселке Пикируки. Весна 1906 года. Шлихтер и Гоби не просто могли знать друг друга как соседи по поселкам, они выполняли общее партийное поручение. «...Стал выходить в Выборге нелегальный «Пролетарий», — вспоминала Н. К. Крупская, — которому Ильич уделял много времени и внимания. Отношения велись через т. Шлихтера. Нелегальный «Пролетарий» привозился в Питер и распространялся там же по районам. Переправкой занималась т. Ирина (Лидия Гоби)».

Искусный конспиратор

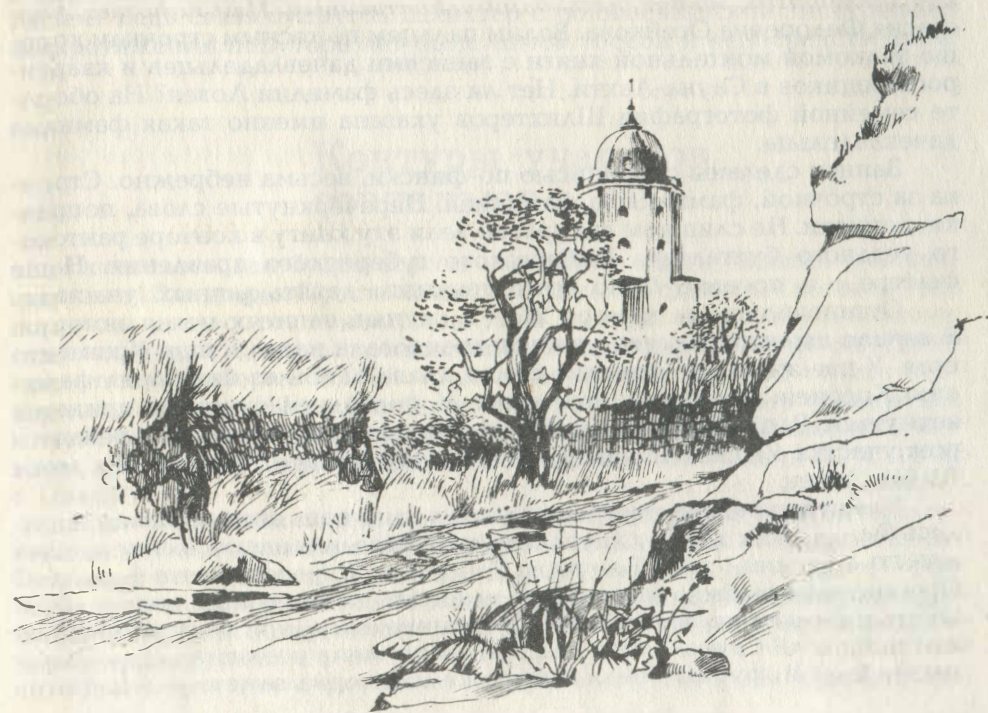
В первой половине августа 1906 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская провели в Выборге две недели. Владимир Ильич сам выпустил первый номер газеты «Пролетарий». Он «юношески радовался, — писал Шлихтер, — успехам и быстроте организации нового газетного аппарата».

А. Г. Шлихтер, успевший за полгода познать очарование старинного города, часто сопровождал Владимира Ильича на прогулках. Александра Григорьевича поражала многогранность кипучей природы Ленина, и в частности, любовь к природе. «Эта его любовь к природе, — вспоминал Шлихтер, — сказала во время пребывания его в Выборге. Мне пришлось по его просьбе несколько раз показывать ему все, что есть интересного в Выборге. Я помню, Ленину очень понравились окрестности Выборга со стороны старинных крепостных рвов, понравились и самые рвы, заросшие густой зеленой травой». Рвы эти граничат с одной стороны с поселком Сауна-Лахти, с другой — с поселком Пикируки.

Бастионы и рвы Анненских укреплений служили хорошей приметой для тех, кто пешком добирался до конспиративной явки в Сауна-Лахти. Так однажды в начале лета 1907 года вечерним петербургским поездом в Выборг прибыла группа подпольщиков — «кавказцев». Это были опытные печатники, работавшие раньше в бакинских нелегальных типографиях. Их давно ждали для расширения выпуска большевистских изданий. «Кавказцы» благополучно добрались до явки-квартиры Шлихтеров на Сауна-Лахти, но хозяйку дома не застали. Евгения Самойловна ждала гостей до определенного часа и отправилась на другое конспиративное свидание. Она не предполагала, что вечерний поезд опоздает, но на всякий случай попросила старшего сына побыть дома, встретить приезжих и никуда их не отпускать до ее возвращения.

Гости ждали-ждали, а потом довольно громко стали выражать беспокойство. Оно и понятно — чужая страна, чужой город. Уж если ехать из Баку в Выборг, то не ради того, чтобы сидеть сложа руки. Ведь они привезли с собой шрифт для «Пролетария».

Переживая и обсуждая свое безвыходное положение, гости не обращали внимания на мужчину, сидевшего в стороне и читавшего газету. Он не вмешивался в разговор, только изредка поглядывал на приезжих. Страсти накалялись, перешли на грузинский, пересыпая фразы эмоциональными всплесками междометий. И когда у ожидавших вот-вот должно было окончательно лопнуть терпение, мужчина сложил газету и предложил проводить товарищей в тот дом, где им предстоит разместиться.

Неловкое настороженное молчание было ему ответом. Сын Шлихтера Сергей одобительно закивал головой: мол, товарищ свой, надежный. Пошли порознь — провожатый впереди. Прежде чем отправиться в путь, он строго предупредил о необходимых предосторожностях. Дошли благополучно и распрощались.

Бакинцам-печатникам регулярно доставляли рукописи статей Владимира Ильича. Иногда ездила за ними на дачу «Ваза» Е. С. Шлихтер. Она каждый раз передавала от Ильича сердечные приветы. Печатникам, конечно, хотелось повидать Ленина. Когда однажды зашел об этом разговор, Евгения Самойловна необычайно удивилась: «Да ведь вы уже его видели и говорили с ним!»

«Я ахнула, — вспомнила участница этих событий С. П. Тодрия, — оказывается, незнакомец, который проводил нас в типографию, был Владимир Ильич Ленин. В целях конспирации он так искусно был замаскирован, что я его не узнала».

Годы и судьбы в документах архива

Сотрудники Выборгского архива всегда стараются прийти на помощь исследователям. Чрезвычайно сложно найти среди сотен и тысяч документов, может быть, один-единственный. Нам помогает Анастасия Федоровна Осейкова. Водим пальцем по тесным строчкам хорошо знакомой монтальной книги с записями дачевладельцев и квартиросъемщиков в Сауна-Лахти. Нет ли здесь фамилии Ловен? На обороте семейной фотографии Шлихтеров указана именно такая фамилия дачевладельца.

Записи сделаны скорописью по-фински, весьма небрежно. Строчка за строчкой, фамилия за фамилией. Перечеркнутые слова, поправки, дописки. Не слишком аккуратно вели эту книгу в конторе рантского уездного бухгалтера Выборгского губернского правления. Наше счастье — в поселке было всего тридцать девять дачных участков.

Остановились на номере 27 — в скупых записях целая история. В начале нынешнего века участок арендовала вдова купца Краватинская. У нее жили две финские семьи, глава одной из них носил фамилию Косонен. Запомним этот факт. К последней фамилии придется вернуться. Вдова продала свой дом. Жильцы тоже уехали. Арендатором участка 27 стал Биншток. У него поселились Ялмар и его жена Лидия Ловен.

Удивительно, как иногда вяжутся в одну цепь звенья совсем, казалось бы, далеких друг от друга событий. Искали и нашли в списках Ловен, но арендовал дачу Биншток. Где могла встречаться эта фамилия? Просматриваем свою картотеку, выписки из архивных документов. Опять пригодилась заметка Н. Е. Буренина. На одной из страничек такая запись: «В Сауна-Лахти под Выборгом жила и помогала в деятельности боевой группы семья Биншток». Еще одна заметка: «Напротив

дачи Биншток жил жандармский полковник, увлекавшийся хозяйкой дачи». Как будто ничего не дающая пикантная подробность. Но в ней есть смысл. Во-первых, такое знакомство — лучшее прикрытие для конспирации. Во-вторых, этот факт поддается проверке и может послужить для уточнения месторасположения участка.

Продолжаем листать монтальную книгу, против участка 27 — участок номер 14. Арендатор — капитан Кондратович. Буренин мог ошибиться в звании. Других офицеров, судя по записям, в поселке не проживало.

Возвратимся к Бинштоку. Николай Евгеньевич Буренин в письме в Ленинградский институт истории партии указывал на хорошую осведомленность Бинштока в конспиративных делах партии. Его семья помогала нелегальному проезду Горького за границу. Определенно просматривается связь: Ловен, Шлихтер, Биншток.

Стоит обратить внимание еще на одно «совпадение». В автобиографии Евгения Самойловна Шлихтер писала, что наборщиками типографии, где печатались большевистские газеты «Пролетарий» и «Вперед», были грузины: «Ладо Думбадзе, Вано Балквадзе, «Макар» Гогудзе, Семен Енукидзе, Сила и Соня (муж и жена) Тодрия, работал еще один финн т. Косонен, говоривший по-русски». Фамилии наборщиков-грузин хорошо известны и по другим источникам, а вот финская фамилия Косонен встречается впервые. Не тот ли это Косонен, что жил в доме на участке номер 27 перед тем, как въехали туда Биншток и Ловен? Ведь связь супругов Шлихтер с большевистской типографией на протяжении полутора лет была самой тесной и непосредственной.

Контурь участков совпадают

Оставалось как будто совсем немного — найти бывший участок, где жили Шлихтеры. Просто сказать — труднее сделать. Сколько с тех пор воды утекло, все изменилось. И на этот раз помогла уникальная, существующая в единственном числе, план-карта северо-западных предместий Выборга. В 1905 году ее выполнили цветной тушью чертежники фирмы «Карл Шлейцер». Второй раз пришлось обращаться к этой карте для поиска памятных ленинских мест. Несколько лет назад только благодаря ей удалось установить место дачи Л. Х. Гоби в Пикируках.

Желтым цветом на карте выделен поселок Сауна-Лахти. Единственная улица, она же почтовая дорога из Выборга в Гельсингфорс. С запада естественной границей поселка служит залив. С востока, параллельно улице — насыпь железной дороги. Дачникам и арендаторам приходилось привыкать к перестуку вагонных колес и резким паровозным гудкам.

Нумерация домов в поселке, судя по плану, сквозная, с первого по

тридцать девятый — по часовой стрелке. 27-й участок — на восточной стороне дороги, задний двор упирается в насыпь.

...Автобус привозит нас вместе с Анастасией Федоровной Осейковой в поселок Северный. Приблизительно, что называется «на глаз», ребята пытаются определить по копии плана 1905 года, где находился бывший участок под номером 27. И хотя нынешний порядок нумерации домов ничего общего не имеет с расположением участков на архивной карте, поражает неожиданное совпадение. Похоже, дом на Коммунальной улице остался под тем же номером 27! Он примостился на огромном гранитном валуне, естественном фундаменте. Следовало убедиться, не произошло ли ошибки, и доказать это документально.

Против знаменитой «круглой башни», более четырех столетий возвышающейся на Рыночной площади Выборга, располагается небольшое, но важное для города учреждение — «Бюро технической инвентаризации». Здесь в тысячах папок хранятся подробные паспорта на каждый участок, на каждый дом в Выборге и его пригородах. Вот они, планы старых деревянных зданий в поселке Северный! Ребята переносят на кальку контуры участков, планы домов, записывают данные о расположении комнат, характеристики сохранности здания, примерное время постройки. Предстоит самая важная и не раз уже оправдавшая себя операция — приведение планов разных лет к одному масштабу.

Аккуратно накладываем одну кальку на другую. Вот это сюрприз: на бывший участок 27 попадает дом под номером 31. Старое деревянное строение с мансардой. На него вначале и не обратили внимания. Значит, с выводами поторопились...

Нашлось еще одно удивительное доказательство. Через дорогу, против 31-го дома, заметили большой валун. И в профиль, и в фас он точь-в-точь напоминает тот, что изображен на любительской фотографии. Возле него и собралось все семейство Шлихтер вместе с гостями. Такой же живописной группой расположились следопыты — своего рода следственный эксперимент. Проявили пленку, отпечатали несколько пробных снимков. Придирчиво сравнили старую и новую фотографии. Очень похоже. Вот так и обычный камень может стать важным доказательством.

Через годы шагает отряд

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — говорят в народе. Так и в серьезном поиске. Перелистываешь страницы, читаешь — вроде все просто, быстро. На самом деле ведь далеко не так. Вот фотография. Знакомые, близкие лица. Но они уже давно не такие, давно не школьники. Вслед за ними успело смениться два поколения следопытов. С первого выхода в тихий поселок и до завершения поиска прошла пятилетка!

Вернемся к «нашему» дому. Жители его привыкли к частым посещениям ребят из Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова. К нашей группе присоединился отряд «Юных искровцев». Началась планомерная «осада» дома. Измерили участок, здание. Гостеприимные хозяева показали все пять комнат. Наконец добрались и до чердака.

...Лучи фонариков медленно движутся вдоль стропил, покатых стен, надолго останавливаются на плотно спрессованной засыпке перекрытий. Внимательно и неторопливо, сантиметр за сантиметром перебирают ребята слежавшийся песок и опилки. Время от времени раздаются возгласы:

— Еще открытка с адресом! Ура, старая газета!

Что только не попадалось под руки! Письма на русском и финском

Дом,
где в семье Шлихтер
останавливался
В. И. Ленин.

САУНА-ЛАХТИ

языках, непонятные бланки, блокнот с карандашными набросками, обрывки газет, журналов полувековой давности. Мальчишки нащупали под опилками патроны от «Кольта» и затвор от русской трехлинейной винтовки. На всех газетах, открытках и письмах указывался один неизменный адрес: «Сауна-Лахти, 27».

Настала пора передать результаты исследований в Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина и в Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС. Не осталось сомнений, что старый дом, срубленный искусными мастерами на рубеже столетий и доживающий свой век, — единственное сохранившееся здание в Выборге, связанное с деятельностью В. И. Ленина в годы первой русской революции.

К апрелю 1977 года начались реставрационные работы дома 31 на Коммунальной улице. Как выяснилось после обследования, здание

нуждалось в серьезном «лечении». Но требовалось, несмотря на капитальный ремонт, сохранить первозданность этого просторного дома с мансардой. Поэтому была подготовлена толстая папка документации с учетом всех архитектурных особенностей дачи.

Мы приехали к дому в самый разгар реставрационных работ. Уже подведен новый фундамент. По три-четыре венца с каждой стороны в толще старых бревен совсем свежие. Наново рубились стропила крыши. Бригадир плотников Анатолий Баринов и его товарищи выполняли такую ювелирную работу по реставрации не впервые. Четыре года назад бригада отремонтировала дом-музей В. И. Ленина в Выборге на Рубежной улице.

— Искусство наших предшественников-мастеров было велико, — объясняет нам Анатолий Баринов. — Вот смотрите, чего стоит вырубить кобылку стропил. Она резная. Такие сейчас ставят очень редко. Но мы стараемся в точности следовать чертежам, проверяем себя на старинных оригиналах. Мы хорошо знаем, как важно донести до нашего времени все детали тех лет.

1 ноября 1977 года у памятного дома состоялся митинг, посвященный открытию здесь экспозиционного зала дома-музея В. И. Ленина и мемориальной доски. На ней слова: «В этом доме в августе 1906 года и в ноябре 1907 года останавливался В. И. Ленин». Леноблисполком принял постановление переименовать улицу Коммунальную в улицу Октябрьскую.

В этот же день, 1 ноября, на ВДНХ в Москве открылась выставка лучших поисковых работ школьников Советского Союза. На одном из видных мест этой юбилейной выставки посетители могли познакомиться с материалами поиска в Выборге и макетом дачи в Сауна-Лахти. Его выполнили юные техники Дворца пионеров. Теперь этот макет выставлен в экспозиции Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

Продолжение следует...

О каком продолжении может идти речь? Поиск завершился открытием, восстановлено здание, распахнул двери новый дом-музей В. И. Ленина, переименована улица, не забыты и сами следопыты. ВДНХ отметила результаты поиска Серебряными медалями, а «Комсомольская правда» назвала их среди первых лауреатов премии имени писателя С. С. Смирнова. Что же еще? Мы не оговорились, продолжение следует, потому что бывший поселок Сауна-Лахти хранит, скажем осторожно, по крайней мере еще одну тайну.

Однажды после занятий Андрюша Бахвалов и Оля Садчикова направились в здание, расположенное по соседству с Дворцом пионеров, а именно в Государственную публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Дойти близко, но трудно попасть. Залы рассчитаны для научной работы, и школьников туда не пускают. Зная об этом,

заранее снабдили ребят официальной бумагой с круглой печатью на бланке Дворца пионеров. Но и «бумага» мало помогла, если бы не настырный характер Оли и Андрея. Убедили, доказали и прошли.

Нам стало известно, что в одном из номеров журнала «Исторический архив» встречается название поселка Сауна-Лахти. Вот и отправились ребята, как говорится, искать иголку в сене, а точнее, пересмотреть комплекты журналов чуть ли не за десять лет. Месяца и номера точно не знали. Просидели они в журнальном зале не один вечер и нашли. Это оказался первый номер за 1959 год.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится небольшая записная книжка в дерматиновом переплете, на обложке которой рукой Н. К. Крупской написано: «Русские адреса ЦК РСДРП». Это были адреса для писем и явок, по которым направлялась партийная корреспонденция из Парижа через Копенгаген в Россию.

Вот эти адреса из записной книжки, переписанные рукой Н. К. Крупской, и опубликовал журнал «Исторический архив». Среди множества адресов, в том числе и финляндских, оказались три в городе Выборге. Первым из них по порядку значился следующий: Выборг, Сауна-Лахти, 33, Виктор Коссо!

Предстояло решить две задачи. Первую: пользуясь проверенным методом и копиями планов-карт поселка, определить, где находился дом и что там теперь. Стоило заглянуть и в монтальные книги Выборгского архива, небезынтересно узнать фамилию арендатора участка и его жильцов. Вторая задача не менее важная и, как оказалось, значительно более сложная — выяснить подробные данные о Викторе Коссо.

Со съемкой местности и уточнением места дома номер 33 справились за один день. Это было 8 мая 1977 года. Возглавляла бригаду топографов Андрей Бахвалов. За точку отсчета взяли дом А. Г. Шлихтера, благо он был на той же стороне, что и дом Виктора Коссо. На бумагу результаты съемки перенесли сразу в том же масштабе, что и на план-карте 1905 года: в одном сантиметре 40 метров. Дотошно, по несколько раз измеряли старые фундаменты, расстояния между участками, делали поправки на кривизну улицы. Рабочую схему перерисовали карандашом на прозрачную пленку, наложили на старый план, и бывший участок под номером 33 совпал с нынешним домом номер 13, старой финской дачей постройки начала века.

Далеко ли находятся дома друг от друга? Если идти по улице — 225 метров, а вдоль насыпи (рельсы давно сняты) — всего 185. На этом коротком отрезке почти не сохранилось старых зданий, напоминают о них фундаменты, поросшие густой травой, шиповником и березовой порослью.

По монтальной книге в Выборгском архиве выяснили, что арендатором дома 33 по Сауна-Лахти в 1907—1909 годах был некий Густав Фагерлунд. Больше ничего узнать не удалось, Виктор Коссо там не был прописан.

Теперь пойдём по следам Виктора Коссо. Мы, кажется, встречали эту фамилию, когда занимались делом Шлихтера. И даже не один раз.

Евгения Самойловна Шлихтер в автобиографии вспоминает печатников-грузин и среди них одного финна, товарища Косонена, говорившего по-русски. В первые годы после революции он работал в нашем Полпредстве в Гельсингфорсе. Косонен и Коссо — ни одно ли и то же это лицо? В монтальной книге тоже встречалась эта фамилия. До того, как на даче поселились Биншток-Ловен-Шлихтеры, в доме 27 у вдовы купца Краватинской жила семья Косонен. Не Виктор ли Коссо рекомендовал А. Г. Шлихтеру дом, где сам жил раньше?

Пойдем дальше, начнем распутывать другие узелки, потянем за другие ниточки. Где искать? Конечно, у Н. Е. Буренина. Среди разрозненных листков сохранилась такая запись: «Типография в Выборге, где печатался «Пролетарий» — газета «Восточная Финляндия» на Салакканлахти рядом с «Бельведером» направо на берегу деревянный двухэтажный дом. Печатали Ресанен Анти и сын Вейко. Коссо(!) и Вейко отвозили в багаж. Фотография Коссо может быть у сестры Иды Ликолампии». В документах Буренина есть ссылка, что Николай Евгеньевич отправил письмо Виктору Коссо 27 октября 1927 года. Где оно? Здесь определенно прослеживается связь между жильцами домов 27 и 33 поселка Сауна-Лахти.

В воспоминаниях подпольщика-печатника Л. Думбадзе встречается несколько фраз о Викторе Коссо. Исследователь деятельности закавказских революционеров Шалва Иванович Гогидзе установил, что В. Коссо по национальности финн, родился в 1878 году, с юношеских лет включился в революционное движение и был членом Финской социал-демократической партии. Наборщик по специальности, он с 1905 года выпускал газету «Известия Петербургского Совета рабочих депутатов». В 1906 году его избрали в члены правления Союза работников печатного дела. После революции работал в ленинградских издательствах и скончался в 1934 году.

Еще известно, что в 1907 году Виктор Коссо помогал набирать и распространять ленинскую газету «Пролетарий» в Выборге, следовательно, наверняка был связан с семьей Шлихтер. Остается задать вопрос — был ли он знаком с В. И. Лениным и не бывал ли Владимир Ильич с Надеждой Константиновной у него в доме номер 33? Могло такое быть? Вполне вероятно, факты, приведенные выше, позволяют прийти к такому выводу. И тогда дом 33 в Сауна-Лахти, а ныне — 13 по Октябрьской улице поселка Северный, тоже является историческим и требует соответствующего к себе внимания. Но последняя рабочая гипотеза о знакомстве Виктора Коссо с В. И. Лениным требует документального подтверждения. Поэтому — продолжение следует...

О г л а в л е н и е

Притяжение истории	5
Открытка из коллекции	23
Адрес указывается впервые	47
Маяк революционеров	67
Из отряда твердокаменных	89
По следам парохода «Борé»	105
Безмолвны ли камни развалин?	121
Явка на Сауна-Лахти	143

*Для среднего и старшего
школьного возраста*

Усыскин Григорий Самойлович
ПОИСК ДОВЕРЕН ЮНЫМ

Ответственный редактор Н. Г. Ф е ф е л о в а.
Художественный редактор В. П. Д р о з д о в.
Технический редактор Э. П. К о р е н ю к.
Корректоры Л. А. Б о ч к а р ё в а и Н. Н. Ж у к о в а.

ИБ 6659

Сдано в набор 15.06.82. Подписано к печати 14.02.83. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Шрифт балтика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13. Усл. кр. отт. 26,97. Уч.-изд. л. 10,66. Тираж 100 000 экз. М-37313. Заказ № 383. Цена 50 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Усыскин Г. С.

У 82 Поиск доверен юным: Научно-художественная книга/Рис. и оформл. Л. Бирули. — Л.: Дет. лит., 1983. — 160 с., ил.

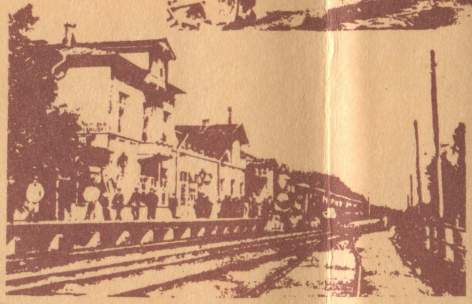
В пер.: 50 коп.

Книга Г. Усыскина, кандидата исторических наук, руководящего работой красных следопытов в городе Ленинграде, рассказывает о том, как несколько поколений пионеров вот уже свыше 20 лет ведут поиск исторических мест, связанных с пребыванием В. И. Ленина на Карельском перешейке.

4802010000—123
У 402—83
М101(03)—83

ЗК (092)

Выборг

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО

Ф И Н С К И Й

З А Л И В

Ленинград

р. Нева

50 руб.

OZON

11323526305

OZN159871972
Поиск доверен юным

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»